

ДЖЕКЪ ЛОНДОНЪ

БѢЛЫЙ КЛЫКЪ.

Безплатное приложеніе къ журналу „Новая Жизнь“.

С.-Петербургъ.

ЛЕТУЧАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

Изд. І. А. Маевского.

Задуманное подъ этимъ названіемъ изданіе отличается отъ обычныхъ многотомныхъ энциклопедическихъ словарей тѣмъ, что оно выходитъ въ видѣ небольшихъ, изящныхъ, прекрасно иллюстрированныхъ выпусковъ, каждый изъ которыхъ представляетъ собою небольшую монографію. Каждый выпускъ составляетъ самостоятельный трудъ и можетъ быть приобретень въ отдѣльности, что даетъ возможность всякому составить себѣ коллекцію недорогихъ и удобныхъ справочниковъ, посвященныхъ лишь тѣмъ вопросамъ, которые его интересуютъ.

Въ настоящее время готовятся слѣдующіе отдѣлы: **Исторія, Литература, Естествознаніе, Путеводители, Философія, Искусство, Медицина.** Каждый отдѣлъ будетъ состоять изъ многихъ десятковъ выпусковъ, совокупность которыхъ дастъ исчерпывающую сводку всего, что въ наше время извѣстно по данному вопросу. Напримѣръ, отдѣлъ **Искусство** будетъ состоять изъ, приблизительно, 200 выпусковъ, въ которыхъ будетъ дана полная исторія искусства, начиная съ глубокой древности, характеристика отдѣльныхъ эпохъ, школъ и теченій, подробныя біографіи, описаніе произведеній и характеристика творчества отдѣльныхъ мастеровъ и т. д. Особое вниманіе будетъ уделено русскому и современному искусству.

Каждый выпускъ **Летучей Энциклопедіи** представляетъ собою не только краткую, ясную и исчерпывающую монографію энциклопедическаго типа, но и превосходное учебное пособие, и можетъ быть использовано какъ дополнительное чтеніе для старшихъ классовъ среднихъ и какъ повторительный курсъ для высшихъ учебныхъ заведеній. По своей ясности, изданіе въ то же время является необходимымъ пособиемъ для самообразованія, доступное для cadaго интеллигентнаго человѣка.

Въ настоящее время въ продажѣ имѣются слѣдующіе выпуски по отдѣлу **Искусство**:

Рафаэль, Леонардо да Винчи, Микэль Анджело, Мурильо, Бѣклинъ, Брюлловъ, Н. Н. Ге, Бѣрънъ-Джонсъ, Рембрандтъ, Боттичелли, В. Васнецовъ, Левитанъ, Врубель, А. А. Ивановъ.

Ежемесячно по этому отдѣлу выходятъ не менѣе 4-хъ новыхъ выпусковъ.

Каждый выпускъ содержитъ 48 стр., съ 12—14 превосходными иллюстраціями и портретомъ; печатается на плотной, дорогой бумагѣ и брошюруется въ прочной, перпортящейся обложкѣ.

Цѣна выпуска—15 коп.

Изданіе продается во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

Выписывающіе непосредственно отъ издательства на сумму не менѣе 1 р. 50 к. за пересылку не платятъ.

Адресъ главнаго склада Книгоиздательство І. А. Маевского, Москва, Скатертный пер., д. № 27, кв. 1. Тел. 530-33.

$$\begin{array}{r} J \quad 133 \\ \hline 157 \end{array}$$

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.

22

5 1.3
153

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ.

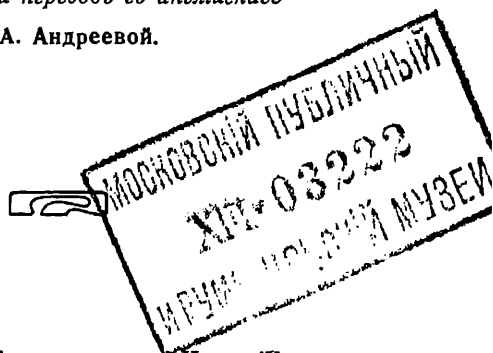
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

Томъ III.

БѢЛЫЙ КЛЫКЪ.

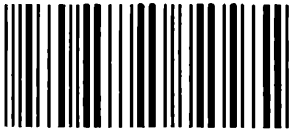
Авторизованный переводъ съ англійскаго

М. А. Андреевой.

Безплатное приложеніе къ журналу „Новая Жизнь“.

С.-В.П. 1913 г.

2007087220

МОСКВА.

Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бул., Путинк. пер., с. д.

1913.

БѢЛЫЙ КЛЫКЪ.

Но жизнь въ ней все-же была. Внизъ по замерзшей рѣкѣ съ трудомъ тащился цѣлый потягъ собакъ волчьей породы. Ихъ густая шерсть была покрыта инеемъ. Ихъ дыханіе замерзало въ воздухѣ тотчасъ же по выходѣ изъ рта, обращалось въ густое облако пара и осаждалось на ихъ шерсти, образуя на ней морозные кристаллы. На собакахъ была кожаная сбруя и кожаными же ремнями онѣ были привязаны къ санямъ, которыя тащили за собою. У саней не было полозьевъ. Онѣ были сдѣланы изъ крѣпкой березовой коры, и вся ихъ выпуклая поверхность лежала непосредственно на снѣгу. Передній ихъ конецъ былъ приподнятъ и заворачивался внутрь, какъ бумажный свитокъ. Это было сдѣлано для того, чтобы уменьшить сопротивленіе и легче скользить поверхъ рыхлаго снѣга, который подымался передъ носомъ саней, какъ волна. Къ санямъ былъ крѣпко привязанъ длинный, узкій, овальный ящикъ. Кромѣ него на саняхъ были еще другія вещи—одѣяла, топоръ, кофейникъ и сковорода; но самое видное мѣсто занималъ этотъ длинный, узкій, овальный ящикъ.

Впереди собакъ на широкихъ лыжахъ шель человекъ и утапывалъ снѣгъ. Сзади саней шель другой человекъ и тоже работаль. А на саняхъ, въ ящикѣ, лежалъ третій человекъ, трудъ котораго былъ уже оконченъ—человекъ, котораго побѣдила пустыня и который уже больше никогда не будетъ бороться съ ней. Пустыня не любитъ движенія, и жизнь для нея оскорбленіе, ибо жизнь

есть движеніе; поэтому Пустыня всегда старается уничтожить движеніе. Она замораживаетъ воду, чтобы та не бѣжала въ море; она вытягиваетъ сокъ изъ деревьевъ до тѣхъ поръ, пока они не промерзнутъ до самой своей сердцевины; но самымъ злымъ и жестокимъ образомъ Пустыня обрушивается на человѣка, ибо человѣкъ есть самое безпокойное проявленіе жизни и находится въ постоянномъ возмущеніи противъ постановленія свыше о томъ, чтобы всякое движеніе въ концѣ-концовъ прекращалось.

Но впереди и сзади саней неустрашимо, неукротимо, работали тѣ два человѣка, которыхъ смерть еще не успѣла сразить. Ихъ тѣла были покрыты мѣхами и мягкой дубленой кожей. Рѣсницы, щеки, и губы, на которыхъ осѣдало ихъ дыханіе, были до такой степени покрыты морозными кристаллами, что ихъ лицъ почти не было видно. Они казались призрачными масками могильщиковъ на похоронахъ призрака въ призрачномъ мірѣ. Но это были только люди, проникшіе въ страну отчаянія, насмѣшки и безмолвія ничтожные авантюристы, погнавшіеся за грандіозными приключеніями, люди, противопоставившіе себя могучему міру, такому же пустынному, чуждому и безжизненному, какъ бездонная пропасть надзвѣздныхъ пространствъ.

Они шли молча, сохраняя всю свою энергію для ходьбы. Со всѣхъ сторонъ на нихъ давило безмолвіе своимъ осязаемымъ присутствіемъ. Оно

давило ихъ души точно такъ же, какъ вода давить на тѣло спустившагося на дно водолаза. Оно давило ихъ тяжестью безконечности, безпредѣльности, тяжестью неумолимости ока. Оно проникло въ самые сокровенные уголки ихъ души, выжимая изъ нихъ, какъ сокъ изъ винограда, весь призрачный жаръ, всю экзальтацію и самонадѣянность, присущія всякой человѣческой душѣ, и они чувствовали себя маленькими и ничтожными мошками, движущимися со своей ничтожной хитростью и крошечнымъ умомъ, среди огромныхъ, слѣпыхъ стихій, которыя играютъ ими по своей прихоти.

Прошелъ часъ, за нимъ другой. Блѣдный свѣтъ короткаго, безсолнечнаго дня начиналъ уже гаснуть, когда въ чистомъ, тихомъ воздухѣ раздался слабый, отдаленный крикъ. Онъ поднимался вверхъ съ необычайной быстротой и, дойдя до самой высокой ноты, остановился на ней, дрожащей и напряженный, и затѣмъ тихо замеръ вдали. Это могъ быть крикъ потерянной души, если бы въ немъ не чувствовались печальная ярость и голодная рѣшимость. Человѣкъ, шедшій впереди, обернулся и встрѣтился взглядомъ съ человѣкомъ, шедшимъ сзади. Оба кивнули другъ-другу головой.

Вскорѣ новый крикъ нарушилъ безмолвіе съ ненужной рѣзкостью. Оба человѣка, наконецъ, опредѣлили мѣсто, откуда исходилъ крикъ. Оно находилось гдѣ-то въ снѣжной безпредѣльности, которую они только-что оставили позади. Раз-

дался третій, отвѣтный, крикъ, тоже сзади, но только немного лѣвѣе второго.

— Они гонятся за нами, Билль, — сказали человекѣ, шедшій впереди.

Звукъ его голоса былъ странный, хриплый и говорилъ онъ съ видимымъ усиленіемъ.

— Дичи мало, — отвѣтилъ его товарищъ. — Я, вотъ уже много дней, не видалъ ни одного заячьего слѣда.

Послѣ этого они больше не говорили, но внимательно прислушивались, такъ какъ крики продолжали раздаваться сзади нихъ. Когда наступила темнота, они свернули собакъ на берегъ рѣки въ еловую рощу и разложили костерь. Гробъ служилъ имъ и скамейкой, и столомъ. Собаки, скучившись невдалекѣ отъ огня, рычали и грызлись между собой, но не выражали никакого намѣренія скрыться въ темнотѣ.

— Мнѣ кажется, Хенри, что онѣ сегодня держатся удивительно близко отъ насъ, — сказалъ Билль.

Хенри, устанавливавшій на огнѣ кофейникъ съ кусочками льда, утвердительно кивнулъ головой И только, когда онъ сѣлъ на свое мѣсто на гробу и началъ ѣсть, сказалъ:

— Онѣ знаютъ, гдѣ безопаснѣе; онѣ предпочитаютъ ѣсть пищу, чѣмъ самимъ стать пищей для другихъ. О, собаки очень умныя животныя.

Билль покачалъ головой.

— Ну, не знаю...

Товарищъ съ любопытствомъ взглянулъ на него.

— Въ первый разъ слышу, чтобы вы сомнѣвались въ ихъ умѣ.

— Хенри,—отвѣтилъ тотъ, медленно пережевывая бобы.—Замѣтили ли вы, какъ собаки дрались сегодня, когда я ихъ кормилъ?

— Да, сегодня онѣ дрались больше, чѣмъ обыкновенно,—сознался Хенри.

— Сколько у насъ собакъ, Хенри?

— Шесть.

— Ну, такъ вотъ, Хенри...—Билль остановился для того, чтобы придать своимъ словамъ больше вѣсу.—Такъ вотъ, я говорилъ, Хенри, что у насъ только шесть собакъ. Я досталъ шесть рыбъ изъ мѣшка и далъ каждой собакѣ по рыбѣ, и у меня не хватило одной рыбы.

— Вы невѣрно сосчитали...

— Но у насъ было шесть собакъ,—повторилъ онъ безстрастно.—Я досталъ шесть рыбъ, и одной собакѣ не хватило рыбы, такъ что пришлось достать еще одну рыбу и дать ей.

— Но у насъ было только шесть собакъ!..—сказалъ Хенри.

— Хенри,—продолжалъ Билль;—я не хочу сказать, что всѣ онѣ были собаки, но только то, что семерымъ изъ нихъ я далъ рыбы.

Хенри пересталъ ѣсть и, взглянувъ поверхъ костра, пересчиталъ собакъ.

— Теперь ихъ только шесть,—сказалъ онъ.

— Я видѣлъ, какъ одна изъ нихъ бѣжала по

снѣгу,—заявилъ Билль съ увѣренностью.—Я видѣлъ семь

Хенри сочувственно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Я буду страшно радъ, когда наше путешествіе кончится, Билль.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ Билль.

— Я хочу сказать, что грузъ, который мы возьмемъ, дѣйствуетъ вамъ на нервы, и вамъ начинаютъ мерещиться привидѣнія.

— Я самъ подумалъ объ этомъ,—серьезно отвѣтилъ Билль.—Поэтому, когда я увидѣлъ, что собака побѣжала по снѣгу, я посмотрѣлъ на снѣгъ и увидѣлъ слѣды. Тогда я пересчиталъ собакъ, и ихъ было все-таки шесть. Слѣды еще до сихъ поръ на снѣгу. Хотите взглянуть на нихъ? Я вамъ ихъ покажу.

Хенри не отвѣтилъ и продолжалъ молча жевать, пока не окончилъ ѣду и не запилъ ее чашкой кофе. Затѣмъ онъ обтеръ ротъ рукой и сказалъ:

— Такъ, значитъ, вы думаете, что это былъ...

Протяжный вой, печальный и въ то же время свирѣпый, раздавшійся изъ темноты, перебилъ его. Онъ остановился, послушалъ его, затѣмъ, махнувъ рукой въ его сторону, dokonчилъ свою фразу:—...одинъ изъ нихъ?

Билль кивнулъ головой.—Да, конечно, кто же другой? Вы сами замѣтили, какую драку подняли собаки.

Вой раздавался все чаще, превращая безмолвную пустыню въ настоящій бедламъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались эти звуки, и собакамъ, повидимому, было жутко, потому что онѣ всѣ столпились въ кучу и придвинулись такъ близко къ костру, что ихъ шерсть дымилась отъ огня. Билль подбросилъ въ костеръ нѣсколько полѣньевъ и закурилъ трубку.

— Миѣ кажется, что вы сегодня необычайно молчаливы,—сказалъ Хенри.

— Хенри...—Билль задумчиво пососалъ свою трубку, прежде чѣмъ продолжать говорить.— Хенри, я думаю, что онѣ гораздо счастливѣе насъ съ вами

Онѣ указалъ на третьяго человѣка, постучавъ пальцемъ по крышкѣ ящика, въ которомъ онѣ лежалъ.

— Вы и я, Хенри, будемъ считать себя счастливыми если кто-нибудь навалитъ хоть нѣсколько камней на наши трупы, чтобы ихъ не растащили собаки...— Но у насъ нѣтъ ни родственниковъ, ни денегъ, какъ у него,—прибавилъ Хенри.—Кто повезъ бы наши тѣла такъ далеко? Такая роскошь намъ съ вами не по карману.

— А знаете, я никакъ не могу понять, Хенри, почему вотъ такой парень, который въ своей странѣ былъ не то лордомъ, не то чѣмъ-то въ этомъ родѣ и которому никогда не нужно было заботиться ни о пищѣ, ни объ одѣялахъ, вдругъ явился сюда въ эту убогую страну на самый конецъ свѣта?

— Онъ могъ бы дожить до старости, если бы остался дома,—согласился Хенри.

Билль открылъ ротъ, чтобы что-то сказать, но раздумалъ. Въмѣсто этого онъ указалъ на мракъ, который тѣсной стѣной окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ мракѣ нельзя было различить никакихъ силуэтовъ, и только видна была пара глазъ, горѣвшихъ, какъ раскаленные угли. Хенри указалъ головой на вторую пару и на третью. Кругъ горящихъ глазъ становился все тѣснѣе и тѣснѣе вокругъ бивуака. Отъ времени до времени какая-нибудь пара глазъ двигалась, или исчезала, но тотчасъ же снова появлялась.

Безпокойство собакъ все возрастало, и онѣ въ страхѣ все ближе и ближе подвигались къ огню и къ людямъ, и съ жалобнымъ визгомъ прижимались къ ихъ ногамъ. Въ суматохѣ одна изъ нихъ упала на край костра и завизжала отъ боли и страха, между тѣмъ какъ въ воздухѣ разнесся запахъ ея сожженной шерсти. Эта суматоха заставила кругъ блестящихъ глазъ отодвинуться на нѣкоторое время, но едва все утихло, какъ кругъ опять приблизился.

— Какое несчастіе, Хенри, не имѣть зарядовъ!..

Билль выкурилъ свою трубку и сталъ помогать товарищу, слать постель на еловыхъ вѣткахъ которыя онъ собралъ и разложилъ на снѣгу еще до ужина. Хенри недовольно ворчалъ, развязывая свои мокасины.

— Сколько, вы говорите, у васъ осталось зарядовъ?—спросилъ онъ.

— Три. Какъ жаль, что не триста, тогда я показалъ бы имъ, чортъ ихъ возьми!

Онъ сердито погрозилъ кулакомъ по направлению къ сверкавшимъ глазамъ и сталъ осторожно развѣшивать передъ огнемъ свои мокассыны.

— Хоть бы скорѣе кончился этотъ проклятый холодъ!—продолжалъ онъ.—Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ стоитъ пятьдесятъ градусовъ ниже нуля. И еще я бы хотѣлъ, чтобы мы никогда не пускались въ это путешествіе, Хенри. Оно мнѣ совсѣмъ не нравится. Я какъ-то неловко себя чувствую. И хотѣлъ бы я также, чтобы это путешествіе, наконецъ, кончилось, и чтобы мы снова сидѣли въ фортѣ Макъ-Гори и играли въ карты... Да, вотъ чего я хотѣлъ бы!

Хенри, сердито ворча, залѣзъ въ свой спальный мѣшокъ. Но не успѣлъ онъ задремать, какъ голосъ товарища разбудилъ его.

— Послушайте, Хенри; а почему это собаки не бросились на того звѣря, которому я далъ рыбу? Вотъ что меня беспокоитъ!

— Вы слишкомъ много беспокоитесь, Билль,— послышался сонный отвѣтъ.—Раньше съ вами этого не бывало. Вы теперь лучше помолчите и засните, и завтра будете опять молодцомъ. У васъ желудокъ не въ порядкѣ, потому вы и беспокоитесь.

Оба товарища заснули, тяжело сопя, другъ возлѣ друга, подъ однимъ одѣяломъ. Костеръ потухъ, и кругъ сверкающихъ глазъ сталъ все

ближе и ближе подходить къ бивуаку. Собаки въ страхѣ жались другъ къ другу, сердито рыча каждый разъ, когда пара глазъ подвигалась особенно близко. Однажды ихъ рычаніе стало настолько громкимъ, что Билль проснулся. Онъ осторожно вылѣзъ изъ постели, стараясь не потревожить товарища, и подбросилъ дровъ въ огонь. Когда пламя вспыхнуло, кругъ блестящихъ глазъ нѣсколько отодвинулся. Онъ случайно взглянулъ на свернувшихся въ клубокъ собакъ. Но затѣмъ онъ протеръ глаза и взглянулъ болѣе внимательно; потомъ снова залѣзъ подъ одѣяло.

— Хенри,—сказалъ онъ,—слушайте, Хенри.

Хенри промычалъ что-то, но затѣмъ, проснувшись, спросилъ:

— Ну, еще какая-нибудь бѣда?

— Никакой бѣды нѣтъ,—отвѣтилъ Билль;— только ихъ опять семь. Я только что-сосчиталъ ихъ.

Хенри принялъ это извѣстіе съ недовольнымъ ворчаніемъ и тотчасъ же снова захрапѣлъ.

Утромъ Хенри проснулся первый, и разбудилъ товарища. День долженъ былъ начаться еще только три часа спустя, хотя было уже шесть часовъ утра. Пока Хенри въ темнотѣ приготавлилъ завтракъ, Билль свернулъ одѣяла и уложилъ ихъ на сани.

— Послушайте, Хенри,—вдругъ спросилъ онъ.— Сколько вы сказали у насъ было собакъ?

— Шесть.

— Невѣрно,—торжествующе объявилъ Билль.

— Опять семь?—спросилъ Хенри.

— Нѣтъ, пять; одна ушла.

— Чортъ возьми!— въ бѣшенствѣ вскричалъ Хенри, бросая завтракъ, и отправляясь считать собакъ.

— Вы правы, Билль,—сказалъ онъ, возвращаясь,—Фетти пропалъ. Должно-быть, его проглотили живьемъ. Воображаю, какъ онъ кричалъ, когда его глотали, будь они прокляты!

— Этотъ песъ всегда былъ очень глупый,—сказалъ Билль.

— Но ни одинъ глупый песъ не можетъ быть настолько глупымъ, чтобы совершить такое самоубійство.—Онъ внимательно взглянулъ на оставшихся собакъ, замѣчая сразу всѣ отличительныя свойства каждой. — Готовъ биться объ закладъ, что ни одна изъ нихъ этого не сдѣлаетъ.

— Да ихъ и палкой не отгонишь отъ костра,—согласился Билль.—Но я всегда думалъ, что Фетти былъ необычайно глупъ.

Такова была эпитафія погибшей собаки на Великомъ Сѣверномъ Пути. О многихъ другихъ собакахъ, и о многихъ людяхъ, и этого не говорили...

Волчица.

Окончивши завтракъ и привязавъ къ санямъ свои немногія принадлежности, люди повернулись спиной къ веселому огню и пошли въ темноту. Тотчасъ же поднялись крики, въ которыхъ въ одно и то же время слышались и ярость, и печаль,— крики, которые зывали одинъ къ другому сквозь темноту и холодъ. Разговоръ умолкъ. Разсвѣтъ наступилъ въ девять часовъ. Въ полдень небо на южной сторонѣ горизонта окрасилось въ розовый цвѣтъ, указывая такимъ образомъ мѣсто, гдѣ кривизна земли становилась между меридіональнымъ солнцемъ и сѣвернымъ міромъ. Но розовый цвѣтъ быстро погасъ. Сѣрый дневной свѣтъ держался до трехъ часовъ, а затѣмъ и онъ угасъ, и покровъ полярной ночи опустился на одинокую, молчаливую землю.

Когда наступила темнота, жалобные и вмѣстѣ съ тѣмъ яростные крики подошлись ближе со всѣхъ сторонъ, и настолько близко, что нѣсколько

разъ они пугали собакъ, и тѣ пускались бѣжать въ паническомъ страхѣ.

Послѣ одной изъ такихъ паникъ, когда Хенри вернулъ собакъ на дорогу, Билль сказалъ:

— Хоть бы они нашли какую-нибудь добычу и оставили насъ въ покоѣ!

— Да, они ужасно дѣйствуютъ на нервы,— согласился Хенри.

Оба умолкли и больше не говорили, пока не расположились на ночевку.

Хенри нагнулся надъ кипящимъ горшкомъ съ бобами, подбавляя въ него кусокъ льда, какъ вдругъ онъ вздрогнулъ отъ звука удара, восклицанія Билли и отъ визга собаки. Онъ выпрямился и успѣлъ еще замѣтить, какъ по снѣгу бѣжалъ, сливаясь съ сумерками и теряясь въ темотѣ, силуэтъ собаки. Затѣмъ онъ увидѣлъ Билли, стоявшаго среди собакъ съ мрачно-торжествующимъ видомъ и державшаго въ одной рукѣ толстую палку, а въ другой—хвостъ вяленаго лосося.

— Я все-таки оттягалъ у нее половину!— воскликнулъ онъ.— Да при этомъ и здорово же я ее хлопнулъ! Слыхали, какъ она завизжала?

— Да кто это былъ?—спросилъ Хенри.

— Не разсмотрѣлъ. Но у нея были четыре ноги, и морда, и шерсть совсѣмъ какъ у собаки.

— Это, должно-быть, прирученный волкъ.

— Проклятый! Ходить сюда во время кормежки и грабить у насъ рыбу!

Въ эту ночь, когда они, окончивъ ужинъ, сидѣли

на овальномъ ящикѣ и курили трубки, кругъ сверкающихъ глазъ подошелъ ближе, чѣмъ когда бы то ни было.

— Хоть бы они напали на стадо оленей и оставили бы насъ въ покоѣ,—сказаль Билль.

Хенри что-то промычалъ, но по тону его трудно было угадать, сочувствуетъ ли онъ желанію своего товарища. Затѣмъ съ четверть часа они сидѣли молча, при чемъ Хенри уставился на огонь, а Билль—на кругъ глазъ, сверкавшихъ въ темнотѣ невдалекѣ отъ костра.

— Хорошо было бы, если бы мы сейчасъ подходили къ Макъ-Гори!—снова началъ онъ.

— Замолчите вы съ вашими желаніями и жалобами!—вдругъ съ сердцемъ выпалилъ Хенри.— У васъ изжога; вотъ въ чемъ ваше несчастье. Проглотите ложку соды, вамъ полегчаетъ, и вы станете болѣе пріятнымъ собесѣдникомъ.

Утромъ Хенри былъ разбуженъ страшнымъ потокомъ ругательствъ, исходившихъ изъ устъ Билла. Онъ приподнялся на локоть и увидѣлъ своего товарища, стоявшаго посреди собакъ, рядомъ съ костромъ, съ сжатыми кулаками и съ перекошеннымъ отъ бѣшенства лицомъ.

— Ало!—крикнулъ Хенри.—А теперь, что случилось?

— Фрогъ пропаль!—послышался отвѣтъ.

— Не можетъ быть!..

— Я же вамъ говорю, значить, можетъ быть! Хенри выскочилъ изъ постели и побѣжалъ къ

собакамъ. Тщательно пересчитавъ ихъ, онъ присоединился къ товарищу, проклиная силы Пустыни, укравшія у нихъ еще одну собаку.

— Фрогъ былъ самый сильный изъ всего потяга,—произнесъ, наконецъ, Билль.

— И онъ былъ совсѣмъ неглупъ...—прибавилъ Хенри.

Такимъ образомъ была произнесена и вторая эпитафія за эти два дня.

Завтракъ былъ съѣденъ въ мрачномъ молчаніи. Затѣмъ четырехъ оставшихся собакъ запрягли въ сани. Этотъ день былъ такой же, какъ и предыдущій. Люди безмолвно трудились, шагая по лицу замерзшаго міра. Молчаніе нарушалось только криками ихъ преслѣдователей, которые невидимо шли за ними слѣдомъ. Съ наступленіемъ ночи крики подошли ближе, потому что преслѣдователи, по обыкновенію, стянулись тѣснѣе; собаки стали снова возбужденно и испуганно жаться, и снова нѣсколько разъ подымалась паника, которая сбивала ихъ съ пути и угнетающе дѣйствовала на людей.

— Вотъ такъ, теперь вы не убѣжите, глупыя животныя!..—сказалъ въ тотъ вечеръ Билль, когда, наконецъ, окончилъ свою работу. Хенри оставилъ варить ужинъ и подошелъ посмотрѣть въ чемъ дѣло. Оказалось, что его товарищъ привязалъ собакъ, по обычаю индѣйцевъ, къ палкамъ. Шею каждой собаки онъ обвязалъ кожанымъ ремешкомъ, а къ нему, настолько близко, чтобы собака

не могла достать зубами, привязалъ крѣпкую палку въ четыре или пять футовъ длиною. Другой конецъ палки былъ крѣпко привязанъ кожанымъ ремнемъ къ колу, вбитому въ землю. Такимъ образомъ, собака не могла перегрызть ремень у своей шеи, и палка мѣшала ей перегрызть ремень, привязывавшій ее къ колу.

Хенри одобрительно кивнулъ головой.

— Это—единственный способъ, которымъ можно удержать Одноухаго,—сказалъ онъ.—Онъ перегрызаетъ кожу такъ же легко и быстро, какъ я ее перерѣзываю ножомъ. Такъ-то онъ, навѣрное, будутъ цѣлы.

— Ну, разумѣется,—подтвердилъ Билль.—Если хоть одна изъ нихъ пропадетъ, то я завтра готовъ отправиться въ путь безъ кофе.

—А онъ вѣдь знаютъ, что у насъ не хватаетъ зарядовъ,—замѣтилъ Хенри, когда они ложились спать, указывая на кругъ горящихъ глазъ.—Если бы мы могли выпалить въ нихъ раза два, то они стали бы почтительнѣе. Каждую ночь они подходятъ все ближе и ближе. Если только потухнетъ костеръ, будетъ бѣда! Видите вотъ этого?

Нѣкоторое время они для развлечения наблюдали за неясными фигурами, двигавшимися сейчасъ же за костромъ. Вглядѣвшись пристальнѣе туда, гдѣ горѣли два глаза, имъ удавалось смутно различить силуэты животнаго.

Вдругъ собаки подняли шумъ. Одноухій издавалъ отрывистый, жалобный лай и кидался въ

темноту, а затѣмъ, обернувшись, съ яростью набрасывался на удерживавшую его палку.

— Посмотрите-ка, Билль...—прошепталъ Хенри.

При свѣтѣ костра они увидѣли мягко крадущагося звѣря, похожаго на собаку. Онъ двигался съ недоувѣріемъ и въ то же время съ необыкновенною дерзостью, искоса наблюдая за людьми, но жадно стремясь къ собакамъ. Одноухій тянулся къ нему, насколько позволяла ему палка, и возбужденно визжалъ.

— Этотъ болванъ, повидимому, нисколько не боится,—тихо сказалъ Билль.

— Это волчица,—прошепталъ въ отвѣтъ Хенри.—Вотъ почему исчезли Фетти и Фрогъ. Она служитъ приманкой, заманиваетъ собаку, а всѣ остальные бросаются на нее и съѣдаютъ.

Огонь затрещалъ, шумно свалилась головешка. Животное при этомъ испугалось и отскочило назадъ въ темноту.

— Хенри, я полагаю...—началъ Билль.

— Что вы полагаете?

— Я полагаю, что это былъ тотъ самый звѣрь, котораго я хватилъ дубиной...

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь,—отвѣтилъ Хенри.

— И, кстати, я хочу сказать,—продолжалъ Билль,—что знакомство этого звѣря съ огнемъ подозрительно...

— Онъ знаетъ гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ знать уважающему себя волку,—согласился Хен-

ри.—Волкъ, который знаетъ время кормежки собакъ, имѣеть несомнѣнно большую опытность...

— У старика Виллэна была собака, которая убѣжала къ волкамъ, — вслухъ размышлялъ Билль.—Я это хорошо знаю, потому что я самъ какъ то застрѣлилъ ее среди стаи волковъ. Старикъ Виллэнъ плакалъ, какъ ребенокъ. Онъ не видалъ ее цѣлыхъ три года, а она все это время провела съ волками.

— На этотъ рѣзъ, кажется, происходитъ то же самое, Билль. Этотъ волкъ попросту собака, и онъ привыкъ получать рыбу изъ рукъ человѣка.

— Если будетъ случай, я непременно убью этого волка, или эту собаку!— объявилъ Билль.— Мы не можемъ больше жертвовать собаками.

— Но вѣдь у васъ всего только три заряда!— возразилъ Хенри.

— Я постараюсь не промахнуться.

На слѣдующее утро Хенри разжегъ огонь и сталъ варить завтракъ подъ аккомпаниментъ храпа своего товарища.

— Вы такъ сладко спали,—сказалъ ему Хенри, разбудивъ его къ завтраку, что у меня не хватило духа будить васъ.

Билль, еще несовсѣмъ проснувшись, сталъ ѣсть, но замѣтивъ, что его чашка пуста, онъ протянулъ руку къ кофейнику.

Но кофейникъ стоялъ далеко, возлѣ Хенри.

— Послушайте, Хенри,—съ упрекомъ проговорилъ онъ,—не забыли ли вы чего?

Хенри внимательно посмотрѣлъ по сторонамъ и покачалъ головой. Тогда Билль поднялъ пустую чашку.

— Вы сегодня не получите кофе,—объявилъ Хенри.

— Неужели уже весь вышелъ?—съ тревогой спросилъ Билль.

— Нѣтъ.

— Вы, можетъ-быть, думаете, что онъ вреденъ для моего желудка?

— Нѣтъ.

Краска гнѣва залила лицо Билла.

— Въ такомъ случаѣ я бы попросилъ васъ говорить яснѣе!—сказалъ онъ.

— Спэнкеръ исчезъ,—отвѣтилъ Хенри.

Не слѣша, съ видомъ полной покорности судьбѣ, Билль повернулъ голову и, не вставая съ мѣста, сосчиталъ собакъ.

— Какъ же это могло случиться?—равнодушно спросилъ онъ.

Хенри пожалъ плечами.

— Не знаю. Можетъ-быть, Одноухій перегрызъ его ремень. Самъ онъ не могъ этого сдѣлать.

— Проклятый песъ!—Билль говорилъ серьезно и медленно, безъ всякихъ признаковъ того гнѣва, который бурлилъ въ немъ.—Не могъ перегрызть своего ремня, такъ перегрызъ хоть ремень Спэнкера!

— Ну, что же; по крайней мѣрѣ, всѣ мученія Спэнкера уже кончились; въ это время, я думаю,

онъ переваривается и скачетъ по пустынѣ въ животѣхъ двухъ десятковъ волковъ,—сказаль Хенри. Такова была эпитафія третьей пропавшей собаки.—Выпейте кофе, Билль.

Но Билль покачалъ головой.

— Ну, пейте,—попросилъ Хенри, поднимая кофейникъ.

Но Билль отодвинулъ свою чашку въ сторону.

— Пусть погибну на мѣстѣ, если выпью! Я сказалъ, что не буду пить кофе, если пропадетъ хоть одна собака, и не буду!

— А сегодня чертовски хорошій кофе!—сказаль соблазнитель.

Но Билль былъ неумолимъ и позавтракаль всухомятку, приправляя ѣду ругательствами по адресу Одноухаго за ту штуку, которую онъ съ ними сыгралъ.

— Сегодня, вечеромъ я привяжу ихъ такъ, чтобы онѣ не могли достать другъ друга,—сказаль Билль, когда они пустились въ путь.

Не прошли они и ста ярдовъ, какъ Хенри, шедшій впереди, нагнулся и поднялъ что-то, что попало ему подъ лыжу. Было темно, и онъ не могъ осмотрѣть, что это за предметъ, но онъ узналъ его наощупь. Онъ бросилъ его назадъ, такъ, что предметъ ударился о сани и, отскочивъ, попалъ подъ лыжи Биллу.

— Можетъ-быть-это вамъ еще понадобится,—сказаль Хенри.

Это была та палка, къ которой былъ привязанъ Спэнкеръ, и это было все, что отъ него осталось.

— Они съѣли его вмѣстѣ съ шкурой,—сказалъ Билль.—Палка начисто обглодана. Даже кожаные ремни объѣдены съ обоихъ концовъ. Они чортовски голодны, Хенри, и непременно доберутся до насъ съ вами...

Хенри вызывающе засмѣялся.

— За мной еще никогда не гонялись волки, но мнѣ пришлось испытать гораздо худшія вещи, однако безъ всякаго ущерба для моего здоровья. Для того, чтобы покончить съ вашимъ покорнѣйшимъ слугой, нужно что-нибудь серьезнѣе, чѣмъ эта стая назойливыхъ тварей. Такъ-то, Билль, сынъ мой!

— Не знаю... не знаю...—съ зловѣщимъ видомъ пробормоталъ Билль.

— Ну, такъ узнаете, когда мы, наконецъ, доберемся до Макъ-Гори!

— Я не особенно вѣрю, что это когда-нибудь будетъ...

— Вы не въ духѣ, Билль,—объявилъ Хенри.— Вамъ нужно принять хины; я вамъ закачу здоровую дозу, какъ только мы доберемся до Макъ-Гори.

Билль проворчалъ что-то, очевидно не соглашаясь съ диагнозомъ своего товарища, и умолкъ. День прошелъ такъ же, какъ и всѣ предыдущіе. Въ девять часовъ разсвѣло, въ двѣнадцать горизонтъ окрасился теплыми лучами невидимаго солнца, а затѣмъ начались холодные, сѣрые сумерки, которые три часа спустя перешли въ ночь.

Какъ-разъ послѣ неудачной попытки солнца выйти изъ-за горизонта, Билль вытащилъ ружье изъ саней и сказалъ:

— Вы идите себѣ впередъ, Хенри, а я пойду стороною; можетъ-быть, что-нибудь попадется.

— Лучше оставайтесь возлѣ саней,—запротестовалъ его товарищъ.—У насъ осталось только три заряда, а кто знаетъ, что можетъ случиться?

— А кто изъ насъ теперь каркаетъ?—торжествующе спросилъ Билль.

Хенри не отвѣчалъ и пошелъ впередъ одинъ но часто тревожно озирался, оглядывался назадъ, туда, гдѣ въ сѣрой мглѣ исчезъ его товарищъ. Но часъ спустя Билль догналъ его.

— Они разсыпались во всѣ стороны,—сказалъ онъ,—и, не теряя нашихъ слѣдовъ, въ то же время ищутъ другой добычи. Они знаютъ, что съѣдятъ насъ, но знаютъ также, что имъ надо подождать; а пока что подбираютъ все съѣдобное, что попадаетъ имъ на пути.

— Вы хотите сказать, что они *думаютъ*, что съѣдятъ насъ?...—возразилъ Хенри.

Но Билль не обратилъ вниманія на его замѣчаніе и продолжалъ:

— Я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Они ужасно худы. Повидимому, за нѣсколько недѣль они ничего не ѣли, если не считать Фетти, Фрога и Спэнкера, но ихъ такъ много, такъ много, что врядъ ли имъ по-многу досталось. Они удивительно худы. Всѣ ихъ ребра можно пересчитать,

а животы имъ подтянуло подь самый позвоночникъ. Они въ отчаянномъ состояніи, увѣряю васъ. А вотъ, когда они взбѣсятся, тогда отъ нихъ можно ожидать всего...

Нѣсколько минутъ спустя, Хенри, шедшій теперь позади саней, издалъ тихій, предупреждающій свистъ. Билль обернулся, посмотрѣлъ и спокойно остановилъ собакъ. Сзади, изъ-за послѣдняго поворота, по ихъ горячимъ слѣдамъ крался пушистый звѣрь. Морда его была опущена къ землѣ, и бѣжалъ онъ какой-то особенно-легкой, скользящей поступью. Когда они остановились, онъ тоже остановился, поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на нихъ, при чемъ его ноздри вздрагивали, какъ-будто онъ ловилъ и изучалъ ихъ запахъ.

— Это она, волчица,—сказалъ Билль.

Собаки прилегли въ снѣгъ, а онъ прошелъ мимо нихъ и подошелъ къ товарищу. Они вмѣстѣ стали разсматривать странное животное, которое преслѣдовало ихъ уже нѣсколько дней и лишило ихъ половины потяга.

Простоявъ нѣсколько минутъ и тщательно обнюхавъ слѣды, животное пробѣжало нѣсколько шаговъ и снова остановилось. Оно повторило это нѣсколько разъ, пока не очутилось въ сотнѣ ярдовъ отъ нихъ. Тамъ оно остановилось у группы сосенъ и стало разсматривать людей и нюхать воздухъ. Оно глядѣло на нихъ страннымъ, внимательнымъ взглядомъ собаки; но въ этомъ взглядѣ

не было собачьей преданности, а была жадность, порожденная голодомъ,—жадность такая же жестокая, какъ его клыки, и такая же неумолимая, какъ трескучій морозъ. Для волка звѣрь былъ, однако, слишкомъ великъ.

— Онъ не менѣе двухъ съ половиной футовъ въ вышину,—говорилъ Хенри.—И готовъ спорить, что въ длину—не меньше пяти футовъ.

— И какая странная масть для волка!—подхватилъ Билль.—Я никогда раньше не видалъ бурыхъ волковъ Онъ мнѣ кажется почти цвѣта корицы.

Звѣрь, конечно, не былъ цвѣта корицы. Его шкура была совершенно волчья. Преобладающій цвѣтъ его шерсти былъ сѣрый, но въ ней былъ и слабый рыжій оттѣнокъ, который то появлялся, то исчезалъ, и тогда казалось, что это былъ лишь обманъ зрѣнія.

— Онъ больше всего похожъ на большую упряжную собаку,—сказалъ Билль.—Я бы не удивился, если бы онъ сталъ махать хвостомъ.

Эй, ты, растрепа!—крикнулъ онъ.—Поиди сюда!

— Онъ нисколько не боится васъ!—расхохотался Хенри.

Билль угрожающе замахалъ на звѣря руками и громко закричалъ; но тотъ совершенно не испугался; онъ развѣ только сталъ глядѣть на нихъ еще болѣе внимательно и жадно. Они были для него мясомъ, а онъ былъ голоденъ; если бы онъ посмѣлъ, онъ подошелъ бы и съѣлъ ихъ...

— Послушайте, Хенри,—сказаль Билль, невольно понижая голосъ до шопота.—У насъ всего три заряда. Промажнуться нельзя. Онъ зарѣзаль у насъ трехъ собакъ, и мы должны положить конецъ этому. Что вы скажете?

Хенри кивнулъ головой въ знакъ согласія. Билль осторожно сняль ружье съ саней; но не успѣль онъ поднять его къ плечу, какъ волчица мигомъ отскочила въ сторону и исчезла за группой деревьевъ.

Товарищи переглянулись, и Хенри протяжно свистнулъ.

— Этого можно было ожидать,—сказаль себѣ съ укоризной Билль, кладя ружье на мѣсто.— Конечно, волкъ, который является во время кормежки собакъ, долженъ быть знакомъ и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Теперь я вполне увѣренъ, Хенри, что эта тварь виновница всѣхъ нашихъ несчастій. Если бы не она, у насъ было бы теперь шесть собакъ вмѣсто трехъ. И знаете, что я вамъ скажу, Хенри? Я непременно убью ее. Конечно, она хитра, и ее нельзя застрѣлить. Но я ее подстерегу; я застрѣлю ее изъ-за куста—или меня не зовутъ Биллемъ!

— Но вы все-таки не уходите для этого слишкомъ далеко,—посоветоваль его товарищъ.—Если стая набросится на васъ, то ваши три заряда вамъ не помогутъ. Эти животные чертовски голодны, и разъ они кинутся на васъ, то вамъ не сдобровать, Билль.

Въ тотъ вечеръ они рано остановились на ночлегъ. Три собаки не могли тянуть сани такъ же скоро и такъ же долго, какъ шесть, и въ нихъ уже замѣчались признаки переутомленія. И люди рано легли спать, при чемъ Билль предварительно привязалъ собакъ на такомъ разстояніи, чтобы онѣ не могли перегрызть ремней другъ у друга.

Но волки стали смѣлѣе и не разъ будили людей. Они подходили такъ близко, что собаки начинали метаться въ страхѣ, и все время приходилось поддерживать огонь, чтобы держать хищниковъ на приличномъ разстояніи.

— Миѣ рассказывали моряки о томъ, какъ акулы преслѣдуютъ корабль,—сказалъ Билль, залѣзая подъ одѣяло послѣ того, какъ подбросилъ нѣсколько полѣньевъ въ огонь.—А волки—земныя акулы. Они хорошо знаютъ свое дѣло, лучше насъ съ вами, и бѣгутъ они по нашимъ слѣдамъ, конечно, не для моціона. Они доберутся до насъ... О, они навѣрное доберутся до насъ, Хенри!

— Да послушать васъ, такъ они уже наполовину васъ съѣли!—съ раздраженіемъ отвѣтилъ Хенри.—Человѣкъ, который признается въ своемъ безиліи, уже наполовину побѣжденъ.

— Они расправлялись съ людьми, которые, можетъ-быть, были получше насъ съ вами,—отвѣтилъ Билль.

— Да перестаньте же каркать! Вы меня выводите изъ себя.

Хенри сердито повернулся на бокъ и очень

удивился, что Билль не вспылить. Это было на него непохоже, потому что обыкновенно его можно было легко разсердить. Хенри долго думалъ объ этомъ передъ тѣмъ, какъ заснуть, и когда его глаза уже слипались, онъ подумалъ: «Билль въ самомъ дѣлѣ находится въ очень мрачномъ настроеніи. Завтра надо будетъ его подбодрить».

Г л а в а III.

Крикъ голода.

День начался благопріятно. За ночь не потеряли ни одной собаки, и теперь отправились въ путь—въ безмолвіе, въ темноту и въ стужу—въ очень хорошемъ, бодромъ настроеніи. Даже Билль, казалось, забылъ свои предсказанія, и, когда собаки въ полдень перевернули сани на неровномъ мѣстѣ, то онъ даже шутилъ, вмѣсто того, чтобы разсердиться.

Сани, однако, застряли между пнемъ и огромной скалой, и, чтобы высвободить ихъ и распутать лямки, надо было распречь собакъ. Оба возились съ санями, когда Хенри вдругъ замѣтилъ, что Одноухій отходитъ въ сторону.

— Сюда, Одноухій!— вскричалъ онъ, выпрямляясь; и пошелъ за собакой.

Но Одноухій вдругъ бросился бѣжать по снѣгу, волоча за собой постромки, а тамъ, сзади, по ихъ слѣдамъ, шла волчица и теперь остановилась, поджидая его. Приблизившись къ ней, Одноухій

вдругъ насторожился. Онъ замедлилъ шагъ и затѣмъ остановился. Онъ смотрѣлъ на нее, недовѣрчиво насторожившись, но въ то же время похотливо. Она, казалось, улыбалась ему, скаля зубы, но скорѣе любезно, чѣмъ съ угрозой. Она, заигрывая, сдѣлала къ нему нѣсколько шаговъ и остановилась. Одноухій тоже приблизился къ ней, но все еще осторожно, поднявъ уши и хвостъ и высоко держа голову.

Онъ попробовалъ снюхаться съ нею, но она игриво и жеманно отступила. Каждый шагъ по направленію къ ней съ его стороны вызывалъ съ ея стороны соотвѣтствующее отступленіе. Шагъ за шагомъ она заманивала его все дальше отъ людей. Однажды онъ обернулся, точно въ его сознаніи пронеслось смутное предчувствіе, и посмотрѣлъ на перевернутыя сани, на своихъ товарищей-собакъ и на двухъ людей, звавшихъ его.

Но, повидимому, его сомнѣнія были вновь разсѣяны волчицей, которая приблизилась къ нему, понюхала его морду и затѣмъ снова игриво отскочила, заманивая его все дальше и дальше.

Наконецъ, Билль вспомнилъ о ружьѣ. Но оно было зажато подъ опрокинувшимися санями, и пока, съ помощью Хенри, удалось поставить сани на мѣсто, Одноухій и волчица были уже слишкомъ близко другъ къ другу и слишкомъ далеко отъ людей.

Одноухій поздно понялъ свою ошибку. Онъ вдругъ повернулъ и стремительно побѣжалъ къ

людямъ. Затѣмъ они увидѣли, что ему наперерѣзъ, подъ прямымъ угломъ къ дорогѣ, бѣгутъ тощія, сѣрые волки. Въ тотъ же моментъ вся игривость волчицы исчезла. Она съ дикимъ рычаніемъ бросилась на Одноухаго; онъ оттолкнулъ ее плечомъ, и, видя, что отступленіе отрѣзано, побѣжалъ кругомъ въ надеждѣ какъ-нибудь добраться до саней. Но съ каждой секундой число волковъ увеличивалось. Волчица бѣжала слѣдомъ за Одноухимъ.

— Куда вы?—спросилъ Хенри, кладя руку на плечо товарища.

Но Билль вырвался и сказалъ:

— Я больше не могу этого выносить! Я не могу отдать имъ еще одну собаку!

Съ ружьемъ въ рукѣ онъ скрылся въ кустахъ, окаймлявшихъ съ одной стороны дорогу. Его намѣреніе было ясно. Сани находились въ центрѣ окружности, по которой бѣжалъ Одноухій, и Билль хотѣлъ пересѣчь этотъ кругъ въ той точкѣ, куда еще не добрались волки. Съ ружьемъ въ рукахъ, среди бѣла дня, можно было надѣяться испугать волковъ и спасти собаку.

— Послушайте, Билль!—крикнулъ ему вслѣдъ Хенри.—Будьте осторожнѣй и не рискуйте!

Хенри сѣлъ на сани и сталъ наблюдать. Больше ему ничего не оставалось дѣлать. Билль уже исчезъ изъ вида, но позади кустовъ и отдѣльных группъ сосенъ по временамъ мелькалъ убѣгавшій Одноухій. Хенри рѣшилъ, что его положеніе

безнадежно. Собака прекрасно сознавала опасность и бѣжала по внѣшнему кругу, въ то время какъ волчья стая бѣжала по внутреннему, болѣе короткому. Трудно было рассчитывать, чтобы Одноухій настолько опередилъ своихъ преслѣдователей, что могъ бы пересѣчь имъ путь и добраться до саней.

Ихъ пути должны были скреститься... Но все произошло быстрѣе, чѣмъ ожидалъ Хенри. Онъ услышалъ выстрѣлъ, за нимъ быстро одинъ за другимъ еще два, и понялъ, что заряды Билла кончились. Затѣмъ онъ услышалъ громкій вой и и дикое рычанье. Онъ узналъ визгъ Одноухаго и крикъ раненаго волка. И это было все... Рычаніе и вой прекратились. Безмолвіе снова спустилось на пустыню.

Онъ долго сидѣлъ на саняхъ. Ему незачѣмъ было отправляться узнавать, что случилось. Онъ зналъ это такъ же хорошо, какъ если бы все произошло на его глазахъ... Только однажды онъ вздрогнулъ и поспѣшно выхватилъ изъ подъ саней топоръ. Но затѣмъ опять сѣлъ и задумался, а собаки, свернувшись у его ногъ, дрожали и прижимались къ нему.

Наконецъ, онъ устало поднялся, какъ-будто вся энергія покинула его, и сталъ запрягать собаку. Перекинувъ черезъ плечо кожаную лямку, онъ тоже сталъ тянуть вмѣстѣ съ собаками. Онъ недалеко ушелъ. При наступленіи темноты онъ поспѣшилъ сдѣлать приваль, чтобы нарубить

какъ можно больше топлива. Затѣмъ онъ накормилъ собакъ, сварилъ ужинъ, поужиналъ и легъ спать у самага огня.

Но ему не суждено было наслаждаться сномъ. Не успѣлъ онъ закрыть глаза, какъ волки подошли настолько близко къ нему, что о снѣ уже нечего было и думать. Теперь ужъ ему не нужно было дѣлать никаки: усилий, чтобы разглядѣть ихъ. Они окружали его тѣснымъ кольцомъ, и онъ легко могъ разглядѣть при свѣтѣ костра, какъ одни лежали, другіе сидѣли, третьи ползли впередъ на брюхѣ или бродили вокругъ. Нѣкоторые даже спали. Тамъ и сямъ онъ видѣлъ, какъ они, свернувшись клубочкомъ, какъ собаки, лежали на снѣгу, наслаждаясь сномъ, котораго самъ онъ теперь былъ лишень.

Онъ поддерживалъ въ кострѣ яркое пламя, ибо зналъ, что только оно служить преградой между его тѣломъ и ихъ голодными клыками. Обѣ оставшіяся собаки прижались къ нему, какъ бы ища у него защиты, и жалобно выли каждый разъ, когда волкъ подходилъ слишкомъ близко. Въ тѣ моменты, когда собаки рычали, волки приходили въ какое-то особенное возбужденіе, вскакивали на ноги и вызывающе подвигались впередъ, подымая невыразимый визгъ и вой. Затѣмъ они снова успокаивались, ложились и нѣкоторые изъ нихъ продолжали прерванный сонъ.

Но кругъ волковъ все суживался. Мало-помалу, шагъ за шагомъ, выдвигался впередъ то

одинъ волкъ, то другой, пока, наконецъ, они не приближались къ нему на разстояніе прыжка. Тогда онъ схватывалъ горящія головни и бросалъ ихъ въ стаю. Это вызывало поспѣшное отступленіе, сопровождаемое сердитымъ рычаніемъ и испуганнымъ визгомъ, если только горящее полѣно попадало въ цѣль.

Утро застало человѣка уставшимъ и осунувшимся отъ безсонной ночи. Онъ приготовилъ въ темнотѣ завтракъ, а когда разсвѣло и волки разбрелись, онъ занялся приведеніемъ въ исполненіе замысла, который онъ обдумалъ въ долгіе ночные часы. Срубивъ нѣсколько молодыхъ сосенъ, онъ привязалъ ихъ ремнями въ видѣ перекладинъ къ высокимъ деревьямъ; затѣмъ, при помощи веревокъ отъ саней, онъ поднялъ наверхъ гробъ и укрѣпилъ его на перекладинахъ.

— Волки съѣли Билла, они могутъ съѣсть и меня; но ужъ до тебя они не доберутся, молодой человѣкъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ мертвецу.

Затѣмъ онъ пустился въ путь, и собаки быстро потащили за собою пустыя сани; ибо онѣ тоже знали, что спасеніе зависитъ отъ того, чтобы добраться до форта Макъ-Гори. Волки теперь настолько осмѣлѣли, что шли на виду, и сзади, и съ боковъ, высилавъ свои длинныя, красныя языки и тяжело вздымая боками. Они были невѣроятно худы—кожа да кости—настолько худы, что Хенри изумлялся, какъ они еще держатся на ногахъ.

Онъ не рѣшался продолжать путь до самой ночи. Въ полдень солнце не только окрасило горизонтъ, но и выглянуло оттуда блѣднымъ, золотымъ ободкомъ. Онъ принялъ это за хорошее предзнаменованіе. Дни становились длиннѣе; солнце возвращалось. Но какъ только исчезли послѣдніе лучи его, онъ сдѣлалъ приваль. Оставалось еще нѣсколько часовъ сѣрыхъ сумерекъ, и онъ употребилъ ихъ на то, чтобы нарубить огромный запасъ дровъ.

Вмѣстѣ съ ночью пришелъ и ужасъ. Не только голодные волки стали смѣлѣе, но и сказывались результаты безсонной ночи. Хенри невольно засыпалъ, сидя у костра, закутавшись въ одѣяло, держа топоръ наготовѣ между колѣнъ. Съ двухъ сторонъ, прижимаясь къ нему, лежали собаки. Однажды онъ, проснувшись, увидѣлъ прямо противъ себя и въ какихъ-нибудь двѣнадцати футахъ разстоянія большого, сѣраго волка—самаго большого изъ всей стаи. Когда Хенри взглянулъ на него, тотъ спокойно растянулся, какъ лѣнивая собака, и широко зѣвнулъ ему прямо въ лицо, глядя на него, какъ на свою собственность, какъ на блюдо, которое онъ непременно съѣстъ въ недалекомъ будущемъ...

Эта увѣренность чувствовалась въ поведеніи всей стаи. Хенри насчиталъ не менѣе двадцати волковъ, глядѣвшихъ на него жадными глазами или спокойно спавшихъ на снѣгу. Они напоминали ему дѣтей, собравшихся вокругъ накрытаго стола

и ожидающихъ позволенія начать ѣсть. И онъ былъ той пищей, которую они будутъ ѣсть! Вопросъ только въ томъ, когда и какъ начнутъ они его ѣсть?..

Когда онъ подкладывалъ дрова въ огонь, онъ вдругъ почувствовалъ такой интересъ къ своему тѣлу, какого никогда раньше не испытывалъ. Онъ наблюдалъ за движеніемъ своихъ мускуловъ и заинтересовался остроумнымъ механизмомъ своихъ пальцевъ. При свѣтѣ костра онъ медленно сжималъ и разжималъ ихъ, то по одному, то всѣ сразу, то дѣлалъ быстрыя, схватывающія движенія. Онъ изучалъ форму ногтей и трогалъ кончики пальцевъ, пробуя чувствительность своихъ осязательныхъ нервовъ. Всѣ эти наблюденія приводили его въ восхищеніе, и онъ вдругъ почувствовалъ любовь къ своему тѣлу, работавшему такъ легко, такъ удивительно и тонко. Но когда онъ вдругъ оглядывался на кольцо волковъ, смотрѣвшихъ на него съ вожделѣніемъ, онъ вдругъ съ ужасомъ думалъ, что это прекрасное тѣло ничто иное, какъ кусокъ мяса, добыча для этихъ хищныхъ животныхъ, которыя разорвутъ его своими клыками и утолятъ имъ свой голодъ, точно такъ-же какъ часто онъ самъ утолялъ свой голодъ мясомъ оленей и кроликовъ...

Онъ вдругъ очнулся отъ кошмарной дремоты и увидѣлъ передъ собой бурюю волчицу. Она сидѣла на снѣгу въ шести футахъ отъ него и жадно смотрѣла на него. Собаки рычали и визжали

у его ногъ, но она не обращала на нихъ никакого вниманія. Она смотрѣла на человѣка, и тотъ въ свою очередь, какъ зачарованный, смотрѣлъ на нее. Въ ней не было ничего угрожающаго. Она только смотрѣла на него съ великою жадностью, порожденной великимъ голодомъ. Онъ являлся для нея пищей, и одинъ видъ его возбуждалъ у нея вкусовыя ощущенія. Ея пасть была открыта, изъ нея текла слюна, и волчица облизывалась въ предвкушеніи наслажденія...

Его охватилъ невыразимый страхъ. Онъ хотѣлъ схватить головешку, чтобы бросить въ нее; но едва онъ протянулъ руку, какъ она мигомъ отступила, и онъ понялъ, что она, очевидно, привыкла къ тому, чтобы въ нее бросали предметами. Она зарычала, обнаживъ свои бѣлые клыки до самыхъ корней, и печальный взглядъ ея глазъ замѣнился выраженіемъ такой злобной кровожадности, что онъ еще больше задрожалъ отъ страха. Онъ взглянулъ на свою руку, державшую полѣно, и замѣтилъ ловкость, съ которой пальцы держали его. Какъ они плотно обхватили головешку, а маленькій палецъ, который пришелся слишкомъ близко къ горячей поверхности, машинально поднялся, чтобы избѣгнуть горячаго прикосновенія! И онъ представилъ себя, какъ эти самые тонкіе, ловкіе пальцы будутъ хрустѣть въ бѣлыхъ зубахъ волчицы...

Всю ночь онъ при помощи горящихъ головешекъ боролся съ голодною стаей. Когда онъ,

несмотря на всѣ свои усилія, засыпалъ, вой и визгъ собакъ будили его. Наступило утро; но въ первый разъ волки не разсѣялись отъ свѣта дня, и человѣкъ тщетно ждалъ, чтобы они, наконецъ, ушли. Они тѣснымъ кольцомъ разсѣлись вокругъ огня, и его мужество дрогнуло отъ такой дерзости.

Онъ сдѣлалъ отчаянную попытку выйти на санный путь, но какъ только онъ вышелъ изъ непосредственной близости костра, какъ на него бросился самый смѣлый волкъ, и онъ спасся только тѣмъ, что отскочилъ назадъ; зубы волка щелкнули не больше, чѣмъ въ шести дюймахъ отъ него. Остальная стая тоже кинулась къ нему, и онъ удерживалъ ихъ на приличномъ разстояніи только тѣмъ, что бросалъ въ нихъ горящія полѣна. Даже днемъ онъ не рѣшался удаляться отъ костра, чтобы нарубить дровъ. Въ двадцати шагахъ отъ него стояла большая, высохшая сосна. Ему потребовалось полдня для того, чтобы растянуть свой костеръ до этого дерева, въ то же время почти безостановочно кидая въ своихъ враговъ горящими головешками. Добравшись до дерева, онъ внимательно осмотрѣлъ мѣстность, чтобы свалить его въ томъ направленіи, гдѣ легче всего можно будетъ доставать дрова.

Наступившая ночь была повтореніемъ предыдущей, съ той только разницей, что онъ уже болѣе не въ состояніи былъ бороться со сномъ. Рычаніе собакъ уже больше не будило его. Къ тому же

онѣ рычали все время, и его притупленные чувства уже не разбирали, когда это рычаніе было слабѣе или сильнѣе. Вдругъ онѣ проснулся. Волчица была на разстояніи аршина отъ него. Онѣ машинально сунуль ей въ ротъ горящую головешку. Она отскочила назадъ, завизжавъ отъ боли; запахъ горѣлаго мяса и шерсти доставили ему истинное наслажденіе, а она, злобно рыча, мотала головой на разстояніи не болѣе двадцати футовъ отъ него.

На этотъ разъ, прежде чѣмъ уснуть, онѣ привязалъ пучокъ еловыхъ вѣтокъ къ правой рукѣ. Не успѣли его глаза закрыться на нѣсколько минутъ, какъ его разбудила боль въ рукѣ отъ горящихъ вѣтокъ. Нѣсколько часовъ подъ-рядъ онѣ придерживался этой программы. Каждый разъ, когда онѣ просыпался, онѣ отгонялъ волковъ горящими сучьями, подкладывалъ дрова въ огонь и привязывалъ новый пучокъ къ своей рукѣ. Все шло хорошо; но однажды онѣ плохо привязалъ пучокъ, и, когда онѣ заснулъ, пучокъ вывалился...

Ему снилось, что онѣ находится въ фортѣ Макъ-Гори. Было тепло и уютно, и онѣ игралъ въ карты съ факторомъ. Но въ то же время фортъ, будто, былъ осажденъ волками. Звѣри, были у самыхъ воротъ его, и они съ факторомъ иногда прекращали игру, чтобы посмѣяться надъ ихъ напрасными усиліями войти въ фортъ. Но вдругъ онѣ услышалъ трескъ. Дверь раскрылась настежь, и въ нее вор-

вался страшный вой. Волки мало-по-малу наполнили всю комнату и собирались броситься на него и на фактора. Сонъ его превращался въ нѣчто до крайности реальное, но больше всего его покоилъ все усиливавшійся вой...

Онъ проснулся и услыхалъ вой наяву. Волки съ страшнымъ рычаніемъ и воемъ кинулись къ нему и окружили его со всѣхъ сторонъ. Зубы одного изъ нихъ вцѣпились ему въ руку. Онъ инстинктивно прыгнулъ въ костеръ и въ тотъ же мигъ острые клыки впились ему въ ногу. И вотъ началась борьба огнемъ. Его толстыя рукавицы защищали его руки, и онъ хваталъ горячіе уголья и бросалъ ихъ во всѣ стороны. Костеръ сталъ походить на вулканъ.

Но это не могло продолжаться долго. Его лицо, брови и рѣсницы были опалены, и ногамъ было нестерпимо жарко въ огнѣ. Схвативъ въ каждую руку по горячей головешкѣ, онъ выпрыгнулъ на край костра. Волки отступили. Со всѣхъ сторонъ шипѣли на снѣгу горячіе уголья, и каждый разъ, наступая на нихъ, волки съ воемъ и визгомъ бросались въ сторону.

Бросивъ горячія головешки на ближайшихъ враговъ, Хенри сунулъ свои дымящіяся рукавицы въ снѣгъ и сталъ топтаться, чтобы охладить ноги. Обѣ собаки его пропали, и онъ прекрасно зналъ, что онѣ стали однимъ изъ блюдовъ на томъ затянувшемся пиру, который начался нѣсколько дней тому назадъ съ Фэтти и долженъ былъ завтра окончиться имъ самимъ.

— Вы еще не съѣли меня!—дико закричалъ онъ, грозя кулакомъ. При звукѣ его голоса вся стая заволновалась, послышалось общее рычаніе, а волчица подошла совсѣмъ близко къ нему и стала наблюдать за нимъ голодными глазами.

Онъ принялся за выполненіе новаго плана. Разложивъ костеръ большимъ кольцомъ, онъ закутался въ одѣяло и легъ на снѣгу въ центрѣ круга. Когда онъ такимъ образомъ исчезъ за пылающей оградой, вся стая волковъ съ любопытствомъ подошла къ огню, чтобы узнать, что съ нимъ случилось. До сихъ поръ имъ не давали подходить къ огню, и теперь они усѣлись вокругъ него тѣснымъ кругомъ, какъ собаки, моргая, зѣвая и потягиваясь отъ непривычной теплоты. Но вдругъ волчица, поднявъ голову и уставившись на звѣзды, жалобно завывала. Одинъ за другимъ къ ней стали присоединяться волки и, наконецъ, вся стая, сѣвъ на заднія лапы и поднявъ морды къ небу, стала оглашать окрестность голоднымъ воемъ.

Стало свѣтать, и наступилъ день. Огонь догоралъ. Дрова приходили къ концу, и нужно было возобновить запасъ ихъ. Хенри попытался-было выйти за предѣлы огненнаго кольца, но волки двинулись къ нему навстрѣчу. Горящіе сучья заставляли ихъ отскакивать въ стороны, но они уже не уходили назадъ. Онъ тщетно старался отогнать ихъ. Когда онъ, оставивъ всякую на-

дежду, отступилъ внутрь горящаго кольца, волкъ прыгнулъ на него, но промахнулся и попалъ всѣми четырьмя лапами въ огонь. Завизжавъ отъ ужаса и боли, и въ то же время злобно оскаливъ зубы, онъ поползъ обратно, чтобы остудить лапы въ снѣгу.

Хенри сидѣлъ, сгорбившись, на одѣялѣ. Вся его поза, съ опущенными плечами и ушедшей въ колѣни головою, краснорѣчиво говорила о томъ, что онъ отказывается отъ дальнѣйшей борьбы. Отъ времени до времени онъ поднималъ голову и глядѣлъ на гаснущій огонь. Кольцо пламени и горящихъ угольевъ во многихъ мѣстахъ было уже прервано и оставляло свободный проходъ. Эти проходы все увеличивались, а горящія мѣста все уменьшались...

— Теперь можете, если хотите, съѣсть меня,— пробормоталъ онъ.—Во всякомъ случаѣ я засну... я больше не могу...

Однажды онъ проснулся и въ свободномъ отъ пламени проходѣ увидалъ волчицу, которая смотрѣла на него...

Спустя нѣсколько минутъ, которыя показались ему часами, онъ опять проснулся. Вокругъ него произошла какая-то таинственная перемѣна; такая перемѣна, что онъ вдругъ совсѣмъ очнулся. Что-то случилось, но что—онъ вначалѣ не могъ понять. Затѣмъ онъ понялъ—волки исчезли. Остался только утоптаный ими снѣгъ, показы-

вавший, какъ близко они подходили къ нему. Сонъ началъ снова одолѣвать его. Голова его снова склонилась на колѣни... когда онъ вдругъ вздрогнулъ и прислушался.

Гдѣ-то недалеко раздавались человѣческіе голоса, скрипъ саней и повизгиваніе собакъ. Четверо саней, поднявшись съ рѣки, направлялись среди деревьевъ къ костру. Шесть человѣкъ окружили человѣка, скрючившагося въ центрѣ угасающаго огня. Они его толкали и трясли, стараясь привести въ чувство. Онъ взглянулъ на нихъ, какъ пьяный, и пробормоталъ страннымъ, соннымъ голосомъ:

— Рыжая волчица... приходила кормиться съ собаками... Сначала она ѣла собачій кормъ... затѣмъ она съѣла собакъ... а затѣмъ она съѣла и Билла...

— Гдѣ лордъ Альфредъ?—закричалъ одинъ изъ людей прямо ему въ ухо, грубо потрясая его за плечо.

Но Хенри слабо покачалъ головой.

—Нѣтъ, она не съѣла его... Онъ лежитъ на деревѣ возлѣ послѣдняго привала.

— Мертвый?—закричалъ человѣкъ.

— Да, и въ ящикѣ,—отвѣтилъ Хенри. Онъ сердито высвободилъ свое плечо.—Послушайте, оставьте меня въ покоѣ... Я больше не могу... я хочу спать... Спокойной ночи всѣмъ.

Вѣки его закрылись, голова опустилась на

грудь, и, когда они его укладывали на грудь одѣяль, его храпъ уже разносился въ морозномъ воздухѣ.

Но слышался еще и другой звукъ—слабый и отдаленный. Это былъ крикъ голодной волчьей стаи, ушедшей искать другой добычи взамѣнъ чловѣка, который благополучно ушелъ отъ ихъ клыковъ.

ЧАСТЬ II.

Г л а в а I.

Борьба клыковъ.

Волчица первая услышала звукъ человѣческихъ голосовъ и повизгиваніе упряжныхъ собакъ, и первая отскочила отъ осажденнаго въ угасающемъ огненномъ кольцѣ человѣка. Стаѣ крайне не хотѣлось уходить отъ добычи, и она еще нѣсколько минутъ колебалась, прислушиваясь къ приближавшимся звукамъ, но затѣмъ тоже помчалась по слѣдамъ волчицы.

Впереди стаи бѣжалъ большой, сѣрый волкъ—одинъ изъ ея вожаковъ. Онъ велъ всю стаю по слѣдамъ волчицы и угрожающе рычалъ и даже хваталъ клыками тѣхъ молодыхъ волковъ, которые пытались обогнать его. Увидавъ волчицу, которая теперь спокойно скакала впереди, онъ ускорилъ бѣгъ всей стаи, чтобъ догнать ее.

Волчица побѣжала рядомъ съ нимъ, какъ-будто это было ея обычное мѣсто, и вожакъ не рычалъ на нее и не скалилъ зубовъ, даже когда она опере-

жала его. Наоборотъ, онъ, повидимому, былъ очень расположенъ къ ней; настолько расположенъ, что это даже ей не нравилось, ибо, когда онъ пытался бѣжать слишкомъ близко отъ нея, то она рычала и показывала клыки. Иногда она даже кусала его за плечо. Но и въ такихъ случаяхъ онъ на нее не сердился. Онъ только отскакивалъ въ сторону и нѣсколькими неловкими прыжками догонялъ ее, напоминая своимъ видомъ и поведеніемъ сконфуженнаго деревенскаго парня.

Это было его единственной неприятностью во время бѣга. Но у нея были еще и другія. По другую ея сторону бѣжалъ худой, матерой волкъ, носившій на своемъ тѣлѣ слѣды многихъ битвъ. Онъ всегда бѣжалъ по правую сторону волчицы, и причиной этого было то, что у него былъ только одинъ, лѣвый, глазъ. Онъ тоже тѣснилъ ее и дотрогивался своей, покрытой рубцами, мордой то до ея шеи, то до плеча. Она расправлялась съ нимъ зубами, какъ и съ самцомъ, бѣжавшимъ съ ея лѣвой стороны; но когда они оба сразу приставали къ ней, она ощетикивалась и лязгала зубами то направо, то налево. Въ такія минуты оба самца угрожающе рычали и оскаливали зубы другъ на друга. Надо было бы подраться; но приходилось оставить какъ сведеніе счетовъ, такъ и любовь до болѣе удобной минуты,—теперь на первомъ планѣ стояло удовлетвореніе голода всей стаи.

Каждый разъ, когда старому волку приходилось уходить отъ острыхъ зубовъ своей желанной, онъ сталкивался съ молодымъ трехлѣткомъ, который бѣжалъ по его правую, слѣпую сторону. Этотъ молодой волкъ достигъ полного роста, и принимая во вниманіе слабость и истощенность всей стаи, нельзя было не признать, что онъ обладалъ необыкновенной силой и выносливостью. Тѣмъ не менѣе онъ бѣжалъ такъ, что его голова была въ уровень съ плечомъ одноглазаго волка. Когда онъ отваживался скакать бокъ-о-бокъ съ нимъ, что случалось рѣдко, старикъ тотчасъ же отгонялъ его назадъ ударомъ клыковъ. Иногда же онъ осторожно отставалъ и старался незамѣтно пробраться между старымъ вожакомъ и волчицей. Но за это ему доставалось вдвойне и даже втройне. Волчица начинала недовольно рычать, а старый волкъ набрасывался на трехлѣтка; иногда и она присоединялась къ нему, а иногда къ нимъ присоединялся и молодой вожакъ, бѣжавшій слѣва отъ нея.

Въ такія минуты, видя передъ собой три пасти съ оскаленными зубами, молодой волкъ останавливался, садился на заднія лапы, крѣпко упираясь передними, и, злобно ошестинившись, въ свою очередь оскаливалъ зубы. Этотъ беспорядокъ впереди стаи неизмѣнно вызывалъ беспорядокъ и въ самой стаѣ. Волки, бѣжавшіе позади молодого волка, сталкивались съ нимъ и выражали свое недовольствіе тѣмъ, что кусали его

за заднія ноги или за бока. Онъ ставилъ себя въ опасное положеніе, ибо голодъ озлобилъ стаю; но съ безграничной вѣрой юности онъ упорно повторялъ свои попытки, хотя онѣ никогда не увѣнчивались успѣхомъ и доставляли ему только однѣ непріятности.

Если бы появилась пища, то тотчасъ же началась бы и любовь и борьба, и стая распалась бы. Но положеніе стаи было отчаянное. Она отошала отъ длительного голода и бѣжала медленнѣе, чѣмъ обыкновенно. Позади нея тащились наиболѣе слабые ея члены—самые молодые и самые старые. Впереди бѣжали сильнѣйшіе. Но всѣ были больше похожи на скелетовъ-волковъ, чѣмъ на настоящихъ волковъ. Тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ бѣжавшихъ сзади, движенія остальныхъ животныхъ казались непринужденными и легкими. Ихъ натянутые мускулы, казалось, обладали неистощимой энергіей. Въ этотъ день волки пробѣжали много миль. Они бѣжали и всю ночь, и слѣдующій день засталъ ихъ бѣгущими. Они бѣжали по мертвой, молчаливой, замерзшей землѣ. Нигдѣ не было ни малѣйшаго признака жизни. Они одни двигались по обширной, мертвой равнинѣ. Они одни были живы и искали другихъ живыхъ существъ, чтобы растерзать и пожрать ихъ для того, чтобы самимъ продолжать жить.

Они пересѣкли много долинъ, много рѣчекъ и ручьевъ, прежде чѣмъ ихъ поиски увѣнчались успѣхомъ. Наконецъ, они напали на слѣдъ ло-

сей. Сперва имъ попался большой самецъ. И это было мясо и жизнь, но на этотъ разъ не было ни таинственнаго кольца огня, ни огненнаго дождя. Раздвоенныя копыта и широкіе, вѣтвистыя рога были имъ знакомы, но они забыли о своей обычной осторожности и терпѣніи. Произошла непродолжительная, но жестокая борьба. На большого лося напали сразу со всѣхъ сторонъ. Онъ сокрушалъ имъ кости и проламывалъ имъ черепа ловкими ударами копытъ. Онъ топталъ ихъ ногами и бралъ ихъ на рога. Но сила была не на его сторонѣ, и онъ, наконецъ, свалился. Волчица свирѣпо впилась ему въ горло, и по всему его тѣлу впивались зубы, пожирая его живьемъ, когда онъ еще боролся и защищался.

Пищи было вдоволь. Лось вѣсилъ около восьмисотъ фунтовъ, такъ что на cadaго волка, которыхъ было съ небольшимъ сорокъ, приходилось по двадцати фунтовъ мяса. Но если они удивительно умѣли голодать, то не менѣе удивительно могли и ѣсть, и вскорѣ отъ великолѣпнаго животнаго осталось только нѣсколько обглоданныхъ костей.

Наступило время отдыха и сна. Наполнивъ животы, молодые самцы тотчасъ же начали ссориться и драться, и это продолжалось нѣсколько дней, до полнаго распадена стая. Голодовка кончилась. Волки теперь находились въ странѣ, изобиловавшей дичью, и, хотя они еще продолжали охотиться стаями, но дѣлали это теперь осторожно, стараясь отрѣзать отъ стада тяжелыхъ самокъ или слабыхъ, старыхъ самцовъ.

Наконецъ, въ этой странѣ довольства волчья стая разбилась на двѣ части и каждая пошла въ свою сторону. Волчица съ молодымъ вожакомъ, бѣжавшимъ по ея лѣвую сторону, и одноглазымъ волкомъ, бѣжавшимъ по правую, увела свою половину стаи къ рѣкѣ Маккэнзи, перейдя которую, направилась на востокъ, въ страну озеръ. Съ каждымъ днемъ эта часть стаи таяла. Самцы исчезали вдвоемъ съ самками. Иногда какогонибудь одинокаго самца отгоняли острые зубы его соперниковъ. Въ концѣ-концовъ, остались только четверо—волчица, молодой вожакъ, одноглазый старикъ и честолюбивый трехлѣтокъ. Волчица къ этому времени стала очень свирѣпа. Всѣ трое ея ухаживателей носили слѣды ея зубовъ. Но они никогда не отвѣчали ей тѣмъ же и никогда не защищались. Они подставляли ей плечи во время самыхъ сильныхъ припадковъ ея ярости и, виляя хвостами и семеня ногами, старались смягчить ея гнѣвъ. Но если по отношенію къ ней они были сама кротость, то по отношенію другъ къ другу они проявляли крайнюю свирѣпость. Трехлѣтокъ сталъ черезчуръ самонадѣянъ въ своей ярости. Онъ бросился на одноглазаго старика со стороны его слѣпого глаза и порвалъ ему ухо въ клочки. Хотя старый волкъ и видѣлъ только однимъ глазомъ, но противъ силы и молодости своего противника онъ могъ выдвинуть свою мудрость и опытность. Его потерянный глазъ и рубцы на мордѣ свидѣтельство-

вали о томъ, какого рода была эта опытность. Онъ пережилъ слишкомъ много дракъ, чтобы хоть одинъ моментъ сомнѣваться въ томъ, что нужно дѣлать.

Борьба началась честно, но кончилась-то она нечестно. Трудно было бы сказать каковъ былъ бы ея исходъ, если бы третій волкъ не присоединился къ старику, чтобы вмѣстѣ съ нимъ уничтожить самонадѣяннаго трехлѣтка. Съ двухъ сторонъ въ него впивались клыки его бывшихъ товарищей. Забыты были дни, когда они вмѣстѣ охотились, вмѣстѣ убивали дичь и вмѣстѣ голодали. Все это было дѣломъ прошлаго. Теперь наступила очередь любви, и она оказалась дѣломъ болѣе жестокимъ, чѣмъ даже добываніе пищи.

Тѣмъ временемъ волчица, изъ-за которой все это происходило, усѣлась и самодовольно слѣдила за дракой. Ей это даже нравилось. Это былъ ея день, и онъ выпадалъ нечасто, когда шерсть щетинилась, клыкъ ударялся о клыкъ и раздиралъ мягкое тѣло исключительно изъ желанія обладать ею.

Итакъ, молодой трехлѣтокъ отдалъ свою жизнь во имя любви. По обѣ стороны его стояли его соперники. Они смотрѣли на волчицу, которая улыбалась имъ, сидя на снѣгу. Но старый вожакъ былъ уменъ, очень уменъ, какъ въ борьбѣ, такъ и въ любви. Молодой уцѣлевшій волкъ повернулъ голову, чтобы зализать раны на плечѣ. При этомъ онъ повернулъ голову къ другому противнику, и

это рѣшило дѣло. Своимъ единственнымъ глазомъ старикъ увидалъ, что настала благопріятный для него моментъ. Онъ бросился на него и вонзилъ клыки ему въ шею, причинивъ ему большую и глубокую рану, разорвавшую ему сонную артерію. Затѣмъ онъ отскочилъ назадъ.

Молодой вожакъ страшно зарычалъ, но рычаніе его тотчасъ же перешло въ мучительный кашель. Кашляя и истекая кровью, уже пораженный на смерть, онъ все-же бросился на своего противника и боролся до тѣхъ поръ, пока его жизнь не погасла—его ноги вдругъ подкосились, глаза затуманились, и онъ свалился на снѣгъ.

А волчица тѣмъ временемъ сидѣла и улыбалась. Она, повидимому, радовалась этой борьбѣ, ибо такова была любовь въ дикой пустынѣ, и такъ проявлялась трагедія пола, которая была трагедіей только для побѣжденныхъ. Для побѣдителей же эта трагедія была торжествомъ и приближеніемъ къ цѣли.

Когда молодой вожакъ уже лежалъ безъ движенія на снѣгу, Одноглазый приблизился къ волчицѣ. Онъ держался гордо, но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно. Онъ ожидалъ грубаго приема и былъ очень удивленъ, что ея зубы не вонзились въ него. Въ первый разъ она принимала его такъ любезно. Она обнюхала его морду и даже соблаговолила попрыгать и поиграть съ нимъ, совсѣмъ какъ щенокъ. И онъ, несмотря на свои почтенные годы и жизненный опытъ, велъ себя такъ же, или

даже еще болѣе, глупо. Забыты были и побѣжденные соперники, и любовная исторія, написанная кровью на снѣгу; только на минуту Одноглазый вспомнилъ о нихъ, когда зализывалъ начинавшія болѣть раны. Тогда его губы искривились злобой, шерсть невольно взъерошилась, и онъ, оскаливъ зубы, вцѣпился когтями въ снѣгъ, какъ будто готовясь прыгнуть... Но въ слѣдующій же моментъ онъ опять все забылъ и погнался за волчицей, которая игриво заманивала его въ лѣсъ.

Они бѣжали рядомъ, какъ друзья, пришедшіе къ соглашенію. Дни шли, и они все время держались вмѣстѣ, охотясь и дѣля добычу. Но спустя нѣкоторое время волчицей стало овладѣвать безпокойство. Казалось, она чего-то искала и не находила. Ее манили къ себѣ углубленія подъ свалившимися деревьями, и она проводила цѣлые часы, обнюхивая большія, заполненные снѣгомъ трещины скалъ, а также меньшія пещеры, образовавшіяся подъ нависшимъ берегомъ рѣки. Старый Одноглазый нисколько не интересовался ея поисками, но добродушно слѣдовалъ за ней, и, когда ея изслѣдованія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжались слишкомъ долго, онъ ложился и ждалъ, пока она окончитъ.

Они не оставались на одномъ мѣстѣ, а все время бродили, пока не дошли до рѣки Маккэнзи; тогда они пошли вдоль берега, забѣгая иногда для охоты на берега ея меньшихъ притоковъ, но всегда неизмѣнно возвращаясь къ ней. Иногда

они встрѣчались съ другими волками, шедшими обыкновенно парами; но при этихъ встрѣчахъ не выражалось ни радости, ни вообще какихъ бы то ни было дружескихъ чувствъ, ни даже склонности къ образованію стаи. Нѣсколько разъ они встрѣчали одинокихъ волковъ—это всегда бывали самцы, и они неизмѣнно стремились присоединиться къ Одноглазому и его самкѣ. Но Одноглазый этого не допускалъ. И когда, стоя бокомъ о бокомъ съ нимъ, волчица ошетиливалась и показывала клыки, то одинокій волкъ обыкновенно пятился назадъ, опускалъ хвостъ и продолжалъ свой одинокій путь.

Однажды, въ лунную ночь, пробѣгая по лѣсу, Одноглазый вдругъ остановился. Онъ поднялъ морду, выпрямилъ хвостъ и, раздувъ ноздри, сталъ нюхать воздухъ. Онъ даже поднялъ переднюю ногу, какъ это дѣлаютъ собаки. Волчица только разъ нюхнула воздуха, и побѣжала дальше, какъ бы желая успокоить товарища. Хотя онъ и послѣдовалъ за ней, но, повидимому, не былъ еще вполне увѣренъ и продолжалъ по временамъ останавливаться и тщательно нюхать воздухъ.

Она осторожно подползла къ краю большой открытой поляны и нѣсколько минутъ стояла тамъ одна. Затѣмъ къ ней присоединился Одноглазый, ползя на брюхѣ и весь насторожившись; казалось, что каждый его волосокъ выражалъ безконечную подозрительность. Они стояли рядомъ, наблюдая, прислушиваясь и нюхая воздухъ.

До ихъ слуха доносились звуки собачьей драки, гортанные возгласы мужчинъ, пронзительные голоса бранившихся женщинъ, и то жалобный, то визгливый плачь ребенка. За исключеніемъ очертаній большихъ, обтянутыхъ шкурами хижинъ, трудно было что-либо разсмотрѣть, кромѣ пламени костровъ и двигавшихся возлѣ нихъ тѣней и дыма, подымавшагося вверхъ въ спокойномъ воздухѣ. До ихъ поздрей доходили тысячи запаховъ индѣйскаго лагеря, которые ничего не говорили Одноглазому, но были вполне понятны волчицѣ.

Ее охватило странное волненіе, и она нюхала воздухъ все съ большимъ и съ большимъ наслажденіемъ. Одноглазый чего-то боялся и хотѣлъ уходить, но волчица обернулась и, какъ бы ободряя, толкнула его мордой и затѣмъ снова стала смотрѣть на лагерь. Въ ея глазахъ снова появилось жадное выраженіе, но на этотъ разъ оно не порождалось голодомъ. Она дрожала отъ желанія пойти туда, поближе къ огню, подрагаться съ собаками и осторожно пробираться между людей, избѣгая ихъ ногъ.

Одноглазый съ нетерпѣніемъ топтался возлѣ нея; ее снова охватило безпокойство и потребность найти то, что она все время искала. Она повернула и побѣжала въ лѣсъ къ большому облегченію Одноглазаго, который бѣжалъ немного впереди нея, пока они не скрылись въ чащѣ лѣса.

Когда они бѣжали, скользя, какъ тѣни, освѣщенные луной, они напали на слѣдъ саней. Оба

тотчасъ же обнюхали слѣды. Слѣды были совсѣмъ свѣжіе. Одноглазый осторожно побѣжалъ впередъ, а самка послѣдовала по его пятамъ. Ихъ широкія лапы безшумно ступали по снѣгу. Одноглазый вдругъ замѣтилъ, что на снѣгу движется что-то бѣлое. Его скользящая походка была вообще очень быстра, но это было ничто въ сравненіи съ той скоростью, съ которой онъ несся теперь. Передъ нимъ прыгало какое-то неясное, бѣлое пятно, и онъ направлялся къ нему.

Они бѣжали по узкой тропинкѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ молодымъ ельникомъ. Сквозь деревья виднѣнъ былъ конецъ тропинки, ведущей къ полянѣ, освѣщенной луной. Одноглазый быстро нагонялъ убѣгающее бѣлое пятно. Прыжокъ за прыжкомъ онъ настигалъ его. Вотъ уже онъ около него. Еще одинъ прыжокъ, и онъ вонзится въ него зубами... Но этого прыжка онъ такъ и не сдѣлалъ. Передъ самымъ его носомъ бѣлый клубокъ, оказавшійся полярнымъ кроликомъ, высоко подскочилъ въ воздухъ и сталъ раскачиваться и прыгать, какъ бы совершая какой-то фантастическій танецъ надъ головой волка.

Одноглазый со страхомъ отскочилъ назадъ и пригнулся къ землѣ, угрожающе рыча на страшный, непонятный ему предметъ. Но волчица хладнокровно пробѣжала мимо него, остановилась на минуту и затѣмъ подпрыгнула вверхъ, чтобы схватить танцующаго кролика. Хотя она подскочила высоко, но все же не такъ высоко, какъ

кроликъ, и ея зубы съ металлическимъ звукомъ щелкнули въ воздухѣ. Она подскочила еще и еще разъ. Одноглазый медленно выпрямился и наблюдалъ за своей подругой. Онъ теперь выражалъ неудовольствіе при видѣ ея неудачи и самъ сдѣлалъ могучій прыжокъ вверхъ. Его зубы впились въ кролика, и онъ притянулъ его къ землѣ. Но въ этотъ моментъ раздался подозрительный трескъ, и онъ съ изумленіемъ увидѣлъ склонившуюся надъ нимъ молодую сосну, готовую, казалось, свалиться на него. Его челюсти разжались, и онъ отскочилъ назадъ, чтобы спастись отъ этой неожиданной опасности, при чемъ его клыки обнажились, въ горлѣ заклокотало рычаніе и шерсть стала дыбомъ отъ ужаса и злобы. И въ ту же минуту стройная, тонкая сосна выпрямилась, и кроликъ снова заплясалъ въ воздухѣ.

Волчица обозлилась. Она впила клыками въ плечо самца, и онъ, испуганный этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, также яростно набросился на нее и укусилъ ее за морду. Это въ свою очередь было такъ для нея неожиданно, что она, рыча отъ негодованія, съ яростью бросилась на него. Тутъ онъ понялъ свою ошибку и попробовалъ умиловить свою подругу. Но она продолжала кусать его и онъ, оставивъ всѣ попытки къ самозащитѣ, только вертѣлся, пряча отъ нея свою голову и подставляя, такимъ образомъ, ея зубамъ свои плечи.

Тѣмъ временемъ кроликъ продолжалъ свою пляску въ воздухѣ. Волчица усѣлась на снѣгъ, а

старый Одноглазый, боясь больше ея, чѣмъ таинственной сосны, снова подпрыгнулъ за кроликомъ. Схвативъ кролика онъ притянулъ его къ землѣ, но своимъ единственнымъ глазомъ все время слѣдилъ за сосной. Какъ и раньше, она согнулась. Онъ съежился, ожидая удара, и ошетинился, но не выпускалъ изъ зубовъ кролика. Однако, удара не послѣдовало. Сосна оставалась склоненной надъ нимъ. Когда онъ двигался и она двигалась, и онъ тогда ворчалъ на нее сквозь стиснутыя челюсти; когда онъ лежалъ неподвижно, она тоже оставалась неподвижной. Изъ этого онъ заключилъ, что безопаснѣе не двигаться; однако, теплая кровь кролика казалась ему очень вкусной.

Волчица вывела его изъ затрудненія. Она отняла у него кролика, и, пока сосна угрожающе колыхалась надъ ней, спокойно отъѣла кролику голову. Сосна тотчасъ же выпрямилась и больше уже не беспокоила ихъ, оставшись въ томъ живописномъ вертикальномъ положеніи, въ какомъ ей предназначено стоять природой. Затѣмъ волки подѣлили и съѣли добычу, пойманную для нихъ таинственной сосной.

Было еще много слѣдовъ саней и много дорожекъ, гдѣ въ воздухѣ висѣли кролики, и волчья пара изслѣдовала ихъ всѣхъ, при чемъ волчица шла впереди, а Одноглазый слѣдовалъ за ней, наблюдая и учась у нея, какъ обкрадывать капканы. Это знаніе должно было въ послѣдствіе сослужить ему хорошую службу.

ГЛАВА II.

Л о г о в и щ е.

Волчица и Одноглазый еще цѣлыхъ два дня бродили по сосѣдству съ индѣйской стоянкой. Онъ боялся и беспокоился, но лагерь привлекалъ его подругу, и ей не хотѣлось уходить. Но когда однажды утромъ въ воздухѣ раздался выстрѣлъ, и пуля ударилась о стволъ дерева въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ головы Одноглазаго, то волки больше не колебались и побѣжали большими, упругими скачками, которые быстро унесли ихъ отъ опаснаго мѣста.

Они бѣжали недолго—дня два не больше. То что искала волчица, теперь нужно было найти во что бы то ни стало. Она отяжелѣла и бѣжала медленно. Однажды, преслѣдуя кролика, котораго въ другое время она поймала бы безъ всякаго труда, ей пришлось упустить его, чтобы лечь и отдохнуть. Одноглазый подошелъ къ ней. Но когда онъ тихонько коснулся мордой ея шеи, она огрызнулась съ такой яростью, что онъ опрокинулся на спину и въ такомъ смѣшномъ положеніи старался увернуться отъ ея зубовъ. Она стала

теперь еще вспылчивѣе чѣмъ обыкновенно, а онъ сталъ терпѣливѣе и заботливѣе.

Но вотъ, наконецъ, волчица нашла то, чего искала. Это находилось въ нѣсколькихъ миляхъ вверхъ по теченію небольшого ручья, который лѣтомъ вливался въ Маккензи, но зимой промерзаль до самаго дна отъ устья до истоковъ, представляя собою плотную, бѣлую, застывшую массу. Волчица шла усталой походкой позади своего товарища, который бѣжалъ далеко впереди, когда замѣтила высокій, нависшій, глинистый берегъ. Она повернула въ сторону и направилась къ нему. Весеннія бури и тающіе снѣга подмыли берегъ, и въ одномъ мѣстѣ образовалась небольшая пещера.

Волчица остановилась у входа въ пещеру и тщательно осмотрѣла отвѣсный берегъ. Затѣмъ она побѣжала вдоль стѣны до того мѣста, гдѣ она постепенно переходила въ болѣе отлогій берегъ. Вернувшись къ пещерѣ, она вползла въ ея узкое отверстіе. Проползши три фута, она очутилась въ небольшомъ, кругломъ углубленіи футовъ въ шесть въ діаметрѣ. Головой она касалась его потолка. Здѣсь было сухо и уютно. Она съ необыкновенной заботливостью осмотрѣла пещеру со всѣхъ сторонъ, пока Одноглазый терпѣливо ждалъ у входа. Опустивъ морду къ землѣ, она повертѣлась нѣсколько разъ и затѣмъ съ усталымъ вздохомъ, улеглась на полъ пещеры, головой къ входу. Одноглазый съ любопытствомъ слѣдилъ за нею, насто-

роживъ уши и улыбаясь, и волчица могла видѣть на фонѣ бѣлаго снѣга, какъ онъ добродушно помахивалъ хвостомъ. Она прижала уши и высунула языкъ, выражая, такимъ образомъ, свое удовольствіе и удовлетвореніе.

Одноглазый былъ голоденъ. Хотя онъ лежалъ у входа пещеры и спалъ, но сонъ его былъ безпокойный. Онъ постоянно просыпался и настораживалъ уши, прислушиваясь къ окружающему міру, освѣщенному яркимъ апрѣльскимъ солнцемъ. Когда онъ засыпалъ, до его ушей продолжалъ доноситься шумъ скрытыхъ, журчащихъ ручейновъ, и онъ постоянно просыпался и прислушивался. Солнце вернулось, и пробуждающаяся природа Сѣвера взывала къ нему; всюду зарождалась жизнь. Въ воздухѣ носилось дуновение весны, подъ снѣгомъ текли ручейки, въ деревьяхъ стали подыматься сокъ и наливать почки, прорвавшія свои зимнія оковы.

Одноглазый бросалъ тревожные взгляды на свою подругу, но она не выражала никакого желанія подниматься. Онъ выглянулъ наружу и увидѣлъ нѣсколькихъ снигирей, пролетѣвшихъ мимо него. Онъ началъ подниматься, но, оглянувшись на волчицу, снова легъ и задремалъ. Вдругъ до его слуха долетѣло тонкое, пронзительное жужжаніе, онъ нѣсколько разъ провелъ лапой по носу. Затѣмъ онъ проснулся. Прожужжавъ въ воздухѣ, на кончикъ его носа сѣлъ комаръ. Это былъ вполнѣ взрослый комаръ, который, просидѣвъ всю зиму

въ трещинѣ сухого бревна, теперь былъ вызванъ къ жизни весеннимъ солнцемъ. Одноглазый больше не могъ противиться манившей его къ себѣ природѣ. Къ тому же онъ былъ очень голодень.

Онъ подползъ къ своей подругѣ и попробовалъ убѣдить ее подняться. Но она только заворчала на него, и онъ вышелъ одинъ. Снѣгъ сталъ мягкимъ и ступать по немъ было трудно. Онъ пошелъ по замерзшему ручью, гдѣ подъ деревьями снѣгъ былъ еще твердый и кристаллическій. Пробродивъ часовъ восемь, онъ вернулся назадъ еще болѣе голоднымъ чѣмъ раньше. Онъ видѣлъ дичь, но ему не удалось поймать ее, ибо онъ проваливался въ мягкомъ снѣгу, и, пока онъ барахтался въ немъ, кролики, которые были легче него, убѣгали.

У входа въ пещеру Одноглазый вдругъ остановился и подозрительно прислушался. Изнутри доносились какіе-то странные, тихіе звуки. Они исходили не отъ волчицы, и однако они напоминали ему нѣчто знакомое. Онъ поползъ въ пещеру, но былъ встрѣченъ грознымъ рычаніемъ волчицы. Это его нисколько не смутило, но онъ все же послушался и не сталъ подходить ближе; однако, онъ съ интересомъ прислушивался къ другимъ звукамъ, къ слабому заглушенному писку.

Волчица снова сердито заворчала на него, и онъ, свернувшись въ клубокъ, заснулъ у входа. Когда настало утро и слабый свѣтъ озарилъ логовище, онъ снова сталъ искать источникъ этихъ знакомыхъ, что-то напоминавшихъ ему звуковъ.

Въ рычаніи волчицы была новая нота. Это была нота ревности, и волкъ старался держаться на почтительномъ разстояніи отъ нея. Тѣмъ не менѣ онъ разглядѣла между ногами волчицы пять странныхъ, маленькихъ клубковъ жизни, очень слабыхъ и беспомощныхъ, съ закрытыми глазами и издававшихъ слабые, жалобные звуки. Онъ очень удивился. Это случалось уже не въ первый разъ въ его долгой и удачливой жизни, но каждый разъ это его одинаково изумляло.

Его подруга смотрѣла на него съ безпокойствомъ. Отъ времени до времени она издавала тихое ворчанье, а когда ей казалось, что онъ подходит слишкомъ близко, то ворчанье переходило въ яростное рычанье. Хотя у ней самой такого опыта не было, но ея инстинктъ, который былъ суммой опыта всѣхъ волчицъ-матерей, говорилъ ей, что иные отцы, пожираютъ свое беспомощное потомство. Этотъ инстинктъ выражался въ страхъ, заставившемъ ее не подпускать Одноглазаго къ волчатамъ, отцомъ которыхъ онъ былъ.

Но въ данномъ случаѣ никакой опасности не было. Старый Одноглазый тоже почувствовалъ вѣліе инстинкта, перешедшаго къ нему отъ поколѣній волковъ-отцовъ. Онъ не старался найти ему объясненія. Онъ просто тотчасъ же послушался его, и, повернувъ спину къ своему новорожденному семейству, отправился на поиски добычи.

Въ пяти или шести миляхъ отъ логовища рѣчка

развѣтвлялась подъ прямымъ угломъ и обѣ вѣтки шли въ гору. Отправившись по лѣвой лоцинѣ, Одноглазый напалъ на свѣжій слѣдъ. Онъ обнюхалъ его и затѣмъ тревожно взглянулъ по тому направленію, куда этотъ слѣдъ вель. Послѣ этого онъ повернулъ и пошелъ по правому руслу. Слѣды были гораздо больше его собственныхъ и онъ зналъ, что позади такихъ слѣдовъ для него не можетъ оставаться никакой добычи.

Пройдя полмили по правому руслу, онъ услышалъ какіе-то тихіе звуки. Оказалось, что это былъ дикобразъ, который стоялъ упершись ногами о дерево и грызъ кору. Одноглазый осторожно приблизился, но почти безъ всякой надежды заполучить эту добычу. Онъ зналъ этого звѣря, хотя никогда не встрѣчалъ его такъ далеко на сѣверѣ; и никогда еще, во всю свою долгую жизнь, дикобразъ не послужилъ ему пищей. Но онъ зналъ по опыту, что въ жизни бываютъ счастливыя случайности, и поэтому продолжалъ приближаться. Мало ли что можетъ случиться, особенно съ живыми существами!

Дикобразъ свернулся въ клубокъ, и длинныя острыя иглы заторчали по всѣмъ направленіямъ. Одноглазый однажды въ ранней юности слишкомъ близко понюхалъ подобный, съ виду безобидный, комокъ иглъ, и неожиданно получилъ сильный ударъ хвостомъ по мордѣ. Одна игла застряла у него въ носу и оставалась тамъ нѣсколько дней, причиняя ему сильную боль, пока, наконецъ,

не вышла вмѣстѣ съ гноемъ. Поэтому онъ легъ, удобно свернувшись и держа свой носъ на приличномъ разстояніи отъ дикобраза, особенно отъ его хвоста. Такимъ образомъ онъ ждалъ, лежа совершенно неподвижно. Какъ знать? Дикобразъ могъ развернуться и тогда могла явиться возможность ловкимъ ударомъ лапы распороть его нѣжное, не защищенное иглами, брюхо.

Но черезъ полчаса онъ поднялся, злобно зарычалъ на неподвижный комокъ и отправился дальше. Онъ продолжалъ итти по правому руслу; но день приходилъ къ концу, а его поиски еще не увѣнчались успѣхомъ.

Пробудившійся въ немъ отцовскій инстинктъ былъ очень силенъ. Онъ чувствовалъ, что надо непременно найти мяса. Послѣ полудня онъ наткнулся на птармигана. Онъ только что вышелъ изъ лѣсу, какъ очутился лицомъ къ лицу съ глупой птицей; она сидѣла на бревнѣ, на разстояніи не больше одного фута отъ его носа. Они одновременно увидали другъ друга; птица испуганно поднялась, но онъ ударилъ ее лапой и сбросилъ на землю. Затѣмъ сталъ на нее ногами и вонзилъ зубы въ ея шею, какъ только она сдѣлала движеніе, чтобы подняться въ воздухъ. Когда зубы его почувствовали нѣжное мясо и хрупкія кости, онъ, естественно, тотчасъ же принялся ѣсть. Но затѣмъ, вдругъ вспомнивъ что-то, повернулъ обратно и отправился домой, неся птицу во рту.

Онъ двигался своей обычной безшумной, мяг-

кой поступью, скользя, какъ тѣнь, и осторожно оглядываясь по сторонамъ, какъ вдругъ наткнулся на свѣжіе, широкіе слѣды, точь въ точь такіе, какіе онъ видѣлъ утромъ. Такъ какъ слѣды шли по его пути, то онъ пошелъ по нимъ, готовясь ежеминутно встрѣтить звѣря, которому они принадлежали.

Выглянувъ изъ-за скалы, откуда начиналась необыкновенно большая извилина ручья, онъ своимъ быстрымъ взглядомъ тотчасъ же замѣтилъ что-то, что заставило его быстро прильнуть къ землѣ. Это былъ тотъ звѣрь, которому принадлежали слѣды—большая рысь-самка. Она лежала тамъ же, гдѣ раньше лежалъ и онъ—передъ свернутымъ въ плотный клубокъ дикобразомъ. Если старый волкъ раньше скользилъ, какъ тѣнь, то теперь онъ сталъ тѣнью этой тѣни, пока, пробираясь вокругъ этой неподвижной пары, онъ не очутился съ подвѣтренной стороны.

Онъ легъ въ снѣгъ, положивъ около себя птицу, и сталъ слѣдить сквозь иглы низкорослой сосны за происходившей передъ нимъ игрой жизни: за рысью и дикобразомъ, выжидавшими другъ друга такъ какъ каждому изъ нихъ хотѣлось жить; но въ то время какъ для одного жизнь состояла въ томъ, чтобы съѣсть другого, для другого она состояла въ томъ, чтобы не быть съѣденнымъ. И старый Одноглазый, лежа на снѣгу, тоже принималъ участіе въ этой игрѣ, ожидая, что случай или капризъ судьбы поможетъ ему добыть мясо, тоже нужное ему для жизни.

Прошло полчаса, часъ, и ничего не случилось. Клубокъ иглъ можно было принять за каменный, судя по его неподвижности; рысь тоже могла быть каменнымъ изваяніемъ; а старый Одноглазый казался мертвымъ. Однако, во всѣхъ трехъ звѣряхъ жизнь была напряжена до болѣзненности, и врядъ ли кто-нибудь изъ нихъ когда-либо чувствовалъ себя болѣе живымъ чѣмъ теперъ, въ этой кажущейся окаменѣлости.

Одноглазый слегка двинулся и еще болѣе напряженно впился глазами впередъ. Что-то случилось. Дикобразъ, наконецъ, рѣшилъ, что его врагъ удалился. Медленно и осторожно онъ сталъ разворачивать свою непроницаемую броню. Его не волновало никакое предчувствіе. Медленно, медленно колючій клубокъ выпрямлялся и растягивался. У Одноглазаго, наблюдавшаго за нимъ, вдругъ потекли слюнки, когда онъ увидѣлъ живое мясо, развертывающееся передъ нимъ, какъ вкусное блюдо.

Дикобразъ не успѣлъ еще вполнѣ развернуться, какъ замѣтилъ своего врага. Въ тотъ же моментъ рысь ударила его. Ударъ былъ быстръ, какъ молнія. Лапа съ крѣпкими, острыми когтями ударила по нѣжному брюху и тотчасъ же отдернулась назадъ, но уже успѣла распоротъ его. Если бы дикобразъ развернулся вполнѣ, или если бы онъ замѣтилъ рысь на полъ-секунды позже, то лапа ея осталась бы невредимой, но теперь въ нее вонзились острия, боковыя иглы хвоста.

Все произошло сразу—ударъ рыси, отвѣтный ударъ и отчаянный визгъ динобраза, и удивленный вопль раненаго хищника. Одноглазый въ возбужденіи поднялся, настороживъ уши и вытянувъ хвостъ. Всплывъ, рысь забыла всякую осторожность. Она яростно набросилась на динобраза. Но динобразъ визжа и хрюкая старался свернуться въ клубокъ и въ то же время наносилъ хищнику ударъ за ударомъ своимъ хвостомъ, при чемъ каждый разъ она вскрикивала отъ боли и неожиданности. Наконецъ, она чихая, стала отступать; ея носъ былъ утыканъ иглами, какъ огромная подушка для булавокъ. Она терла морду лапами, стараясь избавиться отъ жестокихъ занозъ, каталась по снѣгу и терлась о стволы деревьевъ, не переставая прыгать во всѣ стороны и плясать отъ боли и ужаса.

Она безпрестанно чихала, а ея обрубокъ хвоста дѣлалъ сильныя судорожныя движенія, какъ бы желая помочь ей отмахнуться отъ мучительныхъ занозъ. Затѣмъ она перестала кривляться и успокоилась. Нѣсколько минутъ она просидѣла неподвижно. Одноглазый наблюдалъ. И даже онъ вздрогнулъ и невольно ошетинился, когда она вдругъ какъ ужаленная подскочила прямо въ воздухъ, издавъ въ то же время продолжительный страшный стонъ. Затѣмъ она поскакала въ сторону по старымъ своимъ слѣдамъ, съ каждымъ прыжкомъ оглашая воздухъ пронзительнымъ визгомъ.

Когда въ отдаленіи совершенно замерли звуки ея голоса, Одноглазый вышелъ изъ засады. Онъ шелъ такъ осторожно, какъ будто весь снѣгъ былъ устѣянъ иглами дикобраза, готовыми каждую минуту вонзиться въ мягкія подушечки его лапъ. Дикобразъ встрѣтилъ его злобнымъ визжаніемъ и щелканьемъ своихъ длинныхъ зубовъ. Ему удалось снова свернуться въ клубокъ; но это уже не былъ прежній плотный клубокъ; такъ какъ мускулы его были слишкомъ растерзаны, брюхо было почти наполовину распорото, и онъ истекалъ кровью.

Одноглазый набилъ себѣ полный ротъ обогрѣннымъ кровью снѣгомъ и съ наслажденіемъ жевалъ и глоталъ его. Это только еще больше возбуждало его аппетитъ, и голодъ его становился мучительнымъ. Но онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы забыть осторожность. Онъ легъ на снѣгъ и терпѣливо ждалъ пока дикобразъ скрежеталъ зубами, хрюкалъ, стоналъ и повизгивалъ отъ боли. Нѣкоторое время спустя Одноглазый замѣтилъ, что иглы опускаются и что все тѣло дикобраза начинаетъ дрожать. Дрожь внезапно прекратилась; раздался въ послѣдній разъ скрежетъ острыхъ зубовъ. Затѣмъ всѣ иглы опустились и тѣло безжизненно вытянулось.

Нервнымъ, робкимъ движеніемъ лапы Одноглазый толкнулъ дикобраза и повернулъ его на спину. Тотъ былъ мертвъ. Волкъ пристально всматривался въ него нѣсколько секундъ, затѣмъ

осторожно схватилъ его зубами и побѣжалъ внизъ къ ручью, отчасти неся, отчасти волоча дикобраза и отвернувъ въ сторону голову, чтобы не колотьясь объ иглы. Вдругъ, вспомнивъ что-то, онъ бросилъ свою ношу и побѣжалъ назадъ туда, гдѣ оставилъ птицу. Онъ не колебался ни одной секунды. Онъ зналъ что нужно было дѣлать; и онъ это сдѣлалъ—онъ быстро съѣлъ птицу. Затѣмъ вернулся и снова взялъ свою ношу.

Когда онъ втащилъ свой трофей въ берлогу; волчица осмотрѣла добычу, затѣмъ повернула къ нему морду и слегка лизнула его въ шею. Но въ слѣдующій моментъ она вновь зарычала, отгоняя его отъ волчатъ. Но ея рычаніе было менѣе злобно чѣмъ обыкновенно. Ея инстинктивный страхъ передъ отцомъ ея потомства понемногу исчезалъ. Онъ велъ себя, какъ подобаетъ волку-отцу, и не выказывалъ недобраго желанія пожрать маленькихъ существъ, только что произведенныхъ ею на свѣтъ.

ГЛАВА III.

Сърый волченокъ.

Онъ не походилъ на своихъ братьевъ и сестеръ. На ихъ шерсти былъ замѣтенъ рыжій отгѣнокъ, унаслѣдованный ими отъ матери; тогда какъ онъ въ этомъ отношеніи походилъ на отца. Онъ былъ единственнымъ сърымъ волченкомъ во всемъ выводкѣ. Онъ родился настоящимъ волкомъ, иначе говоря, онъ физически вполне походилъ на стараго Одноглазаго съ той лишь разницей, что у него было два глаза, а не одинъ, какъ у отца.

Глаза сѣраго волченка только недавно открылись, но онъ уже ясно видѣлъ ими. И даже когда его глаза были еще закрыты, онъ научился пользоваться другими чувствами: обоняніемъ, осязаніемъ и вкусомъ. Онъ прекрасно зналъ своихъ двухъ братьевъ и сестеръ и уже подымалъ съ ними неуклюжую возню, часто переходившую въ драку; тогда его маленькое горло издавало странные, хриплые звуки, напоминавшіе рычаніе. Задолго передъ тѣмъ, какъ открылись его глаза, онъ уже научился узнавать свою мать—этотъ источникъ теплоты, жидкой пищи и нѣжности—по прикосно-

венію, вкусу и запаху. У нея былъ мягкій, ласковый языкъ, который успокаивалъ его, когда проходилъ по его маленькому тѣлу, заставляя его прижиматься къ матери и блаженно засыпать.

Почти весь первый мѣсяць своей жизни онъ провелъ во снѣ; но теперь онъ уже хорошо видѣлъ, подолгу не спалъ и вполнѣ ознакомился со своимъ маленькимъ міромъ. Его міръ былъ мраченъ, но онъ этого не зналъ, ибо онъ не зналъ никакого другого. Его міръ былъ полутемнъ, но глаза его никогда не видѣли яркаго свѣта. Его міръ былъ очень малъ, онъ былъ ограниченъ стѣнами берлоги; но онъ никогда не видѣлъ широкаго, внѣшняго міра, и потому его нисколько не удручали тѣсныя рамки его жилища.

Но онъ скоро открылъ, что одна изъ стѣнъ его міра не походила на остальные. Это былъ входъ въ пещеру, откуда проникалъ свѣтъ. Онъ открылъ что эта стѣна не похожа на другія еще задолго до того, какъ началъ сознательно мыслить. Она неотразимо притягивала его прежде даже чѣмъ открылись его глаза и онъ взглянулъ на нее. Свѣтъ отъ нея ударялъ по его сомкнутымъ вѣкамъ, заставляя трепетать его зрительные нервы и давая ощущение маленькихъ красныхъ искръ, которое было чрезвычайно пріятно. Жизнь, составлявшая сущность его тѣла, тянулась къ этому свѣту и толкала къ нему его тѣло, точно такъ же, какъ сложный химическій составъ растенія толкаетъ его къ солнцу.

Вначалѣ, прежде чѣмъ въ немъ пробудилось сознание, онъ всегда подползалъ ко входу въ берлогу, и въ этомъ всѣ братья и сестры сходились. Въ этотъ періодъ никто изъ нихъ ни разу не пытался ползти въ темные углы пещеры. Свѣтъ притягивалъ ихъ, какъ растенія. Химическіе процессы ихъ жизни требовали свѣта, какъ необходимаго условія существованія. И ихъ маленькія тѣльца слѣпо ползли къ свѣту, съ такимъ упорствомъ, какъ усики винограда, цѣпляющіеся за что попало. Впослѣдствіи, когда въ каждомъ изъ нихъ проявилась индивидуальность и появились сознательныя желанія, притягательная сила свѣта еще усилилась. Волчата безпрестанно ползли къ нему, и матери постоянно приходилось оттаскивать ихъ обратно.

Такимъ образомъ, сѣрый волченочекъ узналъ и другія свойства своей матери, помимо мягкаго ласкающаго языка. Въ своихъ настойчивыхъ попыткахъ ползти къ свѣту, онъ узналъ, что у матери есть морда, которая можетъ рѣзкимъ толчкомъ отбросить его назадъ, и, кромѣ того, лапа, которая придавливала его къ землѣ и затѣмъ быстро и увѣренно перекаtywала его въ темный уголокъ пещеры. Такимъ образомъ, онъ позналъ что такое боль; но тутъ же научился ее избѣгать: во-первыхъ, не подвергая себя риску, а во-вторыхъ, если и рискуя, то не упорствуя въ своемъ намѣреніи, а быстро отступая. Это были уже сознательныя поступки, являющіеся результатомъ обобщеній,

которыя онъ успѣлъ уже сдѣлать о мѣрѣ. Раньше онъ только инстинктивно уходилъ отъ боли и также инстинктивно лѣзъ къ свѣту. Теперь же онъ избѣгалъ боли, потому что онъ зналъ что это боль.

Онъ былъ очень свирѣпымъ волченкомъ, и такими же были его братья и сестры. Этого можно было ожидать. Онъ былъ хищнымъ животнымъ, и происходилъ изъ породы хищниковъ. Его отецъ и мать питались исключительно мясомъ; молоко, которое онъ сосалъ въ первые дни своей жизни, было продуктомъ мяса, а теперь, когда ему минулъ мѣсяцъ, и глаза его открылись только недѣлю назадъ, онъ уже тоже началъ ѣсть мясо полупереваренное его матерью, которое она изрыгала для своихъ пяти подрастающихъ щенятъ, такъ какъ у нея уже не хватало для нихъ молока.

Онъ былъ самымъ свирѣпымъ изъ всего выводка. Онъ умѣлъ рычать громче, чѣмъ другіе. Его младенческіе припадки ярости были страшнѣе, чѣмъ у другихъ. Онъ первый научился кувыркать своихъ братьевъ и сестеръ ловкимъ ударомъ лапки, и онъ первый же схватилъ другого волченка за ухо и таскалъ его по берлогѣ ворча и не разжимая челюстей. И, конечно, онъ причинялъ матери больше всего хлопотъ, постоянно подползая къ выходу изъ пещеры.

Свѣтъ съ каждымъ днемъ все больше и больше манилъ къ себѣ сѣраго волченка. Онъ постоянно путешествовалъ къ выходу, но, проходилъ лишь

нѣсколько футовъ, и его тотчасъ же оттаскивали назадъ. Но онъ не зналъ, что это былъ входъ. Онъ вообще не зналъ ничего о входахъ и переходахъ изъ одного мѣста въ другое. Онъ не зналъ никакого другого мѣста кромѣ берлоги. Для него входъ въ пещеру казался свѣтлой стѣной. Чѣмъ солнце было для жившихъ внѣ пещеры, тѣмъ для него была эта свѣтящаяся стѣна. Она была солнцемъ его міра и притягивала его къ себѣ, какъ огонь бабочку. Онъ постоянно стремился добраться до нея. Жизнь, быстро развивавшаяся въ немъ, толкала его къ свѣтящейся стѣнѣ; жизнь, заключенная въ немъ, знала, что это единственный путь въ тотъ міръ, гдѣ ему суждено было жить. Но онъ самъ объ этомъ ничего не зналъ; онъ не подозрѣвалъ вообще, что существуетъ внѣшній міръ.

Но въ этой свѣтящейся стѣнѣ было нѣчто странное. Его отецъ—онъ уже узнавалъ своего отца, зналъ, что это существо похожее на его мать, спавшее близъ свѣта и приносившее мясо—его отецъ имѣлъ обыкновеніе итти прямо въ далекую, свѣтлую стѣну и исчезать. Сѣрый волченокъ не могъ этого понять. Хотя мать никогда не позволяла ему близко подходить къ этой стѣнѣ, онъ однако, часто подходилъ къ другимъ стѣнамъ, при чемъ всегда встрѣчалъ твердую поверхность, о которую больно ударялся его нѣжный носъ. Поэтому, послѣ нѣсколькихъ такихъ опытовъ, онъ оставилъ стѣны въ покоѣ. Совсѣмъ не думая

надъ этимъ, онъ примирился съ исчезновеніемъ отца сквозь эту стѣну, какъ съ его характерной особенностью, точно такъ же какъ особенностью его матери являлось доставленіе молока и полуперевареннаго мяса.

Въ сущности говоря, сѣрый волчонокъ не умѣлъ думать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди. Его мозгъ работалъ смутно. Однако его выводы были такъ же ясны и опредѣленны, какъ выводы людей. Онъ умѣлъ мириться съ положеніемъ вещей, не спрашивая почему и для чего. Его никогда не интересовалъ вопросъ: *почему* что-либо совершается. Ему нужно было только знать, *какъ* это происходитъ. Такимъ образомъ, когда онъ ткнулся нѣсколько разъ о стѣну, онъ примирился съ фактомъ, что онъ не можетъ исчезнуть сквозь стѣну. Точно также онъ помирился съ фактомъ, что его отецъ можетъ исчезнуть сквозь стѣну; но его нисколько не интересовало узнать причину этой разницы между нимъ и отцомъ. Логикѣ и физикѣ не было мѣста въ его головѣ.

Какъ большинство дикихъ животныхъ, онъ рано познакомился съ голодомъ. Настало время, когда не только прекратились запасы мяса, но и молоко больше не исходило изъ сосцовъ его матери. Вначалѣ волчата жалобно пищали и кричали, но потомъ больше спали. Вскорѣ они дошли до полнаго оцѣпенѣнія. Не было больше ни игръ, ни дракъ; никто не приходилъ въ ярость и не ворчалъ. Попытки подползать къ свѣтлой стѣнѣ пре-

кратились совершенно. Волчата спали, и жизнь въ нихъ мало-по-малу угасала.

Одноглазый былъ въ отчаяніи. Онъ уходилъ очень далеко и рѣдко спалъ въ берлогѣ, которая стала теперь безрадостной и унылой. Волчица тоже покидала своихъ дѣтей и отправлялась на поиски за мясомъ. Первые дни послѣ рожденія волчатъ Одноглазый нѣсколько разъ отправлялся къ лагерю индѣйцевъ и кралъ кроликовъ изъ капкановъ; но когда сталъ таять снѣгъ и вскрылись рѣки, индѣйскій лагерь перекочевалъ въ другое мѣсто, и этотъ источникъ мяса тоже изсякъ.

Когда сѣрый волчонокъ вновь вернулся къ жизни и сталъ снова интересоваться далекой, бѣлой стѣной, онъ замѣтилъ, что населеніе его міра сильно уменьшилось. У него осталась только одна сестра, остальные исчезли. Когда къ нему возвратились силы, онъ принужденъ былъ играть одинъ, ибо его сестра больше не поднимала головы и не двигалась. Его маленькое тѣло округлялось отъ мяса, которое онъ ѣлъ, но для его сестры пища явилась слишкомъ поздно. Она непрерывно спала, походя на крошечный скелетъ, обтянутый кожей, въ которомъ жизнь угасала и угасала и, наконецъ, совсѣмъ угасла.

Затѣмъ настало время когда сѣрый волчонокъ уже больше не видѣлъ, чтобы его отецъ приходилъ и исчезалъ сквозь стѣну, или чтобы онъ спалъ у входа. Это случилось къ концу второй, менѣе жестокой голодовки. Волчица знала, почему Одно-

глазый не вернулся, но она не могла объ этомъ сообщить своему волченку. Охотясь за мясомъ по лѣвому руслу ручья, гдѣ жила рысь, волчица напала на слѣдъ Одноглазаго, оставленный имъ наканунѣ. А затѣмъ она нашла и его самого, или вѣрнѣе то, что отъ него осталось. На томъ мѣстѣ было много слѣдовъ борьбы, а также и отступленіе рыси, выигравшей битву, въ свою берлогу. Прежде, чѣмъ уйти назадъ, волчица разыскала эту берлогу, но по нѣкоторымъ признакамъ она узнала, что рысь находится въ ней, и поэтому не осмѣлилась туда войти. Послѣ этого волчица во время охоты стала избѣгать лѣваго русла, ибо она знала, что въ берлогѣ рыси есть дѣтеныши, и что рысь чрезвычайно свирѣпа и страшна въ дракѣ. Хорошо поль-дюжинѣ волковъ преслѣдовать рысь и загонять ее на дерево; но совсѣмъ другое дѣло одинокому волку напасть на рысь, особенно когда у нея цѣлый выводокъ голодныхъ дѣтенышей.

Но Пустыня есть Пустыня и материнство есть материнство, всегда безстрашно охраняющее своихъ дѣтей, какъ въ Пустынѣ, такъ и внѣ ея; поэтому должно было настать время, когда волчица, ради своего сѣраго волченка, рѣшится отправиться вверхъ по лѣвому руслу, не взирая ни на берлогу рыси, ни на ея ярость.

ГЛАВА VI.

Стѣна внѣшняго міра.

Когда мать стала покидать берлогу, отправляясь на охоту, волченонъ уже хорошо зналъ законъ, запрещавшій ему приближаться къ входу въ пещеру. Этотъ законъ не только былъ насильственно внушаемъ ему мордой и лапой матери, но въ немъ самомъ развивался инстинктъ страха. Ему еще ни разу, въ теченіе его краткой жизни въ пещерѣ, не случилось чего нибудь испугаться. Однако, страхъ жилъ въ немъ. Онъ перешелъ къ нему отъ отдаленныхъ предковъ черезъ тысячи и тысячи жизней. Онъ былъ наслѣдіемъ, полученнымъ имъ непосредственно отъ Одноглазаго и волчицы, которымъ, въ свою очередь, онъ перешелъ отъ всѣхъ предыдущихъ поколѣній волковъ. Страхъ! Этого наслѣдства Пустыни ни одно животное не можетъ избѣжать.

Итакъ, сѣрый волченонъ зналъ страхъ, хотя не понималъ, отчего онъ происходитъ. Возможно, что онъ примирился съ нимъ, какъ съ однимъ изъ ограниченій міра, такъ какъ онъ уже зналъ, что такія ограниченія существуютъ. Съ голодомъ онъ

уже познакомился, и когда не могъ его утолить, то понималъ, что значить ограниченіе. Твердая преграда, представляемая стѣной пещеры, рѣзкій толчекъ материнской морды или ударъ ея лапы, неутоленный голодъ,—все это давало ему понять, что не все въ мірѣ свобода. Эти ограниченія и преграды и были закономъ, которому нужно было повиноваться, чтобъ избѣгать боли и быть счастливымъ.

Онъ, конечно, не разсуждалъ объ этомъ по человѣчески. Онъ только раздѣлялъ всѣ вещи на такія, которыя дѣлаютъ больно, и такія, которыя не дѣлаютъ больно. И, сдѣлавъ такое раздѣленіе, онъ избѣгалъ того, что причиняетъ боль—преграду и ограниченій—для того, чтобы наслаждаться тѣмъ хорошимъ, что даетъ жизнь.

Вотъ почему, отчасти повинуюсь закону, созданному его матерью, а отчасти закону неизвѣстному и безымянному—страху, онъ избѣгалъ подходить къ выходу изъ пещеры. Выходъ оставался для него бѣлой, свѣтлой стѣной. Когда его матери не было, онъ большею частью спалъ, а когда просыпался, то старался лежать очень тихо и подавить подымавшійся въ горлѣ жалобный пискъ и вообще желаніе издавать звуки.

Однажды, когда онъ не спалъ, онъ услышалъ у бѣлой стѣны странный звукъ. Онъ не зналъ, что это была росомаха, которая стояла у входа, и, трепеща отъ собственной дерзости, осторожно вынюхивала, что это за пещера. Волченокъ зналъ

только, что это былъ чуждый ему запахъ, что-то неопредѣленное, поэтому неизвѣстное и страшное, ибо неизвѣстное было однимъ изъ главныхъ элементовъ страха.

Шерсть стала дыбомъ на его спинѣ, но онъ молчалъ. Откуда онъ зналъ, что противъ того существа, что стояло у берлоги, надо было оцетиниться? У него не было опыта, но въ немъ былъ инстинктъ страха и сопровождающее этотъ инстинктъ чувство самосохраненія. Волченокъ былъ въ неописуемомъ ужасѣ. Онъ точно застылъ, окаменѣлъ и казался мертвымъ. Вернувшаяся домой мать зарычала, обнюхавъ слѣдъ росомахи, и, бросившись въ берлогу, принялась съ необыкновенной нѣжностью ласкать и лизать волченка. И волченокъ понялъ, что онъ избѣжалъ большой опасности.

Но въ немъ дѣйствовали еще и другія силы, самой главной изъ которыхъ былъ ростъ. Инстинктъ и законъ требовали отъ него послушанія, а ростъ побуждалъ его къ непослушанію. Его мать и страхъ заставляли его избѣгать свѣтлой стѣны.

Но ростъ есть жизнь; а вѣчное назначеніе жизни—стремиться къ свѣту. Задержать приливъ жизни, который подымался въ немъ съ каждымъ кускомъ проглоченнаго мяса и съ каждымъ новымъ дыханіемъ, было совершенно невозможно. Въ концѣ концовъ, насталъ день, когда страхъ и послушаніе уступили мѣсто напору жизни, и волченокъ пробрался къ выходу.

Не въ примѣръ прочимъ стѣнамъ, съ которыми онъ до сихъ поръ имѣлъ дѣло, эта стѣна, казалось, удалялась отъ него по мѣрѣ того, какъ онъ къ ней приближался. Никакая твердая поверхность не столкнулась съ его нѣжнымъ, маленькимъ носомъ, который онъ осторожно поднималъ кверху. Составъ стѣны, казалось, былъ такой же прозрачный и такъ же не оказывающій никакого давленія, какъ и свѣтъ. Такъ какъ каждое состояніе въ его глазахъ принимало видъ матеріи, то онъ вошелъ въ то, что считалъ стѣной и погрузился въ вещество, изъ котораго она состояла.

Все это сбивало его съ толку. Онъ ползъ сквозь твердое тѣло, а свѣтъ становился все ярче. Страхъ побуждалъ его вернуться, а ростъ тянулъ его впередъ. Вдругъ онъ очутился у входа въ пещеру. Стѣна, внутри которой, какъ ему казалось, онъ находился, вдругъ отскочила на огромное разстояніе. Свѣтъ сталъ столь яркимъ, что волчонокъ былъ ослѣпленъ и, отъ внезапно открывшагося передъ нимъ пространства, у него закружилась голова. Его глаза стали машинально принаравливаться къ яркому свѣту и къ сразу увеличившемуся разстоянію. Сначала стѣна отошла далеко, за поле его зрѣнія; теперь онъ снова ее увидѣлъ, но только она находилась очень далеко, и видъ ея измѣнился. Она стала очень разнообразной и состояла изъ деревьевъ, окаймлявшихъ ручей, изъ горы, возвышавшейся позади деревьевъ, и неба, возвышавшагося надъ горою.

На волченка напалъ великій страхъ. Это опять было страшное неизвѣстное. Онъ прилегъ на порогъ пещеры и въ страхъ смотрѣлъ оттуда на міръ. То, что онъ видѣлъ, было неизвѣстно ему, а, слѣдовательно, враждебно; поэтому шерсть взъерошилась на его спинѣ и онъ, оскаливъ зубы, старался издать свирѣпое рычаніе. Беззащитный и испуганный, онъ бросалъ вызовъ всему огромному міру.

Но ничего не произошло. Онъ продолжалъ смотрѣть, и любопытство заставило его перестать рычать и забыть свой страхъ. На время страхъ уступилъ мѣсто росту, являвшемуся подъ видомъ любопытства. Онъ началъ замѣчать ближайшіе предметы—открытую часть ручья, сверкаваго на солнцѣ, высохшую сосну, стоявшую у основанья откоса, и самый откосъ, спускавшійся прямо подъ нимъ и оканчивавшійся въ двухъ футахъ отъ порога пещеры, на которомъ онъ лежалъ.

Сѣрый волченокъ жилъ до сихъ поръ на ровной поверхности. Ему никогда еще не приходилось испытать боли отъ паденія; такъ что онъ еще не имѣлъ понятія о томъ, что такое паденіе. Вотъ почему онъ смѣло сдѣлалъ шагъ впередъ. Его заднія ноги еще оставались на порогъ пещеры, такъ что онъ упалъ головой внизъ и, крѣпко ударившись носомъ объ землю, запищалъ. Затѣмъ онъ покатился внизъ по склону все быстрѣе и быстрѣе. Паническій ужасъ охватилъ его. Неизвѣстное, наконецъ, овладѣло имъ. Оно захватило его въ

свою власть и собиралось сдѣлать съ нимъ что-то страшное. Ростъ теперь уступилъ мѣсто страху, и онъ визжалъ, какъ испуганный щенокъ.

Неизвѣстное и страшное окружало его, и онъ визжалъ не переставая. Это было совсѣмъ не то, что лежать, замеревъ отъ страху, когда неизвѣстное лишь приближалось. Теперь оно крѣпко держало его въ рукахъ, поэтому молчаніе было уже бесполезно. Къ тому же имъ теперь владѣлъ не страхъ, а настоящій ужасъ.

Но склонъ становился болѣе отлогимъ, и у его подножья росла трава. Скорость паденія волченка стала медленнѣе, и когда онъ, наконецъ, остановился, онъ издалъ послѣдній вой ужаса и протяжный, жалобный пискъ. Затѣмъ, какъ будто онъ уже тысячу разъ въ жизни заботился о своемъ туалетѣ, онъ сталъ слизывать сухую глину, приставшую къ его шерсти.

Послѣ этого онъ сѣлъ и сталъ озираться, какъ озирался бы человѣкъ, попавшій на Марсъ. Волченочекъ пробился сквозь стѣну міра, вырвался изъ когтей неизвѣстнаго и былъ теперь внѣ опасности. Но первый человѣкъ на Марсѣ оказался бы больше подготовленнымъ, чѣмъ онъ. Безъ всякаго предварительнаго знанія и представленія о томъ, что міръ существуетъ, онъ оказался изслѣдователемъ этого, совершенно новаго для него, міра.

Теперь, когда страшное неизвѣстное выпустило его изъ своихъ когтей, онъ забылъ о всѣхъ его ужасахъ. Онъ чувствовалъ только любопытство

но всему, что его окружало. Онъ изслѣдовалъ траву передъ собой, листья брусники и высохшій стволъ сосны, стоявшій на краю открытой поляны, среди другихъ деревьевъ. Бѣлка, бѣжавшая вкругъ основанія этого ствола, набѣжала прямо на него и страшно его испугала. Онъ прилесть и зарычалъ. Но бѣлка испугалась не менѣе его. Она взбѣжала на дерево и уже оттуда злобно зашипала на него.

Это нѣсколько поддержало мужество волченка, и, хотя дятель, съ которымъ онъ затѣмъ столкнулся, тоже заставилъ его вздрогнуть, онъ все же увѣренно продолжалъ свой путь. Его увѣренность была такъ велика, что когда какая-то птичка наскочила на него, то онъ игриво ударилъ ее лапой. За это она клюнула его въ носъ, что заставило его снова присѣсть и завизжать. Его визгъ испугалъ птицу, и она улетѣла.

Но волчонокъ учился. Его маленькій туманный разумъ безсознательно сдѣлалъ подраздѣленіе. Существовали предметы живые и неживые; и онъ долженъ былъ остерегаться предметовъ живыхъ. Предметы неживые оставались всегда на одномъ мѣстѣ; живые же двигались, и трудно было заранѣе сказать, что они могутъ сдѣлать. Отъ нихъ слѣдовало ожидать всякихъ неожиданностей.

Онъ двигался очень неуклюже. То и дѣло онъ стучался о сучья и о различные предметы. Вѣтка, которая, какъ онъ думалъ, была еще далеко отъ него, въ слѣдующій затѣмъ моментъ била его по

носу, или царапала его по ребрамъ. На поверхности, по которой онъ шель, были неровности. Иногда онъ спотыкался и ударялся носомъ о землю, а иногда попадалъ задними ногами въ ямку. Затѣмъ были еще камни и камешки, которые переворачивались у него подъ ногами, когда онъ ступалъ на нихъ. Отсюда онъ узналъ, что не всѣ неживыя вещи находятся въ одинаковой степени равновѣсія, подобно его пещерѣ, а также и то, что маленькія вещи гораздо скорѣе падаютъ и переворачиваются, чѣмъ большія. Но съ каждымъ неудачнымъ приключеніемъ онъ все больше узнавалъ. Онъ научился разсчитывать свои собственные движенія, узналъ предѣлъ своихъ физическихъ способностей, научился измѣрять разстояніе между предметами, и между собой и ими.

Онъ оказался удачникомъ съ самаго начала. Рожденный для того, чтобы охотиться за живымъ мясомъ, онъ наткнулся на мясо у самаго входа въ свою берлогу въ первый же день, какъ вышелъ въ свѣтъ. Благодаря чистой случайности, онъ напалъ на искусно скрытое птичье гнѣздо. Онъ просто упалъ въ него, потому что попробовалъ пройти вдоль упавшаго ствола сосны. Кусокъ гнилой коры отвалился подъ его ногами, и онъ съ отчаяннымъ крикомъ покатился со ствола въ густую листву кустарника и очутился въ гнѣздѣ среди семи птенцовъ. Они стали кричать, и онъ сначала испугался ихъ, но, замѣтивъ, что они очень малы, онъ сталъ смѣлѣе. Они двигались.

Тогда онъ положилъ лапу на одного изъ нихъ, и движенія того ускорились. Волченку это очень понравилось. Онъ понюхалъ птенца. Затѣмъ взялъ его въ ротъ. Тотъ бился и царапалъ его языкъ. Въ то же время волчонокъ почувствовалъ голодъ; его челюсти сжались, послышалось хрустѣніе хрупкихъ костей, и теплая кровь побѣжала ему въ ротъ. Она была очень вкусна. Это было мясо; то самое мясо, какимъ кормила его мать, но только вкуснѣе, потому что оно было живое. Онъ съѣлъ птенца, и продолжалъ ѣсть, пока не проглотилъ всего выводка. Затѣмъ онъ облизался, совсѣмъ такъ, какъ дѣлала его мать, и сталъ выползать изъ куста.

Но тутъ онъ былъ встрѣченъ крылатымъ бѣсомъ. Его ошеломили и ослѣпили злобные удары крыльевъ. Онъ спряталъ голову между лапъ и завизжалъ. Удары посыпались еще быстрѣе. Мать птенцовъ была въ ярости. Тогда волчонокъ разозлился. Онъ рыча поднялся и сталъ наносить удары своими лапами. Затѣмъ онъ вцѣпился своими острыми зубами въ крыло птицы и сталъ изо всѣхъ силъ трепать его. Птица боролась съ нимъ, осыпая его ударами своего свободного крыла. Это была первая битва волченка. Онъ забылъ всякій страхъ передъ неизвѣстнымъ. Теперь онъ уже ничего не боялся и дрался съ живымъ существомъ, которое било его. Къ тому же это живое существо было мясомъ. Имъ овладѣла жажда убивать. Онъ только что уничтожилъ

маленькихъ живыхъ существъ, и теперь онъ хотѣлъ уничтожить большое живое существо. Онъ всецѣло ушелъ въ борьбу и былъ счастливъ. Но онъ не сознавалъ, что былъ счастливъ. Ему открылись до тѣхъ поръ невѣдомыя ему наслажденія, и онъ всецѣло отдался имъ.

Онъ не выпускалъ крыла и ворчалъ съ стиснутыми зубами. Птица вытащила его изъ куста. Когда она, затѣмъ, повернула, стараясь втащить его снова подъ защиту куста, то онъ поволокъ ее, на открытое мѣсто. Она все время кричала и била его своимъ свободнымъ крыломъ, при чемъ перья летѣли во всѣ стороны, какъ снѣгъ. Волчонокъ дошелъ до высшей степени возмущенія. Въ немъ заговорила кровь его предковъ, и поднялся инстинктъ борьбы. Это была настоящая жизнь, хотя онъ не зналъ этого. Онъ начиналъ осуществлять свое назначеніе въ мірѣ, ибо дѣлалъ то, для чего онъ былъ созданъ, то есть убивалъ добычу и дрался, чтобы добыть ее. Онъ оправдывалъ свое существованіе, выше чего въ жизни ничего нѣтъ, ибо жизнь достигаетъ своего апогея, когда она выполняетъ свое назначеніе.

Черезъ нѣкоторое время птица перестала бороться. Волчонокъ все еще держалъ ее за крыло, оба они лежали и смотрѣли другъ на друга. Онъ попробовалъ грозно зарычать на нее; тогда она клюнула его въ носъ, который у него болѣлъ отъ всѣхъ предыдущихъ приключеній. Волчонокъ сморщился, но продолжалъ держаться за крыло.

Птица клюнула его еще разъ и еще. Тогда онъ сталъ визжать и попытался уйти отъ нея, не соображая того, что держа ее за крыло, онъ тянетъ и ее за собою. Удары клюва сыпались, какъ дождь, на его больной носъ. Опьяненіе борьбой вдругъ исчезло, и, выпустивъ свою добычу, онъ повернулся и со всѣхъ ногъ побѣжалъ по открытой полянѣ, спасаясь позорнымъ бѣгствомъ.

На другомъ краю поляны онъ прилежъ отдохнуть возлѣ кустовъ, высунувъ языкъ и тяжело дыша; и, такъ какъ носъ его продолжалъ болѣть, то онъ все время жалобно повизгивалъ. Но вдругъ его охватило предчувствіе чего-то страшнаго. Неизвѣстное со всѣми его ужасами обрушилось на него, и онъ инстинктивно спрятался въ кусты. Не успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ на него вдругъ повѣяло вѣтромъ, и большое крылатое тѣло грозно пронеслось надъ нимъ и безшумно исчезло. Ястребъ, спустившійся изъ синевы небесъ, чуть чуть не унесъ его.

Когда онъ лежалъ въ кустахъ, оправляясь отъ страха и испуганно выглядывая изъ-за вѣтвей, изъ разрушеннаго имъ гнѣзда вылетѣла осиротѣлая мать. Удрученная своимъ несчастьемъ, она не обратила вниманія на крылатую стрѣлу небесъ. Но волченокъ видѣлъ, какъ ястребъ камнемъ кинулся внизъ, вцѣпился когтями въ тѣло закричавшей отъ ужаса птицы и затѣмъ снова поднялся въ голубую высь, унося съ собой добычу. Это былъ новый и хорошій урокъ для волченка.

Онъ еще долго лежалъ въ своемъ убѣжищѣ. Онъ многому научился. Живыя существа были мясомъ и были пріятны на вкусъ; но когда они были велики, они могли причинить боль. Лучше было ѣсть небольшія живыя существа, напримѣръ, птенцовъ, и оставлять въ покоѣ большія, какъ мать этихъ птенцовъ. Однако, онъ чувствовалъ нѣкоторый уколъ своему самолюбію и желаніе еще разъ подраться съ большой птицей. Жаль только, что ястребъ унесъ ее. Но можетъ быть существовали еще другія птицы? Онъ рѣшилъ пойти узнать.

Онъ спустился къ берегу ручья. Онъ никогда еще не видалъ воды. Поверхность казалась ему пріятной, на ней не было неровностей. Онъ смѣло ступилъ на нее и провалился въ объятіе неизвѣстнаго, крича отъ страха. Оно было холодное, и онъ задыхался, усиленно дыша. Вмѣсто воздуха, которымъ онъ привыкъ дышать, въ его легкія хлынула вода. Удушеніе, которое онъ испыталъ при этомъ, походило на смерть. Во всякомъ случаѣ, для него оно означало смерть, ибо, хотя у него не было сознательнаго представленія о смерти, но, какъ у всѣхъ животныхъ Пустыни, у него былъ инстинктъ смерти. Она была для него самымъ великимъ изъ всѣхъ страданій. Она представлялась ему самой сущностью неизвѣстнаго, являясь суммою всѣхъ ужасовъ неизвѣстнаго, страшной финальной катастрофой, о которой онъ не зналъ ничего, но которой страшно боялся.

Волченокъ всплылъ на поверхность, и пріятный воздухъ ворвался въ его открытый ротъ. На этотъ разъ онъ уже не погрузился въ воду. Какъ будто слѣдуя давней привычкѣ, онъ сталъ двигать всѣми четырьмя лапами, и поплылъ. Ближайшій берегъ былъ на разстояніи ярда отъ него. Но онъ вынырнулъ изъ воды спиной къ нему, и глаза его увидѣли противоположный берегъ, къ которому онъ немедленно же сталъ плыть. Ручей былъ не великъ, но какъ разъ въ томъ мѣстѣ былъ омутъ, футовъ въ двадцать шириной.

Посреди ручья теченіе подхватило волченка и понесло его внизъ по ручью до небольшого водопада. Здѣсь плавать уже нельзя было. Спокойная вода вдругъ разсердилась, и волченокъ то попадалъ подъ нее, то появлялся на поверхности; все время онъ находился въ быстромъ движеніи, такъ какъ его вертѣло и бросало во всѣ стороны, и иногда ударяло о камни. И каждый разъ, когда онъ ударялся, онъ визжалъ. Его движеніе впередъ сопровождалось непрерывнымъ крикомъ, изъ чего можно было заключить, что онъ много разъ наткался на камни.

Пониже водопада былъ другой омутъ, и здѣсь, подхваченный теченіемъ, волченокъ былъ тихонько отнесенъ къ берегу и нѣжно положенъ на песокъ. Онъ быстро выкарабкался изъ воды и легъ. Теперь онъ зналъ кое-что новое о мірѣ. Вода не была живая, но она двигалась. Кромѣ того, она казалась твердой, какъ земля, но на самомъ дѣлѣ ни-

какой твердости въ ней не было. Отсюда онъ заключилъ, что вещи не всегда таковы, какими онѣ кажутся. Страхъ волченка передъ неизвѣстнымъ былъ унаслѣдованъ отъ предковъ. А теперь, благодаря опыту, онъ въ немъ усилился. Отнынѣ онъ уже не будетъ довѣрять виѣшности. Теперь онъ сначала будетъ узнавать, какова въ дѣйствительности вещь, прежде чѣмъ довѣриться ей.

Въ этотъ день ему предстояло еще одно приключеніе. Онъ вдругъ вспомнилъ, что на свѣтѣ существуетъ его мать. И имъ овладѣло такое чувство, что она ему нужна больше, чѣмъ все остальное въ мірѣ. Не только тѣло его устало отъ приключеній, но и его мозгъ усталъ не меньше. За всю его жизнь онъ не работалъ такъ, какъ въ этотъ день. Къ тому же онъ хотѣлъ спать. Чувствуя всю свою безпомощность и одиночество, онъ пошелъ искать берлогу своей матери.

Онъ пробирался между кустами, когда вдругъ услышалъ рѣзкій крикъ. Передъ его глазами мелькнуло что-то, и онъ увидѣлъ ласку, быстро убѣгающую отъ него. Это было маленькое живое существо, и поэтому онъ не испугался. Затѣмъ у самыхъ своихъ ногъ онъ замѣтилъ совсѣмъ крошечное живое существо въ нѣсколько дюймовъ длины. Это была совсѣмъ маленькая ласка, которая, подобно ему, непослушно ушла изъ дому. Она попробовала убѣжать отъ него, но онъ перевернулъ ее лапой. Она издала странный рѣзкій звукъ. Въ слѣдующій затѣмъ моментъ что-то

желтое снова мелькнуло передъ его глазами, онъ снова услышалъ крикъ и въ то же мгновеніе почувствовалъ острые зубы ласки-матери, которые впились ему въ шею.

Пока онъ кричалъ, визжалъ и пятился назадъ, ласка-мать прыгнула къ своему дѣтенышу и исчезла съ нимъ въ ближайшихъ кустахъ. Его шея еще очень болѣла отъ укуса ласки, но его чувства были еще болѣе оскорблены, и поэтому онъ сидѣлъ и жалобно пищалъ. Эта ласка-мать была такая маленькая и такая жестокая! Онъ еще не зналъ, что для своей величины и вѣса, ласка была самымъ кровожаднымъ, мстительнымъ и страшнымъ изъ всѣхъ хищниковъ Пустыни. Но ему было суждено скоро узнать это.

Онъ еще продолжалъ визжать, когда ласка-мать вернулась. На этотъ разъ, когда дѣтенышъ ея былъ въ безопасности, она не бросилась на него. Она приблизилась къ нему осторожно, и волченокъ могъ разглядѣть ея гибкое, змѣевидное тѣло и высоко поднятую голову, тоже похожую на змѣиную. На ея рѣзкій угрожающій крикъ онъ отвѣтилъ рычаніемъ, и шерсть у него на спинѣ стала дыбомъ. Она подходила ближе и ближе. Вдругъ она сдѣлала прыжокъ, который онъ не могъ во время замѣтить своимъ неопытнымъ глазомъ, и гибкое, желтое тѣло ея на моментъ исчезло изъ его поля зрѣнія. Но въ слѣдующее мгновеніе она вцѣпилась ему въ горло, вонзивъ зубы въ его шерсть и мясо.

Сначала онъ рычалъ и пробовалъ бороться; но онъ былъ еще очень юнъ и въ первый разъ вышелъ на свѣтъ Божій, поэтому его рычаніе скоро перешло въ жалобный визгъ, а борьба—въ стремленіе убѣжать отъ опасности. Но ласка не разжимала зубовъ. Она старалась добраться зубами до большой артеріи, гдѣ сосредоточилась его жизнь. Ласка любила сосать кровь, и предпочитала сосать ее изъ горла самой жизни.

Сѣрый волчонокъ, конечно, умеръ бы, и о немъ нельзя было бы написать разсказа, если бы волчица вдругъ не выскочила изъ-за кустовъ. Ласка выпустила волченка и кинулась къ горлу волчицы, но невѣрно разсчитала прыжокъ, и, вмѣсто того, уцѣпилась въ ея челюсть. Волчица махнула головой, какъ кнутомъ. Ласка не удержалась и полетѣла въ воздухъ. Челюсти волчицы на лету поймали гибкое, желтое тѣло, и ласка нашла смерть между острыми зубами большого звѣря.

Волчонокъ испыталъ новый приливъ любви со стороны матери. Ея радость, казалось, была даже больше его собственной. Она его ласкала, гладила и лизала раны, нанесенныя ему зубами ласки. Затѣмъ мать съ сыномъ подѣлили кровопійцу и, вернувшись въ берлогу, крѣпко заснули.

ГЛАВА V.

Законъ жизни.

Волченокъ быстро развивался. Просидѣвъ въ пещерѣ два дня, онъ затѣмъ снова отправился путешествовать. Онъ нашелъ молодую ласку, мать которой онъ съ волчицей съѣли, и молодую ласку онъ отправилъ по стопамъ ея матери. На этотъ разъ онъ не заблудился, и, когда усталъ, вернулся спать въ свое логовище. Съ этихъ поръ онъ сталъ странствовать каждый день, съ каждымъ разомъ уходя все дальше и дальше.

Скоро онъ вполне позналъ свою силу и свою слабость, и зналъ, когда можно было быть смѣлымъ и когда слѣдовало быть осторожнымъ. Онъ нашелъ, что выгоднѣе всего быть осторожнымъ, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда онъ, съ полной увѣренностью въ успѣхѣ, давалъ волю своему бѣшенству и своей алчности.

Онъ всегда походилъ на маленькаго бѣсенка, когда встрѣчалъ безобиднаго птармигана и никогда не забывалъ отвѣчать злобнымъ рычаніемъ на трескотню бѣлки, впервые встрѣченной имъ у высокой сосны. Видъ же маленькой птички,

которую онъ тоже встрѣтилъ въ первый день, каждый разъ приводилъ его въ бѣшенство, ибо онъ не могъ забыть, какъ она тогда расклеивала ему носъ.

Но бывали времена, когда онъ не обращалъ вниманія даже на эту птичку, и это случалось тогда, когда онъ самъ подвергался опасности нападенія со стороны какого-нибудь другого хищника. Онъ всегда помнилъ коршуна, движущаяся тѣнь котораго по землѣ всегда загоняла его въ ближайшіе кусты. Онъ больше не переваливался изъ стороны въ сторону и не спотыкался, и у него появилась походка его матери—крадущаяся и скользящая, но казавшаяся непринужденной.

Что касается мяса, то ему везло только вначалѣ. До сихъ поръ онъ убилъ всего только семь птенцовъ птармигана и молоденькую ласку. Но желаніе убивать росло съ каждымъ днемъ, и онъ жадно смотрѣлъ на бѣлку, которая такъ болтливо трещала и своей трескотней предупреждала всѣхъ животныхъ о приближеніи волченка. Но птицы летали по воздуху, а бѣлку надо было подстеречь лишь въ то время, когда она бѣгала по землѣ.

Волченокъ питалъ глубокое уваженіе къ своей матери. Она умѣла добывать мясо и никогда не забывала принести ему его долю. Кромѣ того, она ничего не боялась. Ему еще не приходило въ голову, что это безстрашіе было основано на опытѣ и знаніи, и оно ему казалось большой силой. Его мать была для него олицетвореніемъ силы. По

мѣрѣ того, какъ онъ росъ, онъ чувствовалъ эту силу въ болѣе жестокихъ ударахъ ея лапы, и въ томъ, что толчки, которые она давала ему прежде носомъ, теперь замѣнились ударами ея клыковъ. Это тоже заставляло его уважать мать. Она требовала отъ него повиновенія, и, чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ вспыльчивѣе дѣлалась она.

Наступила опять голодовка, и волченокъ уже вполне сознательно чувствовалъ муки голода. Волчица похудѣла отъ непрерывныхъ поисковъ пищи. Она теперь рѣдко спала въ берлогѣ, проводя большую часть времени на охотѣ за мясомъ. Но всѣ ея усилія были тщетны. Голодовка на этотъ разъ не была продолжительна, зато она была чрезвычайно жестока. Волченокъ больше не находилъ молока у матери и нигдѣ не могъ достать ни куска мяса.

Раньше онъ охотился ради забавы, такъ какъ это доставляло ему наслажденіе. Теперь же онъ принялся за это по необходимости, но не находилъ рѣшительно ничего. Но неудачи лишь ускорили его развитіе. Онъ внимательно изучилъ привычки бѣлки и ловко подкрадывался къ ней, стараясь застать ее врасплохъ. Онъ изучилъ привычки лѣсныхъ мышей и пробовалъ выкапывать ихъ изъ ихъ норокъ, и узналъ очень много относительно дятловъ и другихъ птицъ. И насталъ день, когда тѣнь коршуна уже не могла загнать его въ кусты. Онъ сталъ сильнѣе, умнѣе и увѣреннѣе въ себѣ. Къ тому же голодъ сдѣлалъ его отчаяннымъ, поэтому

онъ сѣлъ на открытомъ мѣстѣ, заманивая коршуна съ неба. Ибо онъ зналъ, что тамъ, въ голубыхъ небесахъ надъ нимъ, летало мясо; то мясо, которое такъ настойчиво требовалъ его желудокъ. Но коршунъ не желалъ спускаться и вступать въ бой, и волчонокъ снова полѣзъ въ кусты, визжа отъ голода и разочарованія.

Но вотъ голодь прекратился. Волчица принесла домой мясо. Это было странное мясо, совсѣмъ не похожее на то, которое она приносила раньше. Это былъ дѣтенышъ рыси, уже довольно взрослый, но не такой большой, какъ волчонокъ; и онъ былъ дѣликомъ предназначенъ для него. Волчица гдѣ-то уже удовлетворила свой голодь—онъ и не подозрѣвалъ, что она сѣла всѣхъ остальныхъ дѣтенышей рыси, точно такъ же, какъ не подозрѣвалъ, какой это былъ отчаянный поступокъ съ ея стороны. Онъ зналъ только, что молоденькая рысь съ бархатной шкурой была мясомъ, и съ каждымъ проглатываемымъ кускомъ онъ чувствовалъ себя счастливымъ.

Полный желудокъ ведетъ къ бездѣйствію, и волчонокъ долго спалъ въ пещерѣ, лежа рядомъ съ матерью. Онъ былъ разбуженъ ея рычаніемъ. Никогда онъ еще не слышалъ, чтобы она рычала такъ страшно. Возможно, что за всю свою жизнь она не издавала болѣе страшнаго рычанія. Но было изъ-за чего рычать, и никто не зналъ этого лучше чѣмъ она. Выводка рыси нельзя было уничтожить безнаказанно. При яркомъ солнечномъ

освѣщеніи волченокъ увидаль у входа въ пещеру приникшую къ землѣ старую рысь. Шерсть дыбомъ поднялась на его спинѣ при этомъ зрѣлищѣ. Это было нѣчто очень страшное, и не нужно было даже инстинкта, чтобы понять это. Видъ рыси былъ достаточно страшень, но крикъ ярости, который она издавала и который изъ рычанія переходилъ въ хриплый визгъ, былъ еще страшнѣе.

Волченокъ почувствовалъ приливъ жизненной силы и вскочилъ, яростно ворча, рядомъ съ матерью. Но мать презрительно оттолкнула его назадъ. Такъ какъ входъ въ пещеру былъ очень низокъ, то рысь не могла сдѣлать прыжка; и, когда она вползла въ пещеру, то волчица бросилась на нее и прижала ее къ землѣ. Волченокъ плохо видѣлъ эту борьбу, ибо оба звѣря бросались изъ стороны въ сторону, рыча, шипя и визжа. Рысь наносила удары зубами и когтями; волчица же пускала въ ходъ только клыки.

Разъ волченокъ подскочилъ и, яростно рыча, впился зубами въ заднюю ногу рыси. При этомъ онъ и не подозрѣвалъ, что тяжестью своего тѣла онъ мѣшалъ движеніямъ рыси, и, такимъ образомъ, помогаль своей матери. Но скоро борьба приняла новый оборотъ, и волченокъ, очутившись подъ двумя борящимися тѣлами, принужденъ былъ выпустить ногу рыси. Въ слѣдующее мгновеніе обѣ матери отскочили другъ отъ друга, и, прежде чѣмъ снова сцѣпиться, рысь ударила волченка своей огромной передней лапой, разорвавъ ему

плечо до кости и отбросивъ его къ стѣнѣ. Тогда къ бѣшеному шуму борьбы присоединился рѣзкій визгъ волченка. Но борьба продолжалась такъ долго, что у него было время накричаться и снова испытать новый приливъ мужества; къ концу битвы онъ снова съ яростнымъ рычаніемъ, вцѣпился въ заднюю ногу рыси.

Рысь была мертва. Но волчица сильно ослабѣла и была вся изранена. Сначала она ласкала волченка и лизала его раненое плечо, но вслѣдствіе потери крови она ослабѣла такъ, что пролежала цѣлыя сутки возлѣ своего мертваго врага, не двигаясь и едва дыша. Цѣлую недѣлю она не выходила изъ пещеры, развѣ только для того, чтобы напиться; но движенія ея были слабы и болѣзненны. Къ концу недѣли рысь была съѣдена, и раны волчицы уже настолько зажили, что она могла опять начать охоту за мясомъ.

Плечо волченка очень болѣло, и онъ нѣкоторое время ходилъ прихрамывая. Но міръ, казалось, совершенно измѣнился. Онъ входилъ въ него гораздо самоувѣреннѣе и съ чувствомъ такой гордости, какой онъ не испытывалъ до битвы съ рысью. Міръ принялъ въ его глазахъ болѣе свирѣпый видъ. Онъ уже дрался; онъ вцѣпился зубами въ тѣло врага и остался живъ. Поэтому онъ теперь держалъ себя смѣло и даже вызывающе, чего раньше не было. Онъ уже больше не боялся небольшихъ животныхъ, и робость его почти исчезла, хотя Неизвѣстное не переставало грозить ему своими тайнами и ужасами.

Онъ началъ сопровождать свою мать на охоту, присутствовалъ при многихъ ея побѣдахъ, и началъ и самъ принимать участіе въ охотѣ за мясомъ. И онъ сталъ понимать законъ мяса, но еще смутно. Въ жизни существовали двѣ породы: его собственная и чужая. Къ его породѣ принадлежалъ онъ съ матерью; къ чужой— всѣ остальные движущіяся, т. е. живыя, существа. Но эта чужая порода дѣлилась на двѣ группы. Первую группу составляли тѣ, которыхъ ѣла его порода. Это были всѣ не-хищныя животныя, а также мелкіе хищники. Другая группа убивала и ѣла его породу, или была ею убиваема и съѣдаема. Изъ этого подраздѣленія вытекалъ жизненный законъ. Цѣлью жизни—было мясо. Все живое было мясомъ. Жизнь питалась жизнью. Существовали пожиратели и пожираемые. Отсюда являлся законъ: *ѣсть, или быть съѣденнымъ*. Волченокъ, разумѣется, не формулировалъ этотъ законъ и не морализировалъ на эту тему. Онъ даже не думалъ о законѣ, а просто слѣдовалъ его велѣніямъ.

Онъ всюду видѣлъ дѣйствіе этого закона. Онъ съѣлъ птенцовъ птармигана, коршунъ съѣлъ ихъ мать, и съѣлъ бы и его самого. Когда онъ вырастетъ и станетъ сильнѣе, онъ съѣстъ коршуна. Онъ съѣлъ дѣтеныша рыси. Старая рысь съѣла бы его, если бы сама не была убита и съѣдена. И такъ до бесконечности. Всѣ живыя существа подчинялись этому закону, и онъ самъ былъ частичкой

его. Онъ былъ хищникомъ, и единственной пищей его было мясо, живое мясо; которое либо быстро убѣгало отъ него, либо взлетало въ воздухъ, либо взбиралось на деревья, либо пряталось подъ землей, либо боролось съ нимъ и ему приходилось убѣгать отъ него.

Если бы волченокъ думалъ по человѣчески, онъ бы представилъ себѣ жизнь въ видѣ колоссальнаго аппетита, а мiръ въ видѣ совокупности множества аппетитовъ, преслѣдующихъ и преслѣдуемыхъ, выслѣживающихъ и выслѣживаемыхъ, поглощающихъ и поглощаемыхъ—въ слѣпомъ хаосѣ жестокости, жадности и убійства, управляемыхъ беспощадной, безцѣльной и безконечной случайностью.

Но волченокъ не умѣлъ мыслить по человѣчески. Онъ не смотрѣлъ на жизнь съ широкой точки зрѣнія; онъ преслѣдовалъ только одну цѣль заразъ, одну мысль и одно желаніе. Помимо закона мяса были еще мириады другихъ, второстепенныхъ законовъ, которые онъ долженъ былъ познать и, познавши, повиноваться имъ. Мiръ былъ полонъ неожиданностей. Жизнь, которая была въ немъ ключемъ, и игра его мускуловъ были неизясняемыми источниками счастья для него. Гоняться за мясомъ было наслажденіемъ; драться и приходиться въ ярость было удовольствіемъ. Даже ужасъ и тайна Неизвѣстнаго помогали ему жить.

Кромѣ этого, въ жизни было еще много пріят-

ныхъ ощущеній. Полный желудокъ, сладкій сонъ на солнцѣ—все это вполнѣ вознаграждало его за всѣ труды и усилія. Да къ тому же, труды и усилія сами себя вознаграждали. Они были проявленіемъ жизни, а жизнь всегда счастлива, когда проявляетъ самое себя. Итакъ, волченокъ не жаловался на окружавшую его враждебную среду. Онъ былъ полонъ жизни, былъ очень счастливъ и очень доволенъ собой.

ЧАСТЬ III.

ГЛАВА I.

Творцы огня.

Волченочъ наткнулся на это совершенно неожиданно. Онъ былъ самъ виноватъ, такъ какъ поступилъ неосторожно. Покинувъ берлогу, онъ побѣжалъ къ ручью напиться. Возможно, что онъ этого не замѣтилъ, потому что только что проснулся отъ крѣпкаго сна, послѣ того какъ всю ночь провелъ на охотѣ. Его небрежность была понятна еще потому, что онъ хорошо зналъ дорогу къ ручью, часто по ней ходилъ и до сихъ поръ съ нимъ при этомъ ничего не случилось.

Онъ прошелъ мимо высохшей сосны, перебѣжалъ поляну и вступилъ въ лѣсъ. И тутъ-то онъ сразу и увидѣлъ и почувствовалъ необычный запахъ. Передъ нимъ, молча сидя на корточкахъ, предстали пять живыхъ существъ, какихъ онъ до сихъ поръ никогда не видалъ. Это было его первое знакомство съ людьми. Но при видѣ его, люди не вскочили, не оскалили зубовъ и не зарычали. Они не двинулись и оставались сидѣть, попрежнему молчаливые и зловѣщіе.

Волченокъ тоже не двигался. Инстинктъ побуждалъ его кинуться со всѣхъ ногъ отъ нихъ. Но въ немъ въ первый разъ въ жизни пробудился совершенно противоположный инстинктъ. Онъ вдругъ, вмѣстѣ съ изумленіемъ, почувствовалъ благоговѣніе. Сознаніе своего ничтожества и слабости заставило его замереть неподвижно. Передъ нимъ были сила и власть, значительно превышавшія всякую, дотолѣ извѣстную ему, силу и власть.

Волченокъ никогда не видалъ человѣка, но инстинктивно понималъ его значеніе. Онъ смутно чувствовалъ, что это было животное, завоевавшее первое мѣсто среди другихъ животныхъ Пустыни. Онъ смотрѣлъ на человѣка не только своими глазами, но и глазами всѣхъ своихъ предковъ, кружившихся въ темнотѣ вокругъ доисторическихъ костровъ, или слѣдившихъ изъ-за кустовъ за страннымъ двуногимъ животнымъ, покорившимъ себѣ всѣхъ живыхъ существъ. Волченкомъ овладѣлъ наследственный страхъ и уваженіе, являвшееся результатомъ столѣтій борьбы, и опыта тысячи поколѣній волковъ. Это наследственное чувство парализовало волченка. Если бы онъ былъ взрослымъ волкомъ, то онъ тотчасъ бы убѣждалъ; а теперь онъ только припалъ къ землѣ отъ страха, уже наполовину изъясняя ту покорность, которую его порода проявляла съ тѣхъ поръ, какъ первый волкъ подошелъ къ костру человѣка и сталъ грѣться возлѣ него.

Одинъ индѣецъ всталъ, подошелъ къ нему и наклонился. Волчонокъ еще ниже приникъ къ землѣ. Неизвѣстное, воплотившееся, наконецъ, въ конкретный образъ, наклонилось надъ нимъ и собиралось схватить его. Шерсть волченка невольно стала дыбомъ, губы искривились, и его маленькіе, бѣлые клыки обнажились. Рука, занесенная надъ нимъ, остановилась въ нерѣшительности, и человѣкъ, засмѣявшись, сказалъ: «Вадамъ вабиска, ипъ питъ тахъ» (Смотрите! Какіе бѣлые клыки!)

Другіе индѣйцы громко расхохотались и стали уговаривать товарища взять волченка. Когда рука его стала опускаться все ниже и ниже, въ волченкѣ происходила борьба противоположныхъ инстинктовъ. Одинъ внушалъ ему, что надо покориться, другой побуждалъ его бороться. Въ результатѣ получился компромиссъ—онъ послѣдовалъ обоимъ инстинктамъ. Онъ уступалъ до тѣхъ поръ, пока рука не прикоснулась къ нему, а затѣмъ началъ бороться, и его зубы мигомъ вонзились въ руку. Въ слѣдующее мгновеніе онъ получилъ ударъ кулакомъ по головѣ и свалился на бокъ. Тогда всякое желаніе бороться покинуло его. Его юность и инстинктъ повиновенія всецѣло овладѣли имъ. Онъ присѣлъ на заднія лапы и завизжалъ. Но человѣкъ, руку котораго онъ укусилъ, разозлился, и волчонокъ получилъ второй ударъ кулакомъ по головѣ и завизжалъ еще пронзительнѣе.

Четыре индѣйца еще громче расхохотались, и человекъ, укушенный волченкомъ, тоже разсмѣялся. Они окружили волченка и смѣялись, пока тотъ продолжалъ визжать отъ страха и боли. Но вотъ онъ услыхалъ что-то, и индѣйцы тоже услышали. Но волченокъ зналъ, что это, и, издавъ послѣдній, протяжный визгъ, прозвучавшій скорѣе торжествомъ, чѣмъ печалью, замолчалъ и сталъ ждать появленія своей матери—своей свирѣпой, непобѣдимой матери, которая дралась со всѣми живыми существами, убивала ихъ и ничего не боялась. Услыхавъ крикъ своего волченка, она спѣшила къ нему на выручку.

Волчица бросилась къ людямъ. Ея встревоженное, воинственное, материнское чувство дѣлало ее страшной. Но волченку эта ярость чрезвычайно нравилась. Онъ радостно закричалъ и бросился къ ней навстрѣчу, а люди поспѣшно отступили назадъ. Волчица стояла рядомъ съ волченкомъ и, оцетинивъ шерсть, яростно рычала на людей.

Но вдругъ одинъ человекъ съ удивленіемъ крикнулъ: «Кичъ!» и волченокъ почувствовалъ, какъ мать его вадрогнула при этомъ звукѣ.

«Кичъ!» крикнулъ снова человекъ, на этотъ разъ рѣзко и повелительно.

И тогда волченокъ увидѣлъ, что его мать, непобѣдимая, безстрашная мать, вдругъ прижалась къ землѣ и подползла къ людямъ, жалобно визжа, махая хвостомъ, всѣмъ своимъ видомъ выражая,

что она просить мира. Волченокъ ничего не понималъ. Онъ былъ пораженъ и снова почувствовалъ приливъ благоговѣнія къ человѣку. Инстинктъ не обманулъ его! Мать служила тому подтвержденіемъ. Она тоже выражала покорность животному-человѣку!

Человѣкъ, позвавшій ее, подошелъ къ ней. Онъ положилъ ей руку на голову, и она только еще ниже приникла къ землѣ. Она его не укусила и даже не грозила укусить. Другіе люди подошли къ ней, трогали и щупали ее своими лапами, и она не отгоняла ихъ. Они были очень возбуждены и производили много шума своими ртами. Въ этомъ шумѣ не было, однако, никакой угрозы, и волченокъ, прижавшись къ матери, лишь изрѣдка ошестинивался, хотя всячески старался сдерживаться.

— Въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго,—сказалъ индѣецъ.—Вѣдь ея отецъ былъ волкъ! Мать ея была собакой, но мой братъ на цѣлыхъ три ночи привязалъ ее весной въ лѣсу, поэтому отцомъ Кичи былъ волкъ.

— Но вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ она убѣжала, прошелъ цѣлый годъ! Не такъ ли, Сѣрый Боберъ?—сказалъ второй индѣецъ.

— Это неудивительно, Лососевый Языкъ,—отвѣтилъ Сѣрый Боберъ.—Въ то время у насъ былъ голодъ и для собакъ не было мяса.

— Она жила съ волками,—сказалъ третій индѣецъ.

— По всей вѣроятности, Три Орла,—отвѣтили Сѣрый Боберъ, положивъ руку на волченка.— И вотъ доказательство этого.—Волченокъ слегка зарычалъ, когда къ нему прикоснулась рука, но когда она поднялась, чтобъ нанести ему ударъ, онъ пересталъ рычать и покорно приникъ къ землѣ, а рука опустилась на него и стала чесать у него за ухомъ и гладить по спинѣ.

— И вотъ доказательство,—продолжалъ Сѣрый Боберъ.—Ясно, что мать его Кичъ, но отецъ волкъ. Поэтому въ немъ мало собачьяго, но много волчьяго. Такъ какъ его клыки бѣлы, то его именемъ будетъ Бѣлый Клыкъ. Я сказалъ. Онъ мой, ибо развѣ Кичъ не принадлежала моему брату? И развѣ мой братъ не умеръ?

Волченокъ, получившій такимъ образомъ имя, лежалъ и слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ. Иногда животныя-люди продолжали производить звуки своими ртами. Затѣмъ Сѣрый Боберъ вынулъ ножъ изъ ноженъ, висѣвшихъ у него на шеѣ, пошелъ въ кустарникъ и срѣзалъ палку. Бѣлый Клыкъ наблюдалъ за нимъ. Индѣецъ сдѣлалъ зазубрины на обоихъ концахъ палки и привязалъ къ нимъ ремни изъ невыдѣланной кожи. Одинъ ремень онъ обвязалъ вокругъ шеи Кичъ и, подведя ее къ молодой соснѣ, привязалъ къ дереву конецъ палки вторымъ ремнемъ.

Бѣлый Клыкъ пошелъ за ней и легъ рядомъ съ ней. Лососевый Языкъ протянулъ къ нему руку и перевернулъ его на спину. Кичъ съ тре-

вогой посмотрѣла на это, а Бѣлаго Клыка снова охватилъ страхъ. Онъ не могъ совершенно подавить рычаніе, но кусаться больше не пытался. Рука, сжимаемая и разжимаемая пальцы, стала гладить его по животу и перекачивать его изъ стороны въ сторону. Было неловко и смѣшно лежать на спинѣ съ торчащими вверхъ ногами. Къ тому же въ такомъ положеніи Бѣлый Клыкъ былъ совершенно безпомощенъ, и все его существо возмущалось противъ этого. Въ такомъ положеніи онъ совершенно не могъ защищаться. Если бы это животное-человѣкъ захотѣло его ударить, то Бѣлый Клыкъ зналъ, что онъ не въ состояніи былъ бы избѣжать этого удара. Какъ бы онъ могъ вскочить на ноги, когда онѣ болтались въ воздухѣ? Однако, покорность заставила его подавить свой страхъ, и онъ только тихонько рычалъ. Этого рычанія онъ, однако, не могъ подавить; но человѣкъ не разсердился на него за это и не ударилъ его по головѣ. Къ тому же, какъ это ни было странно, но Бѣлый Клыкъ испытывалъ какое-то необъяснимое удовольствіе, когда рука гладила его по шерсти. Когда его повернули на бокъ, онъ пересталъ рычать, а когда пальцы стали чесать у него за ухомъ, то пріятное ощущеніе еще усилилось. И когда, наконецъ, человѣкъ, погладивъ его въ послѣдній разъ, оставилъ его въ покоѣ и ушелъ, весь страхъ окончательно покинулъ Бѣлаго Клыка. Ему предстояло въ будущемъ еще не разъ испытать страхъ передъ

человѣкомъ. Но это было залогомъ тѣхъ дружескихъ отношеній съ человѣкомъ, которыя, въ концѣ концовъ, должны были установиться.

Нѣкоторое время спустя БѢЛЫЙ Клыкъ услышалъ приближающійся шумъ. Онъ быстро опредѣлилъ его, какъ шумъ, производимый животнымъ-человѣкомъ. Вскорѣ подошла остальная часть племени, бывшая въ пути. Тамъ было еще много мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей—всѣхъ было около сорока душъ, и всѣ они были тяжело нагружены лагерными принадлежностями. И собакъ тоже было много, и онѣ тоже, за исключеніемъ щенятъ, были нагружены поклажей. На спинѣ у каждой собаки былъ привязанъ мѣшокъ отъ двадцати до тридцати фунтовъ вѣсомъ.

БѢЛЫЙ Клыкъ никогда раньше не видалъ собакъ, и при видѣ ихъ почувствовалъ, что онѣ одной съ нимъ породы, только какъ-то отличаются отъ него. Но когда онѣ замѣтили волченка и его мать, то поведеніе ихъ мало отличалось отъ поведенія волковъ. Онѣ сразу бросились на нихъ. БѢЛЫЙ Клыкъ, оцетинившись, рычалъ и бросался на разъяренную стаю собакъ. Онъ былъ сбить съ ногъ и чувствовалъ, какъ острые зубы впиваются въ его тѣло. И онъ самъ тоже хваталъ собакъ зубами за ноги и за животы. Поднялся невообразимый гамъ. Онъ слышалъ ворчаніе Кичъ, дравшейся за него, а также крики людей, звукъ палочныхъ ударовъ и взвизгиваніе собакъ, по которымъ попадали эти удары.

Прошло только нѣсколько секундъ, и онъ снова былъ на ногахъ. Онъ видѣлъ, что люди отгоняли собакъ палками и камнями, защищая его и спасая его отъ зубовъ его собратій, которые чѣмъ-то отличались отъ него. И, хотя у него не было разума, чтобы составить себѣ ясное понятіе о такой абстрактной вещи, какъ справедливость, однако, онъ по своему понялъ, что люди справедливы, а также, что они были законодатели и исполнители закона. И онъ оцѣнилъ также силу, съ которой они заставляли исполнять законъ. Они не кусались и не царапались, какъ всѣ тѣ животныя, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, но передавали свою живую силу съ помощью неодушевленныхъ предметовъ. Предметы исполняли ихъ волю. Камни и палки, направленные этими странными существами, летѣли по воздуху, какъ живые, нанося очень чувствительные удары собакамъ.

Волченку эта сила казалась необыкновенной, непонятной и неестественной—божественной. Бѣлый Клыкъ по самой своей природѣ не могъ внять, что такое божество; самое большее, что онъ могъ понять, это то, что это выходило за предѣлы естественнаго. Но изумленіе и благоговѣніе, съ которыми онъ смотрѣлъ на дѣйствія людей, походило на тѣ, которыя испытывалъ бы чело-вѣкъ при видѣ небснаго существа, мечущаго съ вершины горы огненныя молніи на удивленный міръ.

Но вотъ огогнали собакъ. Шумъ затихъ, и

БѢЛЫЙ Клыкъ, зализывая свои раны, размышлялъ о своей первой встрѣчѣ съ собачьей стаей и о ея жестокости. Ему никогда и въ голову не приходило, что существуютъ еще другіе представители его породы помимо его самого, его матери и Одноглазаго. Они составляли совершенно отдѣльную группу, и вдругъ теперь оказывалось, что существовало еще много существъ, похожихъ на нихъ. И ему было какъ-то неприятно, что эти животныя его же породы, при первой же встрѣчѣ, такъ злобно набросились на него, стараясь его уничтожить. Точно также ему было неприятно, что его мать привязали къ палкѣ, хотя это и сдѣлалъ побѣдитель всѣхъ животныхъ—человѣкъ. Это походило на капканъ или на узы неволи, хотя ни о томъ, ни о другомъ онъ не имѣлъ еще понятія. Свобода движенія была врождена ему, а здѣсь онъ чувствовалъ, что она была стѣснена. Движенія его матери были ограничены длиною палки которой она была привязана, а это ограничивало и его собственные движенія, такъ какъ онъ еще не научился обходиться безъ своей матери.

Все это ему не нравилось. Не понравилось ему и то, что когда люди поднялись, чтобъ продолжать свой путь, то крохотный человѣчекъ взялъ за свободный конецъ палку и повелъ за собой Кичъ, за которой послѣдовалъ и БѢЛЫЙ Клыкъ, очень встревоженный и огорченный этимъ новымъ приключеніемъ.

Они спустились внизѣ по рѣчной долинѣ, гораздо дальше тѣхъ мѣстъ, гдѣ бывалъ Бѣлый Клыкъ, и дошли до конца долины, гдѣ рѣчка впадаетъ въ рѣку Маккэнзи. Здѣсь нашли лодки, высоко укрѣпленныя на подпорахъ въ воздухѣ, и рѣшетки для сушки рыбы, и разбили лагерь. Бѣлый Клыкъ смотрѣлъ на все удивленными глазами. Могущество человѣческаго рода увеличилось съ каждымъ мгновениемъ. Онъ уже видѣлъ, какъ они распоряжались всѣми этими зубастыми собаками. Ужъ въ этомъ была видна ихъ сила. Но что больше всего поражало волченка, такъ это способность людей распоряжаться неодушевленными предметами; ихъ умѣнье сообщать имъ движенье, ихъ способность измѣнять видъ земной поверхности.

Эта послѣдняя способность его больше всего изумляла. Онъ съ самаго начала замѣтилъ, какъ втыкали въ землю шесты, составлявшіе остовы юртъ. Но это само по себѣ еще не было замѣчательно, такъ какъ дѣлалось тѣми самыми существами, которыя могли бросать палки и камни на большое разстояніе. Но когда эти остовы изъ шестовъ были покрыты шкурами и превратились въ юрты, Бѣлый Клыкъ былъ окончательно пораженъ. По своимъ размѣрамъ юрты казались ему колоссальными. Онѣ вырастали вокругъ него всѣхъ сторонъ, какъ огромныя, невѣдомыя ему живыя существа, и занимали почти все его поле арбінія. Онъ боялся ихъ. Онѣ зловѣще возвыша-

лись надъ нимъ, и когда вѣтеръ колыхалъ ихъ, волченокъ ежился отъ страху, не спуская съ нихъ глазъ и готовый отскочить, если онѣ попытаются броситься на него.

Но скоро страхъ его къ юртамъ исчезъ. Онъ видѣлъ, какъ въ нихъ входили и выходили женщины и дѣти безъ всякаго для себя вреда, и какъ туда пытались проникнуть собаки, при чемъ ихъ каждый разъ выгоняли ругательствами и камнями. Нѣкоторое время спустя, онъ отошелъ отъ Кичъ и осторожно подползъ къ стѣнѣ ближайшей юрты. Его толкало любопытство, которое росло вмѣстѣ съ возрастомъ, и необходимость учиться и пріобрѣтать жизненный опытъ. Послѣдніе нѣсколько дюймовъ онъ проползъ особенно медленно и осторожно. Событія дня подготовили его ко всему неожиданному и необыкновенному. Наконецъ, онъ дотронулся носомъ до ткани, покрывавшей юрту, и замеръ въ ожиданіи; ничего не случилось. Тогда онъ тщательно обнюхалъ эту странную ткань, пропитанную человѣческимъ запахомъ, и легонько схватилъ ее зубами и потянулъ. Опять ничего не случилось, только ближайшая часть юрты пришла въ движеніе. Онъ потянулъ сильнѣе. Движеніе усилилось. Ему это очень понравилось, и онъ сталъ тянуть все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, наконецъ, вся юрта затрепетала. Вдругъ изнутри раздался рѣзкій окрикъ индіанки, и волченокъ стремглавъ бросился бѣжать къ Кичъ. Но съ этого дня онъ уже больше не боялся огромныхъ юртъ.

Минуту спустя онъ снова покинулъ мать. Ея палка была привязана къ воткнутому въ землю колу, и она не могла послѣдовать за сыномъ. Къ нему приближался довольно большой щенокъ и старше и больше него. Онъ подходилъ къ нему съ явными воинственными намѣреніями. Щенка звали Липъ-Липъ, какъ это потомъ узналъ Бѣлый Клыкъ. Онъ уже участвовалъ во многихъ битвахъ со своими собратьями и считался большимъ забіякой.

Липъ-Липъ былъ одной породы съ Бѣлымъ Клыкомъ, и, такъ какъ былъ еще щенкомъ, то не казался опаснымъ, и Бѣлый Клыкъ приготовился встрѣтить его радушно. Но когда походка незнакомца стала осторожной и зубы его оскалились, Бѣлый Клыкъ тоже насторожился и тоже оскалилъ зубы. Они кружились другъ около друга, рыча и ероша шерсть. Это продолжалось нѣсколько минутъ, и Бѣлому Клыку начинала нравиться такая игра; но Липъ-Липъ вдругъ съ необыкновенной быстротой подскочилъ, куснулъ волченка и отскочилъ назадъ. Его укусъ пришелся въ то самое плечо, которое поранила рысь и которое еще болѣло. Неожиданность и боль заставили Бѣлаго Клыка завизжать, но въ слѣдующій моментъ онъ съ яростью набросился на Липъ-Липа и тоже злобно сталъ кусать его.

Но Липъ-Липъ всю жизнь провелъ въ лагерьѣ и часто дрался съ щенятами. Три, четыре, шесть разъ его острые маленькіе зубы вцѣплялись въ

новаго пришельца; и, наконецъ, Бѣлый Клыкъ, визжа отъ боли, позорно убѣжалъ подъ защиту своей матери. Это была первая изъ многочисленныхъ битвъ, которыя ему пришлось вести съ Липъ-Липомъ; они съ перваго же дня стали врагами, ибо, по природѣ своей, они должны были всегда бороться другъ съ другомъ.

Кичъ ласково облизала Бѣлаго Клыка и пыталась убѣдить его остаться съ ней; но его любопытство было ненасытно, и нѣсколько минутъ спустя онъ отправился на новыя развѣдки. На этотъ разъ онъ наткнулся на человѣка, котораго звали Сѣрымъ Бобромъ. Тотъ сидѣлъ на корточкахъ и что-то дѣлалъ съ палками и сухимъ мхомъ, разложеннымъ передъ нимъ на землѣ. Бѣлый Клыкъ подошелъ ближе къ нему и сталъ наблюдать. Сѣрый Боберъ произвелъ какіе-то звуки ртомъ, и Бѣлый Клыкъ, рѣшивъ, что, они не враждебны, подошелъ еще ближе.

Женщины и дѣти приносили Сѣрому Бобру все новыя и новыя палки и вѣтви. Повидимому онъ дѣлалъ какое-то важное дѣло. Бѣлый Клыкъ подошелъ такъ близко, что дотронулся до колѣна Сѣраго Бобра, и любопытство его было такъ сильно, что онъ совершенно забылъ, что передъ нимъ было страшное животное-человѣкъ. Вдругъ онъ увидалъ что-то странное, похожее на туманъ и поднимающееся изъ палокъ и мха, собранныхъ въ кучу передъ Сѣрымъ Бобромъ. Затѣмъ между палками появилось что-то живое, трепещущееся

и извивающееся, и такого же цвѣта, какъ солнце на небѣ. Бѣлый Клыкъ ничего не зналъ объ огнѣ. И огонь притягивалъ его къ себѣ, какъ нѣкогда притягивалъ его свѣтъ у входа въ пещеру. Онъ подползъ еще ближе къ огню и услышалъ, какъ Сѣрый Боберъ расхохотался. Но онъ снова понялъ, что этотъ звукъ не враждебный; тогда онъ коснулся мордой пламени и лизнулъ его своимъ маленькимъ язычкомъ.

На мгновение онъ остолбенѣлъ. Незвѣстное, скрывавшееся между мхомъ и палками, вдругъ схватило его за носъ. Онъ отскочилъ и разразился дикимъ визгомъ. Услыша этотъ визгъ, Кичъ стала прыгать и рычать, приходя въ ярость оттого, что не можетъ оторваться и побѣжать къ нему на помощь. Но Сѣрый Боберъ громко захохоталъ, хлопая себя по бедрамъ, и сталъ рассказывать объ этомъ происшествіи всему лагерю; поднялся общій хохотъ. А Бѣлый Клыкъ сидѣлъ на заднихъ лапахъ и визжалъ, визжалъ безъ конца...

Никогда еще ему не было такъ больно. Его носъ и языкъ были укушены той живой вещью, похожей на солнце, которая выросла изъ-подъ рукъ Сѣраго Бобра. Волченокъ плакалъ безъ конца, и каждый его крикъ люди встрѣчали новымъ взрывомъ смѣха. Онъ попробовалъ утишить боль лизнувъ носъ языкомъ. Но такъ какъ языкъ тоже былъ обожженъ, то прикосновение его къ обожженному носу вызывало еще большую боль. И онъ кричалъ все жалобнѣе и безнадежнѣе.

Но затѣмъ ему стало стыдно. Онъ понялъ, что означалъ этотъ смѣхъ. Мы не знаемъ, какимъ образомъ нѣкоторыя животныя понимаютъ что такое смѣхъ и знаютъ, когда надъ ними смѣются. Но БѢЛЫЙ Клыкъ понималъ это и ему было стыдно, что люди надъ нимъ смѣются. Онъ повернулся и убѣжалъ, но не потому что обжегся, а потому, что его оскорблялъ смѣхъ людей. И онъ побѣжалъ къ Кичъ, яростно рвавшейся къ нему навстрѣчу, къ Кичъ, которая одна только не смѣялась надъ нимъ...

Наступили сумерки и затѣмъ ночь, но БѢЛЫЙ Клыкъ не отходилъ отъ матери. Его носъ и языкъ еще болѣли, но его беспокоило другое, болѣе неприятное чувство. Его охватила тоска по родному логовищу. Онъ чувствовалъ какую-то пустоту и стремленіе къ тишинѣ и покою пещеры. Жизнь стала слишкомъ шумной. Тутъ было такъ много людей—мужчинъ, женщинъ и дѣтей—и всѣ они шумѣли и раздражали его. И собаки все время дрались и грызлись, и по временамъ поднимали отчаянный шумъ. Покойное одиночество прежней жизни исчезло. Здѣсь въ самомъ воздухѣ трепетала и непрерывно жужжала жизнь. Звуки эти постоянно мѣняли свою интенсивность и были очень разнообразны, и это дѣйствовало на нервы волченка. Онъ становился беспокойнымъ и напряженно ждалъ какой-нибудь неожиданности.

Онъ наблюдалъ, какъ животныя-люди ходили

взадъ и впередъ по лагерю. Какъ люди смотрять на боговъ, которыхъ они сами создаютъ, такъ Бѣлый Клыкъ смотрѣлъ на людей. Они были для него высшими существами, почти богами. Его смутному сознанию они представлялись такими же чудотворцами, какъ боги представляются людямъ. Это были существа съ неограниченной властью, обладатели всякихъ потенциальныхъ возможностей. Они были повелителями всей живой твари; они двигались и сообщали движеніе всему тому, что не двигалось, и извлекали жизнь жгучую, подобную солнцу, изъ сѹхого мха и изъ сучьевъ. Они творили огонь! Они были боги!

ГЛАВА II.

Н е в о л я.

Для Бѣлаго Клыка потекли дни, полные приключеній. Пока его мать была привязана къ дереву, онъ бѣгалъ по всему лагерю, все осматривая и изучая и набираясь опыта. Онъ быстро узнавалъ многія привычки людей, но это не вызвало въ немъ презрѣнія къ людямъ. Чѣмъ больше онъ узнавалъ ихъ и чѣмъ больше познавалъ ихъ таинственное могущество, тѣмъ больше они казались ему подобными богамъ.

Людамъ свойственно страдать, когда ихъ боги бываютъ свержены и алтари разбиты. Но этого никогда не бываетъ съ волками и дикими собаками, посидѣвшими у ногъ человѣка. Въ противоположность человѣку, боги котораго невидимы и только угадываемы, будучи туманными образами воображенія, не облеченными въ реальную оболочку,—волкъ и дикая собака, подойдя къ костру, находятъ своихъ боговъ живыми, осязаемыми, занимающими опредѣленное мѣсто и нуждающимися во времени для того, чтобы исполнить свое назначеніе. Чтобы увѣровать въ такого

бога не нужно никакихъ усилій, и, наоборотъ, никакими усиліями воли нельзя заставить себя не вѣрить въ него. Отъ него нельзя отойти. Вотъ онъ стоитъ на своихъ двухъ ногахъ съ палкой въ рукѣ, со всѣми своими тысячами возможностей, вспыльчивый, гнѣвный и любящій; и вся эта божественность—тайна и власть—облечена живымъ тѣломъ, изъ котораго течетъ кровь, когда его разорвутъ, и которое пріятно ѣсть, какъ всякое другое мясо. То же самое думалъ и Бѣлый Клыкъ. Люди-животныя несомнѣнно были богами. И такъ же, какъ его мать Кичъ изъявила имъ покорность, какъ только они назвали ее по имени, такъ и онъ сталъ изъявлять имъ покорность. Онъ уступалъ имъ дорогу. Когда они звали его, онъ шелъ къ нимъ; когда они грозили, онъ униженно ползалъ по землѣ; когда они его гнали, онъ поспѣшно уходилъ, ибо за всѣми ихъ желаніями была власть и была возможность привести ихъ въ исполненіе посредствомъ ударовъ палки и кулака, летящихъ камней и хлестанья кнутомъ.

Бѣлый Клыкъ принадлежалъ имъ, какъ и всѣ собаки. Они могли повелѣвать имъ; они могли мучить, терзать и бить его тѣло. Это волченокъ очень скоро узналъ; но ему было трудно примириться съ этимъ, ибо у него самого былъ сильный и властный нравъ. Но, въ концѣ концовъ, онъ не только примирился, но это даже стало ему нравиться. Ему нравилось отдавать свою судьбу въ чужія руки, и, такимъ образомъ, снимать съ

себя всякую отвѣтственность. Это ужь одно служило ему утѣшеніемъ, ибо всегда легче опираться на другого, чѣмъ рассчитывать исключительно на свои собственныя силы.

Но все это случилось не сразу; въ одинъ день онъ не могъ отдаться людямъ тѣломъ и душой. Онъ не могъ сразу забыть свою наслѣдственную привязанность къ Пустынѣ. Бывали дни, когда онъ подползалъ къ опушкѣ лѣса и стоялъ тамъ, прислушиваясь къ таинственнымъ голосамъ, звавшимъ его въ чащу. И всегда въ такихъ случаяхъ онъ возвращался безпокойный и разстроенный и, тихо, жалобно визжа, ложился рядомъ съ Кичъ, быстрыми движеніями облизывая ее морду, какъ будто вопрошая ее.

БѢЛЫЙ Клыкъ скоро изучилъ всѣ нравы лагеря. Онъ узналъ жадность и несправедливость старшихъ собакъ, когда имъ бросали мясо или рыбу. Онъ быстро узналъ, что мужчины справедливы, дѣти жестоки, а женщины добры и скорѣе могутъ бросить ему кусокъ мяса или кость. И, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ матерями подрастающихъ щенятъ, онъ пришелъ къ заключенію, что лучше всего оставлять матерей въ покоѣ и держаться отъ нихъ какъ можно дальше, скрываясь при ихъ приближеніи.

Но отравой его жизни былъ все-таки Липъ-Липъ. Будучи старше, больше и сильнѣе, Липъ-Липъ избралъ БѢлаго Клыка объектомъ своихъ нападеній. БѢЛЫЙ Клыкъ дрался охотно, но всегда

терпѣль пораженіе. Его врагъ былъ слишкомъ великъ и, въ концѣ концовъ, Липъ-Липъ сталъ его кошмаромъ. Каждый разъ, когда волченокъ отходилъ отъ матери, забіяка былъ тутъ какъ тутъ; онъ преслѣдовалъ его по пятамъ, рычалъ на него, хваталъ его зубами и, выждавъ случая, когда близко не было людей, бросался на него и втягивалъ его въ драку. Такъ какъ Липъ-Липъ неизмѣнно побѣждалъ, то, естественно, что драки эти ему очень нравились. Онѣ стали главнымъ наслажденіемъ его жизни, точно также, какъ для Бѣлаго Клыка онѣ стали самымъ большимъ мученіемъ. Но все это на Бѣлаго Клыка не имѣло умиряющаго дѣйствія. Хотя онъ всегда терпѣль пораженіе и часто бывалъ израненъ, однако, духъ его оставался неукротимымъ. Но дурныя послѣдствія все-таки были: онъ сталъ озлобленъ и мраченъ. Онъ былъ золъ отъ рожденія, но это вѣчное преслѣдованіе озлобило его еще больше. Веселымъ, игривымъ и дѣтскимъ чертамъ его характера не было возможности развиться. Онъ никогда не игралъ и не прыгалъ съ другими щенятами; Липъ-Липъ этого не допустилъ бы. Лишь только Бѣлый Клыкъ появлялся среди щенятъ, какъ Липъ-Липъ накидывался на него и прогонялъ его. Послѣдствіемъ всего этого было то, что Бѣлый Клыкъ потерялъ почти всѣ свои дѣтскія черты и сталъ казаться старше своего возраста. Но онъ ушелъ въ себя и сталъ развиваться умственно, такъ какъ у него было много времени, чтобы об-

думывать всё свои продѣлки. Въ немъ развилась хищность. Не имѣя возможности получить свою порцію мяса и рыбы во время общей кормежки собакъ, онъ сдѣлался ловкимъ воромъ. Онъ долженъ былъ самъ промыслять для себя, и промыслялъ очень хорошо, но вслѣдствіи этого сталъ настоящимъ бичемъ для индіанокъ. Онъ научился крадучись обходить весь лагерь, чтобы узнавать все, что кругомъ происходитъ, все видѣть и все слышать, и сообразно съ этимъ поступать; а также удачно выдумывать, какъ бы избѣжать встрѣчи со своимъ непримиримымъ врагомъ.

Еще въ самомъ началѣ борьбы съ врагомъ онъ удачно подвелъ его и впервые узналъ всю сладость мести. Какъ когда-то Кичъ, будучи въ стаѣ волковъ, заманивала собакъ изъ лагеря людей, такъ точно и Бѣлый Клыкъ заманилъ Липъ-Липа прямо въ пасть Кичи. Убѣгая отъ Липъ-Липа, Бѣлый Клыкъ не бѣжалъ прямо, а шнырялъ между палатками. Онъ бѣгалъ хорошо, быстрѣе другихъ щенятъ его возраста и быстрѣе Липъ-Липа. Но на этотъ разъ онъ не слѣшилъ и держался только на одинъ корпусъ впереди своего врага.

Липъ-Липъ, возбужденный погоней и близостью своей жертвы, забылъ осторожность и не обращалъ вниманія на мѣстность, по которой онъ бѣжалъ; а когда вспомнилъ, то было уже поздно. Обѣжавъ вокругъ палатки, онъ съ разгону наткнулся на Кичъ, привязанную къ палкѣ. Онъ завизжалъ отъ страха, но ея челюсти уже сомкну-

лись. Хотя она была привязана, ему, однако, нелегко было отъ нея убѣжать. Она сбила его съ ногъ и нѣсколько разъ кусала и разрывала его кожу своими клыками.

Когда, наконецъ, ему удалось вырваться отъ нея, онъ отползъ весь взъерошенный и израненный тѣломъ и душой. Шерсть его торчала пучками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его укусила волчица. Онъ остановился, поднялся на ноги, открылъ ротъ и издалъ протяжный, жалобный щенячій визгъ. Но тутъ Бѣлый Клыкъ бросился на него сзади и вцѣпился зубами въ его заднюю ногу. Воинственность совершенно покинула Липъ-Липа и онъ постыдно пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, а по его пятамъ бѣжала его жертва, кусая его, пока онъ, наконецъ, не добѣжалъ до своей палатки. Здѣсь на выручку къ нему явились индіанки, и Бѣлаго Клыка, превратившагося въ яростнаго демона, удалось прогнать только камнями.

Насталъ день, когда Сѣрый Боберъ рѣшилъ, что Кичъ больше не убѣжитъ, и отвязалъ ее. Бѣлый Клыкъ пришелъ въ восторгъ, увидя свою мать свободной. Онъ радостно сопровождалъ ее по всему лагерю; и, пока онъ былъ съ ней, Липъ-Липъ держался на почтительномъ разстояніи. Бѣлый Клыкъ даже ощетинивался и подходилъ къ нему съ вызывающимъ видомъ, но Липъ-Липъ не принималъ вызова. Онъ самъ былъ не дуракъ и, какъ ни жаждалъ мести, рѣшилъ подождать, пока поймаетъ Бѣлаго Клыка одного.

Въ тотъ же день Кичь и БѢлый Клыкъ дошли до опушки лѣса, находившагося невдалекѣ отъ лагеря. БѢлый Клыкъ увелъ туда мать шагъ за шагомъ, и теперь, когда она остановилась, онъ пытался завлечь ее дальше. Ручей, берлога и спокойные лѣса манили его къ себѣ. Онъ отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ, остановился и оглянулся. Но она не двигалась. Онъ умоляюще завылъ и игриво сталъ бѣгать по кустамъ. Затѣмъ подбѣжалъ къ ней, лизнулъ ее въ морду, и опять побѣжалъ впередъ. Однако, она не двигалась. Онъ остановился, и пристально, настойчиво взглянулъ на нее. Но взоръ его медленно погасъ, когда волчица оглянулась и посмотрѣла на лагерь.

То, что манило его въ лѣсъ, манило и волчицу; но она слышала и другой, болѣе громкій призывъ: призывъ человѣка и огня; призывъ, которому изъ всѣхъ животныхъ дано внимать только волку—волку и дикой собакѣ, ибо они братья.

Кичь повернула и медленно побѣжала обратно въ лагерь. Обаяніе лагеря было сильнѣе, чѣмъ физическая привязь. Невидимыми и невѣдомыми путями боги овладѣли ею, и она не могла уйти. БѢлый Клыкъ сидѣлъ подъ березой и жалобно повизгивалъ. Въ воздухѣ носился сильный запахъ сосны и другіе лѣсные запахи, которые напоминали ему объ его прежней свободной жизни, до неволи. Но онъ былъ еще щенкомъ, и сильнѣе призыва человѣка и Пустыни былъ призывъ его матери. До сихъ поръ онъ всегда зависѣлъ отъ

нея. Время для независимости еще не пришло, поэтому онъ всталъ и грустно поплелся въ лагерь, изрѣдка присѣдая, чтобы поплакать и послушать призывъ лѣса.

Въ Пустынѣ время, которое мать проводить со своимъ щенкомъ, очень короткое, но подъ владычествомъ человѣка оно еще короче. Такъ было и съ Бѣлымъ Клыкомъ. Сѣрый Боберъ былъ въ долгу у Три Орла, а Три Орла уходилъ на Большое Невольничье Озеро вверхъ по рѣкѣ Макэнзи. Въ уплату долга пошли: кусокъ краснаго сукна, медвѣжья шкура, двадцать патроновъ и Кичъ. Бѣлый Клыкъ увидалъ, какъ его мать посадили въ лодку Три Орла, и пытался послѣдовать за нею. Но Три Орла ударилъ его, и онъ полетѣлъ обратно на берегъ. Лодка отчалила. Тогда онъ бросился въ воду и поплылъ за ней, не обращая вниманія на крики Сѣраго Бобра. Онъ даже не послушался человѣка бога—такой его охватилъ ужасъ при перспективѣ потерять мать.

Но боги привыкли, чтобъ имъ повиновались, и Сѣрый Боберъ сердито спустилъ на воду лодку и поплылъ вдогонку за нимъ. Когда онъ нагналъ Бѣлаго Клыка, онъ протянулъ руку въ воду и вытащилъ его за шиворотъ изъ воды. Но онъ не тотчасъ же положилъ его на дно лодки. Держа его одной рукой въ воздухѣ, онъ другой задалъ ему хорошую трепку. И это была настоящая трепка! Рука у индѣйца была тяжелая, каждый ударъ былъ хорошо рассчитанъ, и удары эти сыпались со всѣхъ сторонъ...

Подъ этимъ градомъ ударовъ БѢЛЫЙ Клыкъ раскачивался то назадъ, то впередъ, какъ ошалѣвшій маятникъ. При этомъ онъ испыталь самыя разнообразныя ощущенія. Сначала онъ изумился, потомъ испугался и нѣсколько разъ принимался визжать. Но вскорѣ страхъ смѣнился злостью. Сказалась его свободолюбивая природа, и онъ оскаливалъ зубы и безстрашно рычалъ прямо въ лицо гнѣвнаго божества. Божество еще больше разгнѣвалось, удары посыпались чаще, тяжелѣе и больнѣе.

СѢРЫЙ Боберъ продолжалъ бить, БѢЛЫЙ Клыкъ продолжалъ рычать. Но это не могло продолжаться вѣчно. Кто-нибудь долженъ былъ уступить. И уступилъ БѢЛЫЙ Клыкъ. Страхъ снова овладѣлъ имъ, ибо съ нимъ впервые такъ жестоко расправлялись. Случайные удары палками и камнями, которые онъ испыталь раньше, казались ему ласками въ сравненіи съ этими. Онъ, наконецъ, смирился и началъ кричать и вопить. Сперва каждый ударъ вызывалъ у него пискъ, но скоро страхъ перешелъ въ ужасъ, и визгливые крики превратились въ непрерывный вой, уже не падавшій въ тактъ ударамъ.

Наконецъ, СѢРЫЙ Боберъ пересталъ его бить. БѢЛЫЙ Клыкъ, вися въ воздухѣ, продолжалъ кричать. Это, повидимому, удовлетворило его хозяина, и онъ швырнулъ его на дно лодки. Тѣмъ временемъ лодка уносилась внизъ по теченію. СѢРЫЙ Боберъ поднялъ весло, но БѢЛЫЙ Клыкъ оказался у него на дорогѣ, и онъ толкнулъ

его ногой. Въ этотъ моментъ свободолюбивая природа Бѣлаго Клыка снова проявилась въ немъ, и онъ впился зубами въ ногу, обутую въ мокассы.

Трепка, которую онъ получилъ передъ тѣмъ, была ничто въ сравненіи съ той, которую онъ получилъ теперь. Гнѣвъ Сѣраго Бобра былъ ужасенъ, и таковъ же былъ страхъ Бѣлаго Клыка. Теперь его били уже не рукой, а твердымъ деревяннымъ весломъ, и когда его снова бросили на дно лодки, то на всемъ его маленькомъ тѣлѣ не было живого мѣста. И опять, на этотъ разъ нарочно, Сѣрый Бобръ толкнулъ его ногой, но Бѣлый Клыкъ не повторилъ своего нападенія. Онъ усвоилъ теперь другой урокъ: никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, нельзя кусать бога, своего хозяина и повелителя. Тѣло хозяина и повелителя было священо, и зубы такихъ какъ онъ не должны осквернять его. Это, очевидно, было преступленіемъ изъ преступленій, для котораго не было ни снисхожденія, ни прощенія.

Когда лодка уткнулась въ берегъ, Бѣлый Клыкъ лежалъ безъ движенія на днѣ ея, визжа и ожидая приказанія Сѣраго Бобра. И Сѣрый Бобръ пожелалъ, чтобъ онъ вышелъ на берегъ, ибо онъ швырнулъ его на землю и волченокъ упалъ на бокъ, опять больно ударившись своимъ избитымъ тѣломъ. Онъ, дрожа, поднялся на ноги, стоялъ и визжалъ. Липъ-Липъ, слѣдившій за всѣмъ происшествіемъ съ берега, теперь кинулся на него, сбиль его съ ногъ и вонзилъ въ него свои зубы.

БѢЛЫЙ Клыкъ былъ слишкомъ слабъ, чтобъ защищаться, и ему пришлось бы плохо, если бы СѢРЫЙ Боберъ не отшвырнулъ Линь-Липа ногой такъ сильно, что тотъ поднялся въ воздухъ а затѣмъ шлепнулся на землю футовъ въ двѣнадцати отъ БѢлаго Клыка. Это была человѣческая справедливость и, несмотря на свое жалкое состояніе, БѢЛЫЙ Клыкъ почувствовалъ благодарность. Слѣдуя по пятамъ за СѢРЫМЪ Бобромъ, онъ прошелъ черезъ весь поселокъ до его палатки. И вотъ, такимъ образомъ, БѢЛЫЙ Клыкъ узналъ что право наказывать боги оставили за собою и не позволяютъ пользоваться имъ низшимъ существамъ.

Въ ту же ночь, когда все стихло, БѢЛЫЙ Клыкъ вспомнилъ о своей матери и ему стало очень грустно. Но онъ выражалъ свою грусть слишкомъ громко и разбудилъ СѢРАГО БОБРА, который снова побилъ его. Послѣ этого, въ присутствіи боговъ онъ грустилъ потихоньку; но иногда, выйдя на опушку лѣса, онъ вволю предавался своему горю и громко кричалъ и вылъ.

Во время этого періода, онъ могъ бы отдаться голосу, звавшему его обратно въ Пустыню, но память о матери удерживала его. Какъ животныя люди отправлялись на охоту и снова возвращались, такъ и она могла когда-нибудь вернуться въ деревню. Поэтому онъ оставался въ неволѣ, поджидая ее.

Но въ неволѣ онъ не былъ окончательно несчастливъ. Тамъ было много, что интересовало

его, и всегда что-нибудь происходило. Не было конца страннымъ вещамъ, которыя дѣлали эти боги, а онъ былъ очень любопытенъ. Кромѣ того, онъ научился ладить съ Сѣрымъ Бобромъ. Отъ него требовалось послушаніе самое строгое и неукоснительное. И, когда онъ исполнялъ эти требованія, его не били, и жизнь его была довольно сносная. А иногда Сѣрый Боберъ самъ бросалъ ему кусокъ мяса и не позволялъ другимъ собакамъ мѣшать ему ѣсть. А такой кусокъ мяса былъ очень цѣненъ. Онъ почему-то былъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ всѣ куски мяса, получаемые имъ отъ жены индѣйца. Сѣрый Боберъ никогда его не гладилъ и не ласкалъ. Можетъ быть его тяжелая рука, или справедливость, или его могущество, а можетъ быть все это вмѣстѣ дѣйствовало на Бѣлаго Клыка, ибо у него, безусловно, была привязанность къ его строгому хозяину.

Незамѣтными, непонятными путями, точно такъ же, какъ и камнями, палками и ударами кулака, узы неволи Бѣлаго Клыка становились все прочнѣе. Тѣ свойства его породы, которыя издавна заставляли волковъ подходить къ кострамъ, быстро развились въ Бѣломъ Клыкѣ, и жизнь лагеря, какъ она ни была непріятна, незамѣтно становилась все милѣе для него. Но Бѣлый Клыкъ не подозрѣвалъ этого. Онъ чувствовалъ только тоску по Кичъ, надежду на ея возвращеніе и стремленіе къ прежней свободной жизни.

ГЛАВА III.

Отверженный.

Липъ-Липъ продолжалъ отравлять жизнь Бѣлому Клыку, и тотъ сталъ злѣе и свирѣпѣе, чѣмъ полагалось. Даже среди людей онъ приобрѣлъ репутацію необыкновенно злой собаки. Каждый разъ, когда происходила драка и грызня, когда женщина кричала, обнаруживъ пропажу мяса, всѣ были увѣрены, что въ этомъ замѣшанъ Бѣлый Клыкъ, что онъ является душой этого происшествія. Люди не старались понять причинъ его поведенія. Они видѣли только слѣдствія ихъ, а слѣдствія были дурны. Онъ, по ихъ мнѣнію, былъ воръ, забіяка и драчунъ. И раздраженные женщины постоянно ругали его, говорили, что онъ волкъ, что онъ ни на что не годенъ и что онъ дурно кончить.

Онъ оказался отверженцемъ лагеря. Всѣ молодые собаки слѣдовали за Липъ-Липомъ. Между ними и Бѣлымъ Клыкомъ была какая-то разница. Можетъ быть онѣ чужали его дикую породу и чувствовали къ нему ту неприязнь, которую собака всегда питаетъ къ волку. Какъ бы то ни было, онѣ,

подобно Липъ-Липу, стали его преслѣдовать, объявили ему войну. Всѣ онѣ, до одной, познакомились съ его зубами. И, нужно отдать ему справедливость, онѣ наносилъ имъ больше ранъ, чѣмъ онѣ ему. Многихъ изъ нихъ онѣ могъ побѣдить въ единоборствѣ. Но это ему никогда не удавалось сдѣлать, ибо, лишь только завязывалась драка, какъ на выручку своей товарки сбѣгались вся молодья собаки. Благодаря преслѣдованію собакъ, Бѣлый Клыкъ выучился двумъ важнымъ вещамъ: защищаться противъ всей стаи, и наносить въ кратчайшій срокъ наибольшее количество ранъ. Чтобы сохранить жизнь среди враждебной стаи, нужно было крѣпко держаться на ногахъ, и этому онѣ научился въ совершенствѣ. Въ своемъ умѣніи держаться на ногахъ онѣ сталъ походить на кошку. Даже при натискѣ взрослыхъ собакъ, онѣ только подавался, въ ту сторону, куда его отгѣсняли, но всегда оставался на ногахъ.

Когда собаки начинаютъ драться, онѣ, предварительно, рычатъ, ерошатъ шерсть и особеннымъ образомъ подскакиваютъ другъ къ другу. Но Бѣлый Клыкъ выучился обходиться безъ этихъ предварительныхъ дѣйствій. Всякое промедленіе вело лишь къ тому, что сбѣгалась вся стая; и онѣ научился не предупреждать о своемъ намѣреніи. Онѣ бросался, кусался и ранилъ въ одно мгновеніе, безъ всякаго предупрежденія, прежде чѣмъ врагъ могъ приготовиться къ защитѣ. Такимъ образомъ, онѣ научился наносить быстрыя

и сильныя пораненія. Онъ понялъ также цѣну неожиданныхъ ударовъ. Стоило броситься на собаку, прокусить ей плечо или разорвать ей вѣтчки ухо, прежде чѣмъ она могла сообразить въ чемъ дѣло, и половина побѣды была уже одержана.

Затѣмъ, было удивительно легко сбить съ ногъ собаку, не ожидающую нападенія. Въ такія минуты шея собаки всегда оставалась незащищенной, а это была самая уязвимая точка, укусивъ которую можно было вовсе умертвить врага. Бѣлый Клыкъ хорошо зналъ эту точку. Это знаніе досталось ему по наслѣдству отъ многихъ поколѣній волковъ. Такимъ образомъ, Бѣлый Клыкъ, нападая, старался, во-первыхъ—поймать собаку одну, во-вторыхъ — неожиданно броситься на нее и сбить ее съ ногъ, а въ третьихъ,—вцѣпиться зубами въ ея горло.

Такъ какъ Бѣлый Клыкъ еще не вполне выросъ, то его челюсти еще не были достаточно велики и сильны, чтобы его атаки на горло собакъ были смертельны; но много молодыхъ собакъ бродили по лагерю съ ранами на шеѣ, свидѣтельствовавшими о намѣреніяхъ Бѣлаго Клыка. Но однажды, поймавъ одного изъ своихъ враговъ на опушкѣ лѣса, онъ нѣсколькими повторными укусами добрался до шейной артеріи, перегрызъ ее, и собака издохла. Тогда поднялся невѣроятный шумъ. Его продѣлка была замѣчена; вѣсть о ней сейчасъ же дошла до хозяина погибшей собаки, индіанки припомнили всѣ тѣ случаи, когда у цихъ крали

мясо, и у палатки Сѣраго Бобра собралась злобная толпа. Но тотъ закрылъ полы, спрятавъ виновника преступленія, и отказался выдать его своимъ единоплеменникамъ.

Бѣлаго Клыка стали ненавидѣть и собаки и люди. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ не зналъ ни минуты покоя. Противъ него были зубы всѣхъ собакъ и руки всѣхъ людей. Собаки встрѣчали его рычаніемъ, а боги — проклятiями и камнями. Онъ жилъ напряженной жизнью. Онъ былъ всегда насторожѣ, всегда готовый напасть или отразить нападеніе.

Онъ рычалъ громче и страшнѣе всѣхъ собакъ въ лагерь, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ. Цѣль рычанія — предупредить или напугать, и надо знать, когда слѣдуетъ и когда не слѣдуетъ пускать его въ ходъ. И Бѣлый Клыкъ это зналъ. Въ его рычаніи выражалось все, что въ немъ было злобщаго, страшнаго и грознаго. Когда онъ, сморщивъ носъ, взъерошивъ шерсть и то высовывая, то пряча красный, змѣиный языкъ, прижавъ уши, сверкая глазами, обнажалъ клыки съ капавшей съ нихъ слюной и рычалъ, онъ заставлялъ призадуматься всякаго врага. Малѣйшее промедленіе со стороны врага уже давало ему возможность обдумать планъ дѣйствiя. И часто случалось, что это промедленіе вело за собой и полный отказъ отъ борьбы; даже передъ большими собаками Бѣлому Клыку, благодаря его мастерскому умѣнiю рычать, удавалось отступить съ почетомъ.

Отверженный стаей молодыхъ собакъ, БѢЛЫЙ Клыкъ, благодаря своимъ кровавымъ инстинктамъ, и силѣ, сталъ ея грозою. Его не принимали въ стаю, и онъ, въ свою очередь, не позволялъ ни одному щенку отдѣлиться отъ нея. Молодые собаки боялись его коварныхъ нападеній. За исключеніемъ Липъ-Липа, онѣ должны были держаться всѣ вмѣстѣ, чтобы сообща защищаться противъ страшнаго врага, котораго онѣ сами создали себѣ. Если какой-нибудь щенокъ отпраплялся одинъ къ рѣкѣ, то онъ или бывалъ убитъ, или едва спасался отъ волченка, преслѣдовавшаго его по пятамъ.

Но и стая молодыхъ собакъ не оставалась въ долгу. Стоило имъ завидѣть его, какъ всѣ дружно бросались за нимъ, и его спасала только быстрота его ногъ. Но горе собакъ, обгонявшей при этомъ стаю! БѢЛЫЙ Клыкъ научился неожиданно обочиваться, нападать на преслѣдователя, бѣжавшаго впереди стаи и искушать его раньше, чѣмъ подоспѣвала стая. Это случалось очень часто, ибо собаки обыкновенно увлекаются погоней, въ то время какъ БѢЛЫЙ Клыкъ никогда не забывался.

Преслѣдованіе Бѣлаго Клыка стало любимой, хотя и опасной, игрой. БѢЛЫЙ Клыкъ, съ другой стороны, надѣясь на быстроту своихъ ногъ, нисколько не боялся отходить отъ лагеря.

Въ тотъ періодъ времени, когда онъ напрасно ждалъ возвращенія своей матери, онъ часто заманивалъ стаю въ лѣсъ, гдѣ и устраивалъ гонку. Но стая всегда теряла его изъ виду. По крикамъ

и лаю онъ всегда могъ опредѣлить, гдѣ она находится, въ то время какъ онъ бѣжалъ одинъ, безшумной, бархатной поступью и мелькающей тѣнью пробирался между деревьями, какъ это дѣлали раньше его отецъ и мать. Къ тому же, у него было больше связи съ Пустыней, чѣмъ у нихъ, и онъ гораздо лучше зналъ ея секреты и ея уловки. Любимой его продѣлкой было спутать свои слѣды въ рѣчкѣ и затѣмъ спокойно лежать въ ближайшихъ заросляхъ, въ то время какъ онѣ съ громкимъ лаемъ суетились въ двухъ шагахъ отъ него.

Ненавидимый собаками и людьми, и ведя непрерывную борьбу, онъ развивался быстро, но односторонне. У него не было возможности проявлять доброту и привязанность, и онъ не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго представленія. Онъ умѣлъ только повноваться сильнымъ и угнетать слабыхъ. Сѣрый Боберъ былъ божествомъ сильнымъ, и поэтому Бѣлый Клыкъ ему повиновался. Но собака моложе или меньше него была слаба, и поэтому ее нужно было уничтожить. Онъ развивался только въ отношеніи силы. Для того, чтобы противустоять постоянной опасности, грозившей часто даже жизни, онъ долженъ былъ чрезмѣрно развивать свои хищническія способности. Онъ сталъ проворнѣе и ловче другихъ собакъ, сталъ быстрѣе бѣгать, сдѣлался хитрѣе, выносливѣе, терпѣливѣе, злѣе, ожесточеннѣе и умнѣе ихъ. Онъ долженъ былъ стать такимъ, иначе онъ не выжилъ бы въ этой враждебной обстановкѣ.

ГЛАВА IV.

Слѣдь боговъ.

Осенью того же года, когда дни стали короче и начались первые морозы, Бѣлому Клыкку представилась возможность убѣжать. Уже нѣсколько дней въ лагерѣ царила суматоха. Лѣтнія занятія пришли къ концу, и племя, уложивъ свои пожитки, собиралось отправиться на осеннюю охоту. Бѣлый Клыккъ напряженно слѣдилъ за всѣми, и когда сняли палатки и стали нагружать лодки, онъ все понималъ. Лодки уже отправлялись въ путь, и нѣкоторыя уже исчезли изъ виду.

Подумавъ, онъ рѣшилъ остаться и, выждавъ удобный случай, незамѣтно скрылся въ чащѣ лѣса. Здѣсь, въ рѣчкѣ, которая стала покрываться льдомъ, онъ замелъ свои слѣды. Затѣмъ онъ вошелъ въ густую чащу, легъ и сталъ ждать. Время шло, и онъ успѣлъ нѣсколько разъ заснуть. Наконецъ, онъ услышалъ голосъ Сѣраго Бобра, звавшаго его по имени. Онъ слышалъ также и другіе голоса, различилъ голосъ жены индѣйца, принимавшей участіе въ поискахъ, и Митъ-Саха, сына Сѣраго Бобра.

Бѣлый Клыкъ дрожалъ отъ страха, но не поддавался желанію выйти изъ своей засады. Нѣкоторое время спустя голоса замерли въ отдаленіи, и тогда онъ выльзъ изъ кустовъ, чтобы насладиться успѣхомъ своего предпріятія. Наступили сумерки, и нѣкоторое время волченокъ игралъ среди деревьевъ, наслаждаясь свободой. Но затѣмъ онъ совершенно неожиданно почувствовалъ тоску одиночества. Онъ сѣлъ, чтобы разобраться въ своихъ чувствахъ, но лѣсная тишина смущала его. Это отсутствіе звуковъ и движеній казалось ему зловѣщимъ. Онъ подозрительно смотрѣлъ на темныя очертанія деревьевъ, и ему казалось, что въ нихъ скрывается что-то страшное и опасное для него.

Ктому же было холодно. Не было теплой стѣны палатки, къ которой можно было примоститься. Морозъ щипалъ его за лапы, и онъ поочередно поднималъ то одну изъ нихъ, то другую. Онъ сѣлъ и покрылъ ихъ своимъ пушистымъ хвостомъ, и въ то же время передъ нимъ стали проноситься яркія видѣнія. Въ этомъ не было ничего удивительнаго, все это были знакомыя картины. Онъ видѣлъ снова лагерь, палатки и пламя костровъ. Онъ слышалъ рѣзкіе голоса женщинъ, и грубые басы мужчинъ, и рычанье собакъ. Онъ былъ голоденъ и поэтому вспомнилъ куски мяса и рыбу, которую получалъ отъ людей; а здѣсь ничего не было, кромѣ зловѣщей тишины.

Неволя изнѣжила его. Отсутствіе необходимости

заботиться о своихъ потребностяхъ ослабило его. Онъ не зналъ, что дѣлать. Спускалась ночь. Его чувства, привыкшіе къ шуму и движенію, къ непрерывной смѣнѣ звуковъ и картинъ, теперь оставались незанятыми. Ему нечего было дѣлать, не на что было смотрѣть, нечего было слушать.

Вдругъ онъ задрожалъ отъ страха. Въ полѣ его зрѣнія несло что-то колоссальное и безформенное. Это была тѣнь дерева, отброшенная луной, которая раньше была скрыта за тучей. Придя въ себя, онъ началъ потихоньку повизгивать. Но вскорѣ замолкъ, боясь своимъ визгомъ привлечь вниманіе невѣдомыхъ враговъ.

Дерево, сжимавшееся подъ вліяніемъ ночного холода, вдругъ громко треснуло. Волченокъ какъ разъ сидѣлъ подъ нимъ и взвылъ отъ страха. Имъ овладѣлъ паническій ужасъ, и онъ опрометью бросился къ лагерю. Его охватила жажда человѣческаго общества и покровительства. Онъ чувствовалъ запахъ костра, и въ его ушахъ громко звучали крикъ и шумъ лагеря. Онъ вышелъ изъ лѣса на освѣщенную луной поляну, гдѣ не было ни тѣней; ни темноты. Но его глазъ не увидѣлъ знакомыхъ очертаній поселка. Онъ совсѣмъ забылъ, что индѣйцы ушли.

Его дикій бѣгъ вдругъ прекратился. Бѣжать было некуда. Онъ грустно бродилъ по покинутому лагерю, обнюхивая кучи мусора и брошенный хламъ боговъ. Теперь онъ радъ былъ бы даже дождю камней, если бы онъ посыпался изъ рукъ

разсерженной индианки. Радъ былъ бы даже получить трепку отъ Сѣраго Бобра. Онъ даже съ восторгомъ встрѣтилъ бы Липъ-Липа во главѣ рычащей, трусливой стаи...

Онъ пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ прежде стояла палатка Сѣраго Бобра, сѣлъ и поднялъ морду къ лунѣ. Горло его сжала спазма, родъ открылся, и изъ груди вырвался жалобный стонъ, въ которомъ слилось вмѣстѣ все: и страхъ одиночества, и тоска по Кичъ, и всѣ его прошлыя несчастія и обиды, и предчувствія будущихъ невзгодъ и ужасовъ. Это былъ грустный, протяжный и громкій волчій вой, первый вой, который вырвался изъ груди Бѣлаго Клыка.

Съ наступленіемъ дня его страхи исчезли, но чувство одиночества еще усилилось. Мѣсто, бывшее недавно такимъ оживленнымъ, казалось теперь пустыннымъ. Онъ не сталъ долго размышлять. Войдя въ лѣсъ, онъ побѣжалъ вдоль берега, внизъ по рѣкѣ. Онъ бѣжалъ весь день, не отдыхая. Казалось, онъ предназначенъ былъ для того, чтобы вѣчно бѣжать. Его желѣзные мускулы не знали усталости, и даже когда появилось утомленіе, то наследственная выносливость заставляла его мускулы продолжать дѣлать ритмическія движенія, не обращая вниманія на усталость тѣла. Когда рѣка текла между отвѣсными утесами, онъ взбирался на нихъ, а встрѣчающіеся ему ручьи, впадавшіе въ рѣку, онъ переплывалъ. Часто онъ шелъ по недавно образовавшейся вдоль берега

ледяной корѣ, и не разъ проваливался въ ледяную воду, рискуя утонуть; и все время онъ искалъ слѣда боговъ, ибо они могли выйти изъ лодокъ и пойти внутрь страны.

БѢЛЫЙ Клыкъ обладалъ необыкновеннымъ для волка умомъ; однако, ему не могло придти въ голову, что слѣдъ боговъ могъ находиться на противоположной сторонѣ рѣки. Быть можетъ позже, съ годами и опытностью, послѣ большого знакомства съ рѣками, онъ могъ бы предположить такую возможность; но сейчасъ онъ бѣжалъ наудачу по одному лишь знакомому ему берегу рѣки Маккэнзи.

Онъ бѣжалъ всю ночь, натываясь въ темнотѣ на всевозможныя препятствія, которыя замедляли его бѣгъ, но нисколько не отбивали желанія бѣжать дальше. Къ срединѣ второго дня, послѣ того, какъ онъ бѣжалъ непрерывно въ теченіе тридцати часовъ, и его желѣзные мускулы стали поддаваться, его поддерживала только сила воли. Онъ не ѣлъ уже сорокъ часовъ и совершенно ослабѣвалъ отъ голода. Частыя погруженія въ ледяную воду тоже оказывали свое дѣйствіе. Его красивая шерсть была въ грязи, а широкія лапы были разбиты до крови. Онъ захромалъ, и съ каждымъ часомъ хромалъ все больше. Въ довершеніе всего, небо потемнѣло и пошелъ снѣгъ—холодный, мокрый, тающій снѣгъ, по которому скользко было бѣжать, который заволакивалъ окрестность и покрывалъ неровности почвы, дѣлая путь еще труднѣе.

Сѣрый Боберъ собирался сдѣлать привалъ на той сторонѣ рѣки Маккэнзи, такъ какъ это было по дорогѣ на охоту, но незадолго до наступленія вечера его жена Клу-Кучъ замѣтила лося, пришедшаго къ берегу выпить. Если бы лось не пришелъ къ рѣкѣ выпить; если бы Мить-Сахъ, правившій лодкой, не свернулъ изъ-за снѣга съ дороги; еслибы Клу-Кучъ не увидѣла лося и Сѣрый Боберъ не убилъ бы его мѣткимъ выстрѣломъ изъ ружья, то все послѣдующее произошло бы иначе. Сѣрый Боберъ не сдѣлалъ бы привала на этомъ же берегу рѣки Маккэнзи, и Бѣлый Клыкъ побѣждалъ бы дальше и или умеръ бы, или снова попалъ бы къ своимъ дикимъ собратьямъ и остался бы волкомъ до конца своихъ дней.

Наступила ночь. Снѣгъ пошелъ сильнѣе, и Бѣлый Клыкъ, повизгивая и прихрамывая, напалъ на свѣжій слѣдъ въ снѣгу. Слѣдъ былъ настолько свѣжъ, что онъ тотчасъ же узналъ его. Завизжавъ сильнѣе, онъ пошелъ прочь отъ рѣки и вошелъ въ лѣсъ. До его слуха долетѣли знакомые звуки лагеря. Онъ увидѣлъ пламя костра, у котораго Клу-Кучъ варила пищу, а Сѣрый Боберъ сидѣлъ на корточкахъ, грызя кусокъ сырого жира. Очевидно въ лагерѣ имѣлось свѣжее мясо!

Бѣлый Клыкъ ожидалъ порки. При мысли объ этомъ, шерсть стала дыбомъ на его спинѣ, но затѣмъ онъ сталъ подвигаться впередъ. Онъ боялся побоевъ, которыхъ ему не миновать... Но зато онъ зналъ, что будетъ грѣться у костра, пользо-

ваться покровительствомъ боговъ и обществомъ собакъ; хотя это общество было враждебное, все-таки оно удовлетворяло его стаднымъ наклонностямъ.

Онъ ползкомъ приблизился къ костру. Сѣрый Боберъ замѣтилъ его и пересталъ жевать сало. Бѣлый Клыкъ подползалъ медленно и смиренно, вполнѣ сознавая свое униженіе и покорность. Онъ ползъ прямо къ Сѣрому Бобру, съ каждымъ шагомъ все медленнѣе и съ большимъ трудомъ. Наконецъ, онъ легъ у ногъ хозяина, которому добровольно отдавался во власть тѣломъ и душой. Онъ дрожалъ, ожидая наказанія. Рука поднялась надъ нимъ, и онъ весь невольно съежился въ ожиданіи удара. Но удара не послѣдовало. Онъ украдкой взглянулъ наверхъ: Сѣрый Боберъ раздиралъ пополамъ кусокъ сала. И Сѣрый Боберъ протянулъ ему половину своего сала! Осторожно, даже нѣсколько подозрительно, онъ обнюхалъ сало и сталъ его ѣсть. Сѣрый Боберъ приказалъ принести ему мяса, и охранялъ его отъ другихъ собакъ, пока онъ ѣлъ. Наѣвшись, довольный и благодарный, Бѣлый Клыкъ легъ у ногъ Сѣраго Бобра, и, глядя въ огонь, грѣвшій его, жмурился и сладко дремалъ въ увѣренности, что слѣдующее утро не застанетъ его въ одиночествѣ въ темномъ лѣсу, но что онъ останется въ лагерѣ боговъ, которымъ онъ отдался и на помощь которыхъ можно всегда рассчитывать.

ГЛАВА V.

Молчаливое соглашеніе.

Въ срединѣ декабря Сѣрый Боберъ отправился вверхъ по рѣкѣ Маккэнзи. Его сопровождали Мить-Сахъ и Клу-Кучъ. Однѣми санями, запряженными своими и наемными собаками, онъ правилъ самъ. Другими же, маленькими санями, правилъ Мить-Сахъ. Въ эти маленькія сани были запряжены щенки, и хотя эти сани были въ родѣ игрушечныхъ, но Мить-Сахъ былъ въ восторгѣ, ибо чувствовалъ себя взрослымъ человѣкомъ, дѣлающимъ настоящую работу. Кромѣ того, онъ учился править собаками и тренировать ихъ. Щенки приучались къ лямкѣ и, кромѣ того, были полезны тѣмъ, что тащили около двухсотъ фунтовъ поклажи и провизіи.

Бѣлый Клыкъ много разъ видѣлъ, какъ собаки работали въ лямкахъ, таща сани. Поэтому онъ не очень обидѣлся, когда на него въ первый разъ надѣли хомутъ. Вокругъ шеи ему надѣли набитый мхомъ ошейникъ, который соединялся двумя постромками съ ременной шлеей, опоясывавшей его на уровнѣ груди. Къ этой шлеѣ прикрѣплялась

длинная веревка, за которую онъ тащилъ сани. Въ упряжкѣ было семь молодыхъ собакъ, девяти или десяти мѣсяцевъ, и только Бѣлому Клыку было восемь. Каждая собака прикрѣплялась къ санямъ веревкой. Всѣ веревки были разной длины и разница въ длинѣ каждой равнялась корпусу собаки. Каждая веревка была привязана къ кольцу на передкѣ саней. Сани были безъ полозьевъ, представляя собой выдолбленный изъ березовой коры тобоганъ съ загнутымъ вверхъ передкомъ для того, чтобы сани не зарывались въ снѣгъ. Это устройство саней давало возможность распредѣлять грузъ на возможно большую поверхность, ибо снѣгъ былъ рыхлъ, какъ кристаллическій порошокъ. Придерживаясь того же принципа распределенія тяжести, собаки были запряжены вѣерообразно, такъ что ни одна собака не шла по слѣду другой.

Въ этой вѣерообразной запряжкѣ было еще одно преимущество. Различная длина веревокъ мѣшала собакамъ, что бѣжали позади, бросаться на переднихъ; а, чтобы напасть на свою товарку, задней собакѣ надо было обернуться къ той, что шла на болѣе короткой веревкѣ. Но въ этомъ случаѣ она очутилась бы лицомъ къ лицу съ той, на которую она нападала, а также съ бичемъ погонщика. Но самое большое преимущество такого устройства состояло въ томъ, что собака, стремящаяся броситься на свою товарку, идущую впереди нея, должна была тащить сани гораздо

быстрѣе, а чѣмъ сани шли быстрѣе, тѣмъ быстрѣе могла убѣгать передняя собака. Такимъ образомъ, задняя никогда не могла догнать переднюю, а могла лишь ускорить ходъ саней. Вотъ какимъ хитрымъ способомъ человѣкъ пользовался животными.

Мить-Сахъ походилъ на своего отца, особенно умомъ. Онъ давно уже замѣтилъ, что Липъ-Липъ преслѣдуетъ Бѣлаго Клыка, но въ то время Липъ-Липъ принадлежалъ другому человѣку, и Мить-Сахъ только изрѣдка рѣшался бросить въ него камень. Но теперь Липъ-Липъ принадлежалъ ему, и онъ рѣшилъ отомстить ему, привязавъ его къ самой длинной веревкѣ. Это дѣлало Липъ-Липа вожакomъ потяга, что было какъ будто честью для него, но на самомъ дѣлѣ чести въ этомъ никакой не было, ибо вмѣсто того, чтобы быть первымъ забіякой и главаремъ своры, онъ оказался въ положеніи ненавидимаго и преслѣдуемаго сворой. Такъ какъ онъ былъ привязанъ къ самой длинной веревкѣ, то собаки видѣли, что онъ отъ нихъ убѣгаетъ. Имъ видны были только его пушистый хвостъ и бѣгушія заднія лапы, а это было менѣе страшно и менѣе грозно, чѣмъ его взѣрошенная шерсть и сверкающіе клыки. Кромѣ того, видъ убѣгающей собаки вызываетъ въ другихъ собакахъ желаніе преслѣдовать ее, такъ какъ имъ кажется, что она убѣгаетъ отъ нихъ.

Какъ только сани тронулись, вся упряжка стала гнаться за Липъ-Липомъ, и эта погоня

продолжалась цѣлый день. Вначалѣ Липь-Липь, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, пытался злобно оборачиваться на своихъ враговъ, но при этомъ Мить-Сахъ ударялъ его по мордѣ своимъ длиннымъ тридцатифутовымъ бичемъ, и заставлялъ его стать на свое мѣсто и бѣжать. Липь-Липь могъ бороться съ собаками, но онъ былъ безсиленъ противъ кнута, и ему оставалось только, крѣпко натянувъ веревку, уносить свои бока отъ зубовъ товарищей.

Но молодой индѣецъ придумалъ еще одну хитрость. Чтобы усилить ненависть собакъ къ Липь-Липу, онъ сталъ отличать его отъ другихъ собакъ. Онъ, напримѣръ, въ ихъ присутствіи давалъ ему мясо, и только ему одному. Это ихъ страшно бѣсило. Онѣ злобно ходили вокругъ Липь-Липа, а Мить-Сахъ съ кнутомъ въ рукѣ охранялъ его, пока онъ ѣлъ. Даже если мяса не было, Мить Сахъ отгонялъ собакъ и дѣлалъ видъ, что даетъ мяса Липь-Липу.

Бѣлый Клыкъ охотно принялся за работу. Онъ полнѣе чѣмъ другія собаки отдался во власть боговъ, и лучше ихъ понималъ тщетность сопротивленія ихъ волѣ. Къ тому же, терпя вѣчныя преслѣдованія со стороны собакъ, онъ сильнѣе льнулъ къ людямъ и научился быть вполнѣ независимымъ отъ своихъ сородичей. Кичъ была совсѣмъ забыта, и единственнымъ выходомъ для его чувствъ была вѣрность богамъ, господству которыхъ онъ покорился. Поэтому онъ усердно работалъ, научился дисциплинѣ и послушанію—

эти черты вообще составляютъ отличительныя качества волка и дикой собаки, когда они становятся домашними животными, и Бѣлому Клыку они были присущи въ высокой степени.

Между Бѣлымъ Клыкомъ и другими собаками существовало общеніе, но только на почвѣ вражды. Онъ такъ и не научился играть съ ними. Онъ умѣлъ только драться, возвращая имъ сторицей всѣ удары, нанесенные ему еще въ то время, когда Липъ-Липъ былъ вожакомъ стаи. Но Липъ-Липъ теперь ужъ не былъ вожакомъ, за исключеніемъ того времени, когда онъ бѣжалъ впереди своихъ товарищей на концѣ длинной веревки и когда позади него прыгали по кочкамъ сани. На привалахъ же онъ все время жался къ Митъ-Саху, къ Сѣрому Бобру и къ Клу-Кучь. Онъ не смѣлъ отойти отъ боговъ, потому что теперь клыки собакъ были противъ него, и онъ вполнѣ испыталъ всю горечь преслѣдованія, которая раньше доставалась на долю Бѣлаго Клыка.

Послѣ паденія Липъ-Липа, Бѣлый Клыкъ легко могъ бы стать вожакомъ стаи; но онъ для этого былъ слишкомъ мраченъ и слишкомъ привыкъ къ одиночеству. Онъ либо дрался съ своими товарищами, либо совершенно игнорировалъ ихъ. Они старались не попадаться ему на дорогѣ; и даже самые смѣлые изъ нихъ не рѣшались стащить у него мясо. Наоборотъ, они старались какъ можно скорѣе проглотить свою порцію изъ страха, чтобы онъ не отнялъ у нихъ мяса. Бѣлый

Клыкъ отлично заучилъ законъ: *надо притѣснять слабого и повиноваться сильному*. Онъ съѣдалъ свою порцію какъ можно скорѣе и тогда горе той собакѣ, которая еще не успѣла съѣсть свое мясо! Грозное рычаніе, сверканіе клыковъ—и собака могла сколько ей угодно изливать свое негодованіе равнодушнымъ звѣздамъ, пока Бѣлый Клыкъ доѣдалъ ея порцію. Иногда, однако, то одна собака, то другая теряли терпѣніе и возмущались противъ Бѣлаго Клыка. Но тотъ ихъ быстро усмирять, и, такимъ образомъ, поддерживалъ свое умѣніе драться. Онъ ревниво оберегалъ свое исключительное положеніе, и дрался, если его нарушали. Но эти драки были всегда очень непродолжительны. Онъ былъ слишкомъ быстръ въ своихъ движеніяхъ. Собаки бывали изранены и окровавлены раньше, чѣмъ соображали, что случилось, и бывали побиты раньше, чѣмъ начинали драться.

Бѣлый Клыкъ поддерживалъ не менѣе строгую дисциплину между собаками, чѣмъ та, которую боги требовали отъ собакъ во время работы. Онъ не позволялъ имъ никакой вольности и требовалъ къ себѣ почтительнаго отношенія. Между собой онѣ могли вести себя какъ имъ было угодно. Это его не касалось. Но онѣ не смѣли нарушать его одиночества, должны были уступать ему дорогу, когда онъ появлялся среди нихъ, и всегда признавать его главенство надъ ними. Стоило собакѣ принять вызывающій видъ, оскалить зубы

или ошетиниться, какъ онъ тотчасъ же кидался на нее и быстро убѣждалъ ее въ ошибочности ея поведенія.

Онъ былъ страшнымъ тираномъ и правилъ онъ желѣзной рукой. Онъ угнеталъ слабыхъ съ какой-то особенной безсердечностью. Недаромъ онъ съ первыхъ мѣсяцевъ своей жизни долженъ былъ вести безжалостную борьбу за жизнь, когда они вдвоемъ съ матерью должны были безъ всякой посторонней помощи добывать себѣ пропитаніе въ жестокихъ условіяхъ жизни въ Пустынѣ. И недаромъ онъ научился пробираться крадучись, когда рядомъ былъ болѣе сильный звѣрь. Онъ притѣснялъ слабыхъ, но за то онъ уважалъ сильныхъ. И за все время длиннаго путешествія съ Сѣрымъ Бобромъ онъ велъ себя очень осторожно съ взрослыми собаками, встрѣчавшимися въ стоянкахъ чужихъ людей, въ которыя они заѣзжали по пути.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, но путешествіе Сѣраго Бобра еще продолжалось. Сила Бѣлаго Клыка развилась отъ постоянной усердной работы при саняхъ, и умственное его развитіе повидимому тоже закончилось. Онъ теперь вполне понималъ тотъ міръ, въ которомъ жилъ. Взгляды его на жизнь были мрачнаго и матеріалистическаго направленія. Міръ, по его мнѣнію, былъ жестокъ и холоденъ, и въ немъ совершенно не было теплоты, ласки, привязанности и добродушія.

Онъ не любилъ Сѣраго Бобра. Правда, это былъ богъ, но богъ очень жестокий. Бѣлый Клыкъ съ радостью признавалъ его власть, но эта власть была основана на превосходствѣ ума и на грубой силѣ. Въ природѣ Бѣлаго Клыка было нѣчто, что зсоставляло его дорожить этой властью, иначе онъ не вернулся бы изъ Пустыни изъявить свою покорность. Въ его натурѣ были нѣкоторыя струны, которыя еще никто не сумѣлъ заставить зазвучать. Доброе слово или ласковое прикосновеніе руки со стороны Сѣраго Бобра могли бы заставить ихъ зазвучать. Но Сѣрый Боберъ не умѣлъ ласкать и говорить добрыхъ словъ. Его превосходство было дикимъ, и онъ правилъ дико, возстановляя справедливость палкой и наказывая за проступки тяжкими ударами, а добродѣтель вознаграждая не добрыми словами и ласками, но тѣмъ, что лишь воздерживался отъ удара.

Такъ что Бѣлый Клыкъ ничего не зналъ о томъ блаженствѣ, которое можетъ доставить собакѣ ласковое прикосновеніе человѣческой руки. Онъ, наоборотъ очень не любилъ человѣческихъ рукъ. Онъ относился къ нимъ подозрительно. Правда, онѣ иногда давали мясо; но зато гораздо чаще причиняли боль. Лучше было держаться отъ нихъ подальше. Онѣ бросали камни, наносили удары палками и кнутами, били кулаками, а когда прикасались къ нему, то всегда больно щипали, мяли и рвали за шерсть. Въ чужихъ деревняхъ, попадавшихся на пути, онъ узналъ,

что дѣтскія руки тоже причиняють жестокую боль. Однажды онъ чуть не лишился глаза благодаря маленькому дикарю. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ подозрительно относиться къ дѣтямъ и едва ихъ выносилъ. Когда они подходили со своими страшными руками, онъ тотчасъ же уходилъ отъ нихъ.

Въ одномъ поселкѣ, на берегу Большого Невольничьяго Озера, Бѣлый Клыкъ, желая избавиться отъ зла, причиняемаго человѣческими руками, видоизмѣнилъ законъ, которому онъ научился у Сѣраго Бобра, а именно, что укусить одного изъ боговъ непростительное перступленіе. Въ этой деревнѣ онъ, по обычаю собакъ, отправился на поиски за пищей. Онъ увидаль мальчика, который рубилъ топоромъ оленье мясо, причемъ кусочки его разлетались по снѣгу. Бѣлый Клыкъ, проходя мимо, остановился и сталъ подбирать эти кусочки. Но затѣмъ онъ увидѣлъ, что мальчикъ положилъ топоръ и взялъ толстую дубину. Бѣлый Клыкъ отскочилъ въ сторону какъ разъ во-время, чтобы избѣжать удара. Мальчикъ побѣждалъ за нимъ вдогонку, и такъ какъ Бѣлый Клыкъ плохо зналъ чужой поселокъ, то онъ забѣжалъ между двумя палатками и очутился въ тупикѣ между палатками и высокимъ землянымъ валомъ.

Убѣжать оттуда не было никакой возможности. Единственный выходъ былъ загороженъ мальчикомъ. Поднявъ дубину, онъ приблизился къ

своему пойманному врагу. Бѣлый Клыкъ обомлелъ. Онъ обернулся къ мальчику, рыча и оцетинившись; его чувство справедливости было оскорблено. Онъ хорошо зналъ законъ фуражировки: всѣ остатки мяса принадлежали той собацѣ, которая ихъ находила. Онъ не въ чемъ не провинился, не сдѣлалъ ничего дурного, а между тѣмъ мальчишка хотѣлъ его побить. Бѣлый Клыкъ почти не сознавая, что дѣлаетъ, повалилъ мальчика въ снѣгъ и искусалъ руку, державшую палку.

Но Бѣлый Клыкъ зналъ, что онъ нарушилъ законъ боговъ. Онъ вонзилъ зубы въ священное тѣло одного изъ нихъ, и могъ за это ожидать только самаго страшнаго наказанія. Онъ убѣжалъ къ Сѣрому Бобру и спрятался у его ногъ, когда мальчикъ, укушенный имъ, со всей своей семьей явился требовать отомщенія. Но они ушли ни съ чѣмъ, и ихъ чувство мести осталось неудовлетвореннымъ. Сѣрый Боберъ взялъ подъ защиту Бѣлаго Клыка и то же самое сдѣлали Мить-Сахъ и Клу-Кучъ. Бѣлый Клыкъ, прислушиваясь къ словесной войнѣ и наблюдая за гнѣвными движеніями, понялъ, что его поступокъ оправдывается. И, такимъ образомъ, онъ узналъ, что бываютъ боги и боги. Существовали его боги и чужіе боги. И между ними была огромная разница. Отъ своихъ боговъ онъ долженъ былъ терпѣливо сносить и справедливость и несправедливость; но отъ чужихъ боговъ ему не нужно было тер-

пѣть несправедливости. Мстить за нее своими зубами было его право. И это также было закономъ боговъ.

Въ тотъ же день Бѣлый Клыкъ узналъ еще кое-что объ этомъ законѣ. Мить-Сахъ, собирая сучья въ лѣсу, встрѣтилъ укушеннаго мальчика. Съ нимъ были другіе мальчики. Произошла ссора, и всѣ мальчики набросились на Мить-Саха. Ему приходилось плохо. Удары сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Бѣлый Клыкъ сначала просто наблюдалъ. Это было дѣло боговъ, и его оно не касалось. Но затѣмъ онъ сообразилъ, что напали на Мить-Саха, одного изъ его собственныхъ боговъ; и то, что Бѣлый Клыкъ слѣдалъ, онъ сдѣлалъ не благодаря побужденіямъ разума. Онъ напалъ на сражающихся подъ вліяніемъ внезапнаго прилива ярости. Пять минутъ спустя по полянѣ неслись убѣгающіе мальчики, причемъ отъ многихъ изъ нихъ оставались на снѣгу кровавые слѣды, доказывавшіе, что Бѣлый Клыкъ не полѣнился дѣйствовать зубами. Когда Мить-Сахъ разсказалъ въ лагерьъ обо всемъ случившемся, Сѣрый Боберъ приказалъ дать Бѣлому Клыку мяса, и Бѣлый Клыкъ, сытый по горло, лежалъ, подремывая, у костра и сознавалъ, что законъ былъ понятъ имъ правильно.

Наряду съ этими опытами, Бѣлый Клыкъ скоро понималъ законъ собственности и обязанность защищать ее. Отъ защиты тѣла бога до защиты его имущества былъ всего шагъ, и Бѣлый Клыкъ

сдѣлать его. Собственность его бога нужно было защищать противъ всего свѣта, и, защищая ее, можно было даже кусать чужихъ боговъ. Правда, это не только было святотатствомъ, но и было небезопасно, ибо боги были всемогущи, и собака не могла бороться противъ нихъ. Но Бѣлый Клыкъ научился свирѣпо и безбоязненно встрѣчать ихъ нападенія. Долгъ для него сталъ выше страха, и вороватые боги поняли, что имущество Сѣраго Бобра лучше не трогать.

При этомъ Бѣлый Клыкъ еще узналъ, что вороватые боги обыкновенно очень трусливы и убѣгаютъ при первой тревогѣ. Онъ также замѣтилъ, что Сѣрый Боберъ чрезвычайно быстро являлся къ нему на помощь, и сообразилъ, что воръ убѣгалъ не потому, что боялся его, а потому, что боялся Сѣраго Бобра. Бѣлый Клыкъ никогда не поднималъ тревоги лаемъ. Онъ вообще никогда не лаялъ. Онъ обыкновенно прямо бросался на непрошеннаго гостя и вонзалъ въ него клыки, если это было возможно. Благодаря своему мрачному и злобному характеру онъ сталъ превосходнымъ сторожемъ имущества своего хозяина; и Сѣрый Боберъ всячески поощрялъ его въ этомъ направленіи, такъ что, въ концѣ концовъ, Бѣлый Клыкъ сталъ даже свирѣпѣе и мрачнѣе прежняго.

Время шло, и узы, связывавшія человѣка и собаку, становились все крѣпче и крѣпче. Это были тѣ же узы, которыя соединяли перваго волка, пришедшаго изъ Пустыни, съ человѣкомъ .

И, какъ всѣ остальные волки и дикія собаки, Бѣлый Клыкъ самъ понялъ условія своего молчаливаго соглашенія съ человѣкомъ. Условія эти были весьма простыя: онъ отдавалъ свою свободу за возможность имѣть собственнаго живого бога, который давалъ ему пищу, тепло, покровительство и свое общеніе съ нимъ. За это онъ стерегъ имущество бога, защищалъ его тѣло, работалъ на него и повиновался ему.

Всякій богъ требуетъ исполненія извѣстныхъ обязанностей. Бѣлый Клыкъ служилъ своему богу изъ сознанія долга и изъ благоговѣйнаго преклоненія передъ нимъ, но не изъ любви къ нему. Онъ не зналъ, что такое любовь и никогда ее не испытывалъ. Кичъ онъ едва помнилъ, да и ктому же онъ вполне отдался богу, и если бы онъ даже и встрѣтилъ Кичъ, то онъ не могъ бы покинуть своего бога ради нея. Его преданность человѣку была больше его любви къ свободѣ, къ семье и къ своему роду.

ГЛАВА VI.

Голодь.

Уже приближалась весна, когда Сѣрый Боберъ окончилъ свое длинное путешествіе. Былъ апрѣль, и Бѣлому Клыкѣ исполнился годъ, когда онъ добрался до деревни, и Мить-Сахъ снялъ съ него хомутъ. Хотя онъ еще далеко не вполне развился, но послѣ Липъ-Липа былъ самымъ большимъ изъ годовалыхъ собакъ. Отъ своего волка-отца и отъ Кичъ онъ унаслѣдовалъ силу и крупный ростъ, и уже почти сравнялся со старыми собаками. Но его тѣлу доставало еще плотности—оно было худое и вытянутое. Его сила была больше нервной, чѣмъ мускульной. Шерсть у него была сѣрая, волчья, и по виду онъ былъ настоящимъ волкомъ. Отъ Кичъ онъ не унаслѣдовалъ никакихъ наружныхъ знаковъ, хотя она и оказала вліяніе на его умственный складъ.

Бѣлый Клыкъ бродилъ по деревнѣ, узнавая съ чувствомъ удовольствіенія различныхъ боговъ, которыхъ онъ зналъ еще до путешествія. Тутъ же были и собаки—щенята, выросшіе за это время подобно ему, и взрослые собачки, которыя уже

не казались ему большими и страшными, какъ когда-то. Теперь онъ боялся ихъ гораздо меньше и разгуливалъ среди нихъ съ новымъ и пріятнымъ чувствомъ непринужденности.

Быль тутъ и старый, сѣдой Басикъ, которому прежде стоило оскалить зубы, чтобы заставить Бѣлаго Клыка послѣшно удирать. Благодаря ему Бѣлый Клыкъ когда-то узналъ все свое ничтожество, и благодаря ему же онъ теперь узналъ о происшедшей въ немъ огромной переменѣ. Басикъ слабѣлъ отъ старости, а Бѣлый Клыкъ мужалъ и набирался силы.

О переменѣ своихъ отношеній съ собачьимъ міромъ Бѣлый Клыкъ узналъ при дѣлежѣ свѣжеубитаго лося. Онъ досталъ себѣ копыто и часть голени съ порядочнымъ кускомъ мяса. Отойдя отъ дерущихся собакъ и спрятавшись за кустами, онъ сталъ пожирать лакомый кусокъ, какъ вдругъ Басикъ набросился на него. Онъ мигомъ два раза хватилъ зубами Басика и отскочилъ. Басикъ былъ озадаченъ смѣлостью и быстротой этого нападенія. Онъ стоялъ, бессмысленно глядя на Бѣлаго Клыка, а между ними лежала кроваво-красная кость.

Басикъ былъ старъ и уже зналъ, насколько сильнѣе стали тѣ собаки, которыя когда-то вполнѣ находились въ его власти. Какъ это ни было горько, но поневолѣ приходилось примиряться съ этимъ фактомъ. Въ прежнія времена Басикъ съ яростью набросился бы на Бѣлаго Клыка, но теперь его ослабѣвшія силы не позволяли ему

сдѣлать этого. Онъ только оцетинился и сталъ злобно смотрѣть на Бѣлаго Клыка; но въ Бѣломъ Клыкѣ уже проснулся былой страхъ; онъ съежился и уже подумывалъ о томъ, какъ бы ему отступить...

Но тутъ Басикъ сдѣлалъ ошибку. Если бы онъ удовольствовался рычаніемъ и бросаніемъ злобныхъ взглядовъ, то все было бы хорошо. Бѣлый Клыкъ навѣрное ушелъ бы и оставилъ бы ему мясо. Но Басикъ поторопился. Онъ вообразилъ, что побѣда уже за нимъ, и сдѣлалъ шагъ впередъ къ мясу. Когда онъ нагнулся и понюхалъ его, Бѣлый Клыкъ слегка оцетинился; Басику надо было бы укрѣпить за собой положеніе, остановиться, поднявъ голову и сверкая глазами, и Бѣлый Клыкъ навѣрное убѣждалъ бы; но запахъ свѣжаго мяса слишкомъ раздражилъ аппетитъ Басика, и онъ съ жадностью впился зубами въ добычу.

Этого уже трудно было перенести; Бѣлый Клыкъ рѣшительно не могъ стоять и смотрѣть, какъ другая собака ѣстъ мясо, принадлежащее ему. По своему обыкновенію онъ бросился на Басика безъ предупрежденія. Въ слѣдующій затѣмъ моментъ ухо того было разорвано въ клочки, и самъ онъ былъ ошеломленъ неожиданностью нападенія. Но то, что случилось потомъ, было такъ же неожиданно и такъ же печально. Басикъ былъ сбитъ съ ногъ и укушенъ въ горло, а, пока онъ старался подняться на ноги, Бѣлый Клыкъ два-

жды укусилъ его въ плечо. Все это произошло съ необыкновенной быстротой. Басикъ бросился, было, на Бѣлаго Клыка, но только яростно щелкнулъ зубами въ воздухъ. Въ слѣдующій моментъ носъ его былъ прокушенъ, и онъ, пятясь назадъ, долженъ былъ уйти отъ мяса.

Взаимное положеніе противниковъ сразу измѣнилось. Бѣлый Клыкъ стоялъ надъ костью, ощерившись и яростно рыча, а Басикъ находился на приличномъ разстояніи и готовился къ отступленію. Онъ не рѣшался драться съ этимъ молодымъ молніеноснымъ врагомъ, и снова горько почувствовалъ приближеніе старости. Въ его попыткѣ сохранить свое достоинство было нѣчто вполне геройское: повернувшись спиной къ своему молодому врагу, стоявшему надъ костью, онъ спокойно и важно удалился, какъ будто позади него не было ничего страшнаго. И только тогда, когда Бѣлый Клыкъ не могъ его видѣть, онъ остановился, чтобы зализать свои раны.

На Бѣлаго Клыка эта побѣда оказала большое вліяніе—онъ сталъ самоувѣренъ и гордъ. Онъ уже не такъ скромно ходилъ между взрослыми собаками, и сталъ не такъ уступчивъ. Самъ онъ вовсе не искалъ ссоръ, нѣтъ. Но онъ требовалъ къ себѣ уваженія. Онъ защищалъ свое право спокойно идти своей дорогой и не уступать ее никакой собакѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы съ нимъ считались, вотъ и все; онъ не хотѣлъ, чтобы его игнорировали, какъ какого-нибудь щенка. Щенки,

обыкновенно, уступали дорогу взрослымъ собакамъ, и при первой угрозѣ отдавали имъ мясо. Но Бѣлый Клыкъ, мрачный, одинокій, еле глядѣвшій по сторонамъ, страшный и свирѣпый на видъ, былъ принятъ озадаченными собаками, какъ равный имъ. Онъ быстро научились оставлять его въ покоѣ и не приставать къ нему ни съ добрыми, ни съ злыми намѣреніями. Если онъ не трогали его, то и онъ не трогалъ ихъ, и такое отношеніе, послѣ нѣсколькихъ стычекъ, оказалось для всѣхъ наиболѣе удобнымъ.

Лѣтомъ съ Бѣлымъ Клыкомъ произошелъ странный случай. Когда онъ, по своему обыкновенію, мрачно бѣжалъ по крайнѣй деревни, намѣреваясь познакомиться съ новой палаткой, которая появилась въ стойбищѣ въ то время, какъ онъ находился на охотѣ, онъ неожиданно наскочилъ на Кичь. Остановившись, онъ глядѣлъ на нее. Онъ смутно помнилъ ее, но все же помнилъ, чего нельзя было сказать о ней. Она оскалила зубы и грозно зарычала на него, и тогда память его прояснилась. Его забытое дѣтство и всѣ тѣ воспоминанія, которыя соединялись съ этимъ рычаніемъ, вдругъ хлынули на него. Вѣдь, до знакомства съ богами, Кичь была для него центромъ всей вселенной. Прежнія чувства охватили его, и онъ радостно бросился къ ней; но она встрѣтила его съ обнаженными клыками и раскрыла ему щеку до кости. Онъ ничего не понялъ и отско- чилъ, удивленный и оскорбленный,

Но Кичь не была виновата. Волчицы никогда не помнятъ своихъ волчатъ, которымъ минулъ уже годъ отъ роду; и она забыла Бѣлаго Клыка. Онъ былъ чужой, и ея новая семья давала ей право гнать всѣхъ, вторгающихся къ ней безъ позволенія.

Одинъ изъ ея щенятъ подползъ къ Бѣлому Клыку. Они наполовину были братьями, но не знали этого. Бѣлый Клыкъ съ любопытствомъ сталъ обнюхивать щенка. Но Кичь подскочила и снова укусила его за морду. Онъ отступилъ еще дальше. Всѣ проснувшіяся въ немъ воспоминанія снова умерли. Онъ посмотрѣлъ на Кичь, облизывавшую своего щенка и продолжавшую рычать на него. Она сразу потеряла для него всякое значеніе. Онъ уже не нуждался въ ней.

Онъ все еще стоялъ въ недоумѣніи, когда Кичь въ третій разъ бросилась на него, чтобы совершенно прогнать его, и Бѣлый Клыкъ уступилъ. Это была самка, и по закону самцы не должны драться съ самками. Онъ ничего не зналъ объ этомъ законѣ, и это не былъ умственный выводъ, сдѣланный изъ жизненнаго опыта; это былъ инстинктъ, тотъ самый инстинктъ, который заставлялъ его выть на луну и на звѣзды, и бояться смерти и всего неизвѣстнаго.

Проходили мѣсяцы. Бѣлый Клыкъ становился сильнѣе и тяжелѣе, и характеръ его развивался сообразно съ заложенной въ немъ наследственностью и вліяніемъ окружающей обстановки.

Его наслѣдственныя черты были похожи на глину, изъ которой можно вылѣпить что угодно; и окружающая обстановка оказала большое вліяніе на форму, которую получила эта глина. Если бы БѢЛЫЙ КЛЫКЪ не подошелъ къ костру человѣка, то Пустыня вылѣпила бы изъ него настоящаго волка. Но боги окружили его другими условіями, и изъ него вышла собака, въ которой было много волчьяго. Но все же это была собака, а не волкъ.

Итакъ, подъ давленіемъ окружающей обстановки, характеръ БѢлаго Клыка становился все угрюмѣе, злѣе и необщительнѣе. Собаки все больше убѣждались въ томъ, что съ нимъ лучше всего жить въ мирѣ, а СѢрый Боберъ съ каждымъ днемъ цѣнилъ его все больше.

БѢЛЫЙ КЛЫКЪ, будучи образцомъ силы во всѣхъ отношеніяхъ, страдалъ, однако, отъ одной слабости: онъ не выносилъ смѣха надъ собою. Человѣческія насмѣшки были ему ненавистны. Люди могли смѣяться между собой и надъ чѣмъ угодно, и ему это было все равно. Но какъ только смѣяться начинали надъ нимъ, онъ моментально приходилъ въ ярость. Обыкновенно серьезный, мрачный и полный достоинства, онъ въ такія минуты приходилъ въ какое-то смѣшное неистовство. Смѣхъ до такой степени бѣсилъ и волновалъ его, что онъ на много часовъ превращался въ демона злобы. Горе было той собакѣ, которая попадалась ему въ такія минуты! Онъ слишкомъ хорошо зналъ законъ, чтобы мстить СѢрому Бобру,

тѣмъ болѣе, что у Сѣраго Бобра была дубина и божескій умъ. Но у собакъ этого не было; и поэтому Бѣлый Клыкъ срывалъ на нихъ всю дикую влобу, которую поднималъ въ немъ смѣхъ.

Когда ему пошелъ третій годъ, то индѣйцевъ, жившихъ по рѣкѣ Маккензи, посѣтилъ великій голодъ. Лѣтомъ рыба не уловилась, а зимой канадскіе лоси не пришли на свои обычныя мѣста. Американскихъ лосей тоже было очень мало; кролики и зайцы почти всѣ исчезли, и хищныя животныя погибали; лишенныя своей обычной пищи и ослабленныя голодомъ, они пожирали другъ друга. Выжили только самыя сильныя изъ нихъ. Боги Бѣлаго Клыка существовали лишь охотой. Старые и слабыя изъ нихъ умерли отъ голода. Въ деревнѣ стоялъ плачъ женщинъ и дѣтей, которыя лишали себя пищи, чтобы отдавать ее худымъ, истощеннымъ охотникамъ, бродившимъ по лѣсамъ въ тщетныхъ поискахъ пищи.

Боги дошли до такой крайности, что ѣли кожу своихъ мокассинъ и рукавицъ, а собаки съѣдали свои хомуты, лямки и даже кнуты. Собаки, кромѣ того, ѣли другъ друга, а боги ѣли собакъ. Сначала съѣли самыхъ слабыхъ и негодныхъ, и собаки, оставшіяся въ живыхъ, понимали, что ихъ ожидаетъ та-же участь. Самыя смѣлыя и умныя изъ нихъ покидали костры боговъ и убѣгали въ дѣсь, гдѣ, въ концѣ концовъ, или погибали отъ голода или съѣдались волками.

Въ это ужасное время БѢлый Клыкъ тоже ушелъ въ лѣсъ. Онъ былъ лучше приспособленъ, чѣмъ другія собаки, къ такой жизни, ибо въ дѣтствѣ получилъ соотвѣтствующее воспитаніе. Особенно хорошо умѣлъ онъ выслѣживать мелкую дичь. Онъ цѣлыми часами могъ лежать неподвижно, слѣдя за каждымъ движеніемъ осторожной бѣлки, ожидая съ огромнымъ терпѣніемъ, такимъ же огромнымъ, какъ и его голодъ, того момента, когда бѣлка отважится соскочить съ дерева. Но и тогда БѢлый Клыкъ не торопился. Онъ выжидалъ удобнаго момента, чтобы нанести ударъ безъ промаха.

Несмотря на то, что онъ такъ искусно ловилъ бѣлокъ, онъ все же не могъ наѣсться досыта, потому что ихъ было очень мало. Поэтому ему приходилось искать еще болѣе мелкихъ животныхъ. Его голодъ по временамъ становился настолько нестерпимымъ, что онъ не гнушался выкапывать лѣсныхъ мышей изъ ихъ земляныхъ норокъ и рѣшался даже вступать въ бой съ лаской, такой же голодной, какъ онъ самъ, но во много разъ свирѣпѣе его.

Когда голодъ очень донималъ его, онъ возвращался къ кострамъ боговъ, но не подходилъ къ нимъ близко. Онъ сноваль по лѣсу, стараясь остаться незамѣченнымъ, и опустошалъ капканы въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ нихъ попадалась дичь. Онъ даже выкралъ однажды кролика изъ капкана самого Сѣраго Бобра въ то время,

какъ тотъ, еле волоча ноги отъ голода и спотыкаясь на каждомъ шагу, шель по лѣсу.

Однажды Бѣлый Клыкъ встрѣтилъ молодого, истощеннаго отъ голода, волка. Если бы онъ самъ не былъ голодень, то онъ, пожалуй, ушелъ бы въ лѣсъ къ своимъ дикимъ братьямъ. Но такъ какъ онъ былъ голодень, то онъ напалъ на этого волка, убилъ его и съѣлъ.

Счастье, повидимому, благопріятствовало ему. Каждый разъ, когда голодь достигалъ крайнихъ предѣловъ, онъ неизмѣнно находилъ, что убить. Ему везло еще въ томъ отношеніи, что, когда онъ бывалъ очень слабъ, онъ не встрѣчалъ крупныхъ хищниковъ, которые могли бы убить его самого. Такъ, однажды, когда онъ поправилъ свои силы тѣмъ, что въ два дня съѣлъ рысь, на него напала стая голодныхъ волковъ. Началась упорная и жестокая погоня. Но такъ какъ онъ былъ сытѣе волковъ, то, въ концѣ концовъ, убѣжалъ отъ нихъ; и не только убѣжалъ, но, сдѣлавъ большой крюкъ, очутился у нихъ въ тылу и убилъ одного изъ своихъ оставшихъ преслѣдователей.

Послѣ этого онъ покинулъ эту мѣстность и отправился въ ту долину, гдѣ онъ родился. Здѣсь, въ старой пещерѣ, онъ встрѣтился съ Кичь. По примѣру прежнихъ лѣтъ, она убѣжала отъ негостепрѣимнаго костра боговъ и возвратилась въ свое старое убѣжище, чтобы произвести на свѣтъ дѣтей. Изъ всего выводака у нея остался

въ живыхъ только одинъ щенокъ. Но и этому не было суждено жить долго. Молодая жизнь слишкомъ слаба, чтобы выжить во время такой голодовки.

Кичъ оказала своему взрослому сыну далеко не родственный приемъ. Но БѢлому Клыку это было все равно. Онъ уже не нуждался въ матери, и поэтому, поднявъ философски хвостъ, онъ побѣждалъ вверхъ по ручью; вскорѣ онъ нашелъ пещеру той рыси, съ которой онъ когда-то вмѣстѣ съ матерью боролся. Здѣсь, въ этой покинутой пещерѣ, онъ остановился на цѣлый день отдохнуть.

Раннимъ лѣтомъ, когда голодовка приходила къ концу, онъ встрѣтилъ Липъ-Липа, который также убѣждалъ въ лѣсъ и кое-какъ существовалъ. БѢлый Клыкъ наткнулся на него неожиданно, на углу высокаго утеса. Оба, испугавшись, остановились и подозрительно взглянули другъ на друга.

БѢлый Клыкъ былъ въ великолѣпномъ состояніи. Его охота была удачна, и онъ всю послѣднюю недѣлю наѣдался досыта, а сегодня онъ даже обѣлся послѣдней убитой имъ добычей. Какъ прежде онъ ощетинивался и ворчалъ при видѣ Липъ-Липа, такъ и теперь онъ чисто автоматически ощетинился и зарычалъ. И онъ не сталъ терять времени. Все произошло необыкновенно быстро. Липъ-Липъ попробовалъ отступить назадъ, но БѢлый Клыкъ сильно ударилъ его въ плечо и сшибъ его съ ногъ, а затѣмъ пере-

грызъ ему горло. Послѣ этого онъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ съ взерошенной шерстью любовался предсмертными судорогами врага; а, когда все было кончено, онъ спокойно но продолжалъ свой путь вокругъ утеса.

Однажды, вскорѣ послѣ этого случая, онъ пришелъ къ опушкѣ лѣса; откуда къ рѣкѣ Маккэнзи спускалась узкая поляна. Онъ бывалъ здѣсь раньше, когда поляна была пуста. А теперь здѣсь раскинулась деревня. Онъ сталъ изъ за деревьевъ наблюдать за происходившимъ. Видъ, звуки и запахи были знакомы ему. Это была старая деревня, переведенная на новое мѣсто. Но звуки и запахи не походили на тѣ, отъ которыхъ онъ когда-то убѣжалъ. Не было слышно ни стоновъ, ни плача. До его слуха донеслись болѣе веселые звуки. А когда онъ услыхалъ сердитый голосъ женщины, то сразу понялъ, что такъ гнѣвъ можетъ выражаться только при полномъ желудкѣ. Кромѣ того, въ воздухѣ пахло рыбой. Значить у нихъ есть пища, и голодъ кончился. Онъ смѣло вышелъ изъ лѣса и направился прямо къ палаткѣ Сѣраго Бобра. Того не было дома; но Клу-Кучъ привѣтствовала его радостными криками и тотчасъ же угостила его только что пойманной рыбой. Бѣлый Клыкъ съѣлъ рыбу, легъ и сталъ дожидаться возвращенія Сѣраго Бобра.

Ч А С Т Ъ IV.

ГЛАВА I.

Врагъ своей породы.

Если для Бѣлаго Клыка и была какая-нибудь возможность, хотя бы въ далекомъ будущемъ, подружиться съ своими собратьями, то эта возможность исчезла, когда его сдѣлали головной, или передовой, собакой потяга. Ибо теперь собаки возненавидѣли его. Онѣ ненавидѣли его за лишніе куски мяса, которые Мить-Сахъ бросалъ ему; ненавидѣли за то предпочтеніе, которое ему оказывали люди; ненавидѣли за то, что онъ всегда убѣгалъ отъ нихъ во главѣ потяга, и передъ ихъ глазами вѣчно торчалъ его пушистый хвостъ и мелькали его заднія ноги, доводившія ихъ до бѣшенства.

Бѣлый Клыкъ платилъ имъ такой же ненавистью. Его вовсе не прельщала честь быть передовой собакой. Ему нисколько не нравилось, что приходилось словно убѣгать отъ разъяренной своры, всѣхъ членовъ которой онъ въ теченіе трехъ лѣтъ держалъ въ полномъ повиновеніи. Но надо было или примириться съ этимъ, или

погибнуть. А жизнь, бывшая въ немъ ключемъ, не желала погибать. Въ тотъ моментъ, когда Мить-Сахъ отдавалъ приказаніе двигаться, весь потягъ съ дикимъ крикомъ и лаемъ бросался на Бѣлаго Клыка...

Защищаться было невозможно. Если бы онъ обернулся, то Мить-Сахъ побилъ бы его своимъ длиннымъ бичемъ по мордѣ. Ему оставалось только убѣгать. Онъ не могъ защищаться противъ этой воюющей стаи хвостомъ и задними ногами. И онъ бѣжалъ, съ каждымъ шагомъ насыщая свою гордую душу; а бѣжать ему приходилось цѣлые дни...

Нельзя безнаказанно бороться съ требованіями собственной природы. Если волосъ, нормальное назначеніе котораго расти изъ тѣла, заставить расти въ обратномъ направленіи, то онъ будетъ вросать въ тѣло; получится болѣзнь и мука. То же самое случилось съ Бѣлымъ Клыкомъ. Каждый нервъ своего существа онъ стремился наброситься на бѣгущую, сзади него свору. Но воля боговъ была противопоставлена его желанію; а за волей былъ кнутъ, сдѣланный изъ крѣпкихъ сухожилій въ тридцать футовъ длиною. Оставалось только терпѣть, глушить въ себѣ ненависть и злобу, и это еще больше озлобляло его свирѣдую натуру.

Поскольку животное можетъ быть врагомъ своей породы, постольку Бѣлый Клыкъ былъ имъ. Онъ не просилъ пощады и не давалъ ее. Онъ

постоянно носилъ на себѣ слѣды зубовъ всей своры, точно такъ же, какъ и она носила слѣды его зубовъ. Не въ примѣръ прочимъ передовымъ собакамъ, которыя во время привала, когда собаки бывали распряжены, жались къ богамъ, ища у нихъ защиты, БѢЛЫЙ Клыкъ не прибѣгалъ къ этой защитѣ. Онъ смѣло разгуливалъ по лагерю, ночью раздавая наказанія за тѣ обиды, которыя онъ терпѣлъ днемъ. Раньше, чѣмъ онъ сталъ передовой собакой, всѣ собаки научились давать ему дорогу. Но теперь это измѣнилось. Возбужденныя погоней, продолжавшейся весь день, когда имъ казалось, что онѣ его уже побѣдили и что онъ отъ нихъ удираетъ, собаки теперь ни за что не хотѣли сторониться передъ нимъ. Какъ только онъ появлялся среди нихъ, тотчасъ же начиналась драка. Его приближеніе всегда встрѣчалось рычаніемъ и щелканьемъ зубовъ. Вся атмосфера вокругъ него была пропитана ненавистью и злобой, и это только усиливало въ его душѣ ненависть и злобу.

Когда Мить-Сахъ приказывалъ потягу остановиться, БѢЛЫЙ Клыкъ повиновался. Вначалѣ это производило замѣшательство между собаками. Всѣ онѣ кидались на ненавистнаго вожака, но къ своему изумленію всегда встрѣчали Мить-Саха, который раздавалъ удары кнутомъ направо и налево. Собаки поняли, что когда потягъ останавливался по приказанію хозяина, то БѢлаго Клыка нельзя было трогать. Но когда онъ останав-

ливался безъ приказанія, то имъ позволялось кидаться на него и кусать его сколько угодно. Послѣ нѣсколькихъ такихъ случаевъ Бѣлый Клыкъ пересталъ останавливаться безъ приказанія. Онъ вообще быстро соображалъ, ибо если бы онъ соображалъ медленнѣе, то онъ не могъ бы выжить въ тѣхъ необыкновенно суровыхъ условіяхъ, въ которыя его поставила жизнь.

Но зато собаки никакъ не могли научиться оставлять его въ покоѣ на привалахъ. Гоняся за нимъ цѣлый день съ презрительнымъ лаемъ, онъ забывали урокъ, данный имъ наканунѣ вечеромъ, и вечеромъ имъ приходилось сызнова учиться для того, чтобы завтра снова все забыть. Кромѣ того, въ ихъ ненависти къ нему было прочное основаніе. Онѣ чувствовали, что между нимъ и ими была разница породы, что само по себѣ было бы достаточной причиной для враждебнаго отношенія. Подобно ему, онѣ были прирученными волками, но ихъ прирученіе совершилось уже нѣсколько поколѣній тому назадъ. Въ нихъ уже исчезло много дикости, и дикая Пустыня для нихъ была чѣмъ-то страшнымъ и неизвѣстнымъ. Но въ наружности Бѣлаго Клыка, въ его поступкахъ и инстинктахъ еще чувствовался настоящій дикій звѣрь. Такъ что, когда собаки скалили на него зубы, то онѣ защищали себя отъ Пустыни, отъ той разрушительной силы, которая мелькала въ тѣни лѣса и во тѣмѣ, окружающей костерь.

Одному собаки научились хорошо—это всегда держаться вмѣстѣ. БѢЛЫЙ Клыкъ былъ слишкомъ страшень, чтобы вступать съ нимъ въ единоборство. Онѣ нападали на него всей сворой, иначе онъ убилъ бы ихъ всѣхъ поодиночкѣ въ одну ночь. А теперь ему никакъ не удавалось убить ихъ. Онъ могъ сбить собаку съ ногъ, но прежде чѣмъ ему удавалось нанести ей смертельный ударъ въ горло, на него набрасывалась вся свора. При первыхъ звукахъ начинающейся драки вся стая мчалась туда. Собаки ссорились между собой, но всѣ ссоры забывались, когда на сцену появлялся БѢЛЫЙ Клыкъ.

Но, съ другой стороны, какъ онѣ ни старались, онѣ тоже никакъ не могли убить БѢлаго Клыка. Онъ былъ слишкомъ проворень, силенъ и хитеръ. Онъ всегда избѣгалъ закоулковъ и успѣвалъ улизнуть каждый разъ, когда свора окружала его. Кромѣ того, ни одной собакѣ никогда не удавалось сбить его съ ногъ. Онъ такъ же крѣпко цѣплялся ими за почву, какъ и за жизнь. А въ этой непрерывной войнѣ удержаться на ногахъ означало выжить. И никто не зналъ этого лучше БѢлаго Клыка.

Итакъ, онъ сталъ врагомъ своей породы прирученныхъ волковъ, изнѣженныхъ подъ влияниемъ костровъ и ослабленныхъ, благодаря покровительству человѣка. БѢЛЫЙ Клыкъ былъ жестокъ и беспощадень. Онъ поклялся мстить всѣмъ собакамъ и такъ жестоко исполнялъ свою

клятву, что даже Сѣрый Боберъ, будучи самъ свирѣпымъ дикаремъ, изумлялся свирѣпости Бѣлаго Клыка. Онъ клялся, что никогда еще не существовало такого жестокаго звѣря. И индѣйцы другихъ деревень соглашались съ этимъ, припоминая, сколько онъ убилъ собакъ.

Когда Бѣлому Клыку было около пяти лѣтъ, Сѣрый Боберъ снова взялъ его съ собой въ далекое путешествіе. И жители поселковъ расположенныхъ вдоль рѣкъ Маккензи, Порньюпайна и Юкона долго еще помнили, какое опустошеніе онъ произвелъ среди ихъ собакъ. Онъ наслаждался местию, убивая представителей своего рода. Это все были обыкновенныя собаки, незнакомыя съ его быстрой и внезапной системою нападенія. Онѣ не подозрѣвали, что онъ разить, какъ молнія. Онѣ съ вызывающимъ видомъ и оцетинившіеся подходили къ нему, въ то время, какъ онъ, не теряя времени на эти подготовительныя дѣйствія, кидался на нихъ однимъ прыжкомъ и перегрызалъ имъ горло, не давая имъ даже опомниться.

Онъ сталъ искуснымъ, расчетливымъ борцомъ. Онъ умѣлъ экономить силы и никогда не тратилъ ихъ зря. Онъ быстро нападалъ; но если ему не удавалось первое нападеніе, то онъ такъ же быстро отскакивалъ. Онъ, какъ и всѣ волки, не любилъ драться вплотную. Длительное сосѣдство другого тѣла таило въ себѣ опасность, а ему надо было быть свободнымъ, стоять на ногахъ, не прикасаясь ни къ какому живому существу.

Въ этомъ еще сказывалось наслѣдство, доставшее ему отъ Пустыни. Кроме того, это чувство усилилось въ немъ отъ одинокаго существованія, которе онъ велъ съ дѣтства. Прикосновенія къ чужоу тѣлу онъ боялся, какъ капкана, какъ западни.

Вотъ почему чужимъ собакамъ невозможно было съ нимъ бороться. Онъ ловко ускользалъ отъ ихъ клыковъ. Онъ убивалъ ихъ, или успѣвалъ во время отскочить. Конечно, бывали и исключенія. Бывало иногда, что на него набрасывались нѣсколько собакъ и кусали его; бывало даже, что и одна собака успѣвала нанести ему довольно глубокія пораненія. Но все это были только случайности. Въ общемъ же онъ сталъ такимъ искуснымъ борцомъ, что выходилъ невредимымъ изъ всѣхъ дракъ. Онъ обладалъ еще однимъ преимуществомъ—онъ удивительно вѣрно рассчитывалъ время и разстоянiе. Конечно, это дѣлалось у него безсознательно, инстинктивно. Глаза его все замѣчали и нервы быстро сообщали зрительныя впечатлѣнiя мозгу. Всѣ его чувства были развиты лучше, чѣмъ у обыкновенной собаки и работали гораздо точнѣе и ровнѣе. Соотношенiе между нервами; умомъ и мускулами было у него гораздо лучше, чѣмъ у другихъ. Когда его глаза передавали мозгу движущiйся изображенiя, то его мозгъ безъ всякаго сознательнаго усилiя опредѣлялъ пространство и время, нужное, чтобы напасть на этотъ движущiйся предметъ. Вотъ

почему онъ могъ избѣгать нападенія другой собаки и въ тоже время наносить ей ударъ. Въ умственномъ и физическомъ отношеніи онъ представлялъ собою механизмъ вполне совершенный. Это не было заслугой. Природа оказалась болѣе щедра къ нему, чѣмъ къ другимъ, вотъ и все.

Было уже лѣто, когда Бѣлый Клыкъ прибылъ въ фортъ Юконъ. Сѣрый Боберъ перешелъ зимой водораздѣлъ между рѣками Маккензи и Юкономъ, и провелъ весну, охотясь по западнымъ отрогамъ Скалистыхъ горъ. Затѣмъ, когда рѣка Поркьюпайнъ очистилась ото льда, онъ сколотилъ плотъ и поплылъ внизъ по рѣкѣ до слиянія ея съ Юкономъ на Сѣверномъ Полярномъ Кругѣ. Здѣсь стоялъ фортъ старинной компаніи Гудзонова Залива, и здѣсь было много индѣйцевъ, много нищ и царило необыкновенное оживленіе. Было лѣто 1898-го года, и тысячи золотоискателей поднимались вверхъ по Юкону въ Даусонъ и на Клондайкъ. До цѣли ихъ путешествія оставались еще сотни миль, хотя многіе изъ нихъ находились въ пути уже цѣлый годъ. Тѣ, которые пришли сюда съ ближайшихъ частей Штатовъ; сдѣлали, однако, уже пять тысячъ миль; въ то время, какъ нѣкоторые изъ нихъ явились съ другого конца свѣта.

Здѣсь Сѣрый Боберъ остановился. Слухъ о золотѣ дошелъ и до его ушей, и онъ явился сюда съ нѣсколькими кипами мѣховъ, рукавицъ и мокасинахъ. Онъ не отважился бы на такое да-

легкое путешествіе, если бы не рассчитывалъ на хорошей барышъ. Но то, что онъ ожидалъ, было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ получилъ. Самыя безумныя его мечты не простирались дальше ста процентовъ прибыли; на самомъ же дѣлѣ онъ нажилъ тысячу процентовъ. Какъ истый индѣецъ, онъ спокойно и осторожно принялся торговать, готовый остаться все лѣто и даже часть зимы, лишь бы продать весь товаръ.

Здѣсь, въ Фортѣ Юконѣ, Бѣлый Клыкъ впервые увидалъ бѣлыхъ людей. По сравненію съ индѣйцами, они казались ему совершенно другой породой. Это было племя высшихъ боговъ. Онъ почувствовалъ, что они обладаютъ большей силой, а вѣдь степень божественности опредѣлялась силой. Бѣлый Клыкъ, конечно не могъ дѣлать, такого рода обобщеній; онъ это только чувствовалъ. Но это чувство было въ немъ чрезвычайно сильно. Какъ въ дѣтствѣ его поражали огромные размѣры юртъ, въ которыхъ жилъ человѣкъ, такъ и теперь его воображеніе поражали дома и огромный фортъ изъ массивныхъ бревенъ. Въ этомъ чувствовалась мощь. Бѣлые боги были могущественны. Они лучше владѣли неодушевленными предметами, чѣмъ дотолѣ знакомые ему боги, среди которыхъ самымъ сильнымъ былъ Сѣрый Боберъ; но и Сѣрый Боберъ былъ ребенкомъ въ сравненіи съ этими бѣлокожими богами.

Бѣлый Клыкъ ясно чуялъ, что это такъ. Но животныя обыкновенно дѣйствуютъ, повинуюсь

чутью, и каждый поступокъ Бѣлаго Клыка былъ теперь основанъ на убѣжденіи, что бѣлые люди — боги высшаго разряда. Вначалѣ онъ относился къ нимъ подозрительно. Развѣ можно было знать, насколько они опасны и какимъ неизвѣстнымъ мученіямъ они могли подвергнуть его? Онъ съ любопытствомъ наблюдалъ за ними, боясь въ то же время, чтобы его не замѣтили. Первые нѣсколько часовъ по приѣздѣ онъ довольствовался тѣмъ, что бродилъ вокругъ нихъ и наблюдалъ ихъ на безопасномъ разстояніи. Но затѣмъ онъ увидѣлъ, что тѣмъ собакамъ, которыя находились поблизости отъ нихъ, ничего дурного не дѣлалось. Поэтому и онъ подошелъ ближе.

Онъ, въ свою очередь, тоже возбуждалъ любопытство бѣлыхъ. Его волчій видъ тотчасъ же бросился имъ въ глаза, и они стали указывать на него пальцами. Замѣтивъ это, Бѣлый Клыкъ насторожился, и, когда они попробовали приблизиться къ нему, онъ осканилъ зубы и попятился назадъ. Никому изъ нихъ не удалось дотронуться до него рукой. И хорошо, что это имъ не удалось...

Бѣлый Клыкъ скоро узналъ, что очень немногіе изъ этихъ боговъ — не больше двѣнадцати человѣкъ — жили осѣдло въ этомъ мѣстѣ. Каждые два, три дня приходилъ пароходъ (еще одно доказательство ихъ огромнаго могущества) и стоялъ здѣсь нѣсколько часовъ. Бѣлые люди сходили съ этихъ пароходовъ, а другіе уходили на нихъ.

Казалось, что на свѣтѣ живетъ неисчислимое множество бѣлыхъ людей. Въ первый же день онъ увидалъ ихъ больше, чѣмъ видѣлъ индѣйцевъ за всю свою жизнь. И во всѣ послѣдующіе дни они продолжали прѣзжать, останавливаться и снова уходить на пароходахъ вверхъ по рѣкѣ.

Но если бѣлые боги были всемогущи, то ихъ собаки никуда не годились. Это Бѣлый Клыкъ узналъ, какъ только познакомился съ тѣми изъ нихъ, которыя сходили со своими хозяевами на берегъ. Онѣ были весьма разнообразны по виду и по величинѣ. Однѣ были коротконогія, другія черезчуръ длинноногія. Въмѣсто пушистой шерсти у нихъ были волосы, а у нѣкоторыхъ и волосъ было мало. И ни одна изъ нихъ не умѣла драться.

Такъ какъ Бѣлый Клыкъ былъ врагомъ своего племени, то онъ, конечно, дрался и съ ними; но скоро онъ почувствовалъ къ нимъ глубочайшее презрѣніе. Онѣ были нѣжныя и беззащитныя, слишкомъ много лаяли и визжали, неуноже набрасывались на него, стараясь силой достигнуть того, что онъ достигалъ хитростью и ловкостью. Онѣ съ лаемъ набрасывались на него, онъ отскакивалъ въ сторону, и, пока онѣ соображали, куда онъ дѣвался, онъ снова насканивалъ на нихъ, сбивалъ ихъ съ ногъ и хваталъ ихъ за горло.

Иногда онъ хваталъ ихъ такъ удачно, что собака уже не могла подняться на ноги; тогда на нее бросалась вся стая индѣйскихъ собакъ и разрывала ее на куски. Бѣлый Клыкъ былъ уменъ.

Онъ давно уже понялъ, что боги очень сердятся, когда убиваютъ ихъ собакъ. Бѣлые люди не составляли исключенія. Поэтому онъ довольствовался тѣмъ, что сбивалъ собаку съ ногъ, и, перегрызая ей горло, тотчасъ же отскакивалъ въ сторону, предоставляя стаѣ сдѣлать свое жестокое дѣло. Когда прибѣгали бѣлые люди, то весь ихъ гнѣвъ обрушивался на стаю, а Бѣлый Клыкъ оставался въ сторонѣ. Онъ обыкновенно издали наблюдалъ, какъ на его собратьевъ летѣли камни, дубины, топоры и всевозможные предметы. Бѣлый Клыкъ былъ очень уменъ.

Однако, вскорѣ оказалось, что это развлеченіе возможно только на нѣсколько минутъ, когда пароходъ только что причаливаетъ къ берегу. Потерявъ двѣ-три собаки, бѣлые люди спѣшили загнать своихъ собакъ обратно на пароходъ, и затѣмъ жестоко мстили виновникамъ. Одинъ бѣлый человѣкъ, собаку котораго разтераали на его глазахъ, вынулъ револьверъ и быстро выстрѣлилъ въ свору шесть разъ, уложивъ на мѣстѣ шестерыхъ ея членовъ. Это было новое проявленіе могущества бѣлыхъ, и оно произвело глубокое впечатлѣніе на Бѣлаго Клыка.

Ему все это очень нравилось. Онъ не любилъ свое племя, и, благодаря своей хитрости, всегда уходилъ невредимымъ. Вначалѣ онъ убивалъ собакъ бѣлыхъ людей для развлеченія, а потомъ это стало его занятіемъ. Ему больше нечего было дѣлать. Сѣрый Боверъ занимался торговлей и

богатѣль, и Бѣлому Клыку ничего не оставалось дѣлать, какъ слоняться около пристани со стаей индѣйскихъ собакъ, поджидая пароходы. Зато какъ только пароходъ останавливался, начиналась потѣха. Но чрезъ нѣсколько минутъ, раньше чѣмъ бѣлые люди могли придти въ себя отъ изумленія, стая разбѣгалась. Потѣха прекращалась до появленія новаго парохода.

Однако, Бѣлый Клыкъ вовсе не былъ настоящимъ членомъ этой стаи. Онъ всегда оставался въ сторонѣ отъ нея, и стая даже боялась его. Правда, онъ дѣйствовалъ заодно съ ней. Онъ начиналъ ссору съ чужой собакой, а стая въ это время только выжидала; а когда онъ сбивалъ чужую собаку съ ногъ, то стая бросалась на нее и приканчивала ее. Онъ тогда отходилъ въ сторону, предоставляя стаю ярости боговъ.

Не было ничего легче, какъ начать ссору. Когда чужія собаки сходили на берегъ, ему надо было только показаться имъ, и онѣ тотчасъ же кидались на него. Онѣ дѣлали это инстинктивно. Онъ былъ для нихъ олицетвореніемъ дикаго, неизвѣстнаго, опаснаго міра, тѣмъ звѣремъ, который шнырялъ въ темнотѣ, боясь подойти къ костру, въ то время, какъ онѣ, прижавшись къ огню человѣка, измѣнили тому дикому міру, изъ котораго онѣ сами вышли; измѣнили и потому боялись его. Этотъ страхъ къ дикой Пустынѣ передавался изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе столѣтій, и крѣпко засѣлъ въ ихъ натурѣ. Въ теченіи всего

этого времени, ихъ хозяева всячески поощряли ихъ убивать дикихъ звѣрей, ибо, убивая ихъ, онѣ защищали и самихъ себя и своихъ боговъ.

Вотъ почему собаки, являясь на юконскій берегъ изъ другого міра и завидѣвъ Бѣлаго Клыка, тотчасъ чувствовали непреоборимое желаніе кинуться на него и растерзать. Онѣ родились и выросли въ городѣ, но тѣмъ не менѣе сохранили инстинктивный страхъ къ дикому міру; ихъ глазами на дикаго, страшнаго звѣря смотрѣли всѣ ихъ предки, передавшіе имъ непримиримую ненависть къ волку.

Но все это только доставляло большое удовольствіе Бѣлому Клыку. Тѣмъ лучше, если его видъ заставлялъ этихъ чужихъ собакъ кидаться на него!

Сумасшедшій Богъ.

Въ Фортъ Юконъ жило очень немного бѣлыхъ людей, но зато жили они тамъ очень долго. Называли они себя «кислымъ тѣстомъ» и очень гордились этимъ названіемъ. Къ людямъ недавно прибывшимъ они не чувствовали ничего, кромѣ презрѣнія. Новоприбывшіе назывались еще *чечакосами*, и имъ было непріятно, когда ихъ называли этимъ именемъ. Они пекли хлѣбъ съ содой, и въ этомъ состояло ихъ главное отличие отъ приверженцевъ кислаго тѣста, которые дѣлали хлѣбъ на дрожжахъ, какъ въ старину, такъ какъ имъ было незнакомо употребленіе соды.

Люди, жившіе въ фортѣ, презирали новыхъ пришельцевъ и радовались, когда съ ними случалось какое-нибудь несчастье. Особенно были они довольны, когда Бѣлый Клыкъ со своей стаей убивалъ ихъ собакъ. Когда подходилъ пароходъ, жители форта отправлялись на берегъ, чтобы насладиться потѣхой. Они съ такимъ же нетерпѣніемъ ожидали ее, какъ индѣйскія собаки, и быстро оцѣнили жестокое искусство Бѣлаго Клыка.

Но былъ среди нихъ одинъ человѣкъ, которому этотъ спортъ доставлялъ особенное наслажденіе. Онъ бѣжалъ на берегъ, какъ только раздавался свистокъ парохода; а, когда битва кончалась и Бѣлый Клыкъ со стаей убѣгали, то онъ медленно возвращался въ фортъ съ грустью и съ сожалѣніемъ. Иногда, когда изнѣженная южная собака съ предсмертнымъ крикомъ ужаса падала на землю, человѣкъ этотъ не могъ сдержать себя, и подпрыгивалъ, крича отъ восторга. И онъ всегда кидалъ жадные взгляды на Бѣлаго Клыка.

Этотъ человѣкъ былъ извѣстенъ въ фортѣ подъ кличкой «Красавецъ». Никто не зналъ его имени, поэтому всѣ называли его «Красавцемъ Смитомъ». Но онъ былъ чѣмъ угодно, только не красавцемъ. Кличка эта была дана ему въ насмѣшку, ибо онъ былъ ужасно безобразенъ. Природа очень поскупилась, когда создавала его. Прежде всего, онъ былъ очень маленькаго роста, и на его худомъ, тщедушномъ тѣлѣ сидѣла необыкновенно маленькая голова. Въ дѣтствѣ его называли не красавцемъ, а «булавочной головкой».

Голова его имѣла видъ конуса, вершиной котораго была макушка. Этотъ конусъ своимъ тонкимъ концомъ упирался въ шею, а основаніемъ—въ низкій, но необыкновенно широкій лобъ. Здѣсь природа какъ будто пожалѣла о своей скупости, и щедрой рукой создала черты его лица. Глаза его были огромны и были разставлены необыкновенно широко. Лицо его, въ сравненіи съ тѣломъ, было

необыкновенно широко. Природа, кромѣ того, наградила его огромной, выдающейся челюстью, которая была такъ велика, что, казалось, свѣшивалась ему на грудь. Возможно, что такое впечатлѣніе получалось отъ того, что его слишкомъ тонкая шея не могла удерживать такого большого вѣса и сгибалась впередъ.

Эта челюсть придавала его лицу выраженіе свирѣпой рѣшимости, но именно этого качества у него и не было. Челюсть была черезчуръ ужъ велика, и впечатлѣніе, которое она производила, было совершенно ложное, ибо Красавецъ Смитъ былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ самый отчаянный трусъ. Чтобы закончить описаніе его наружности, мы упомянемъ о его зубахъ — большихъ и желтыхъ, причемъ два глазныхъ зуба были больше остальныхъ и выступали изъ-подъ его губъ на подобіе клыковъ. Его глаза были грязно-желтаго цвѣта, какъ будто у природы не хватило пигмента, и она, собравъ всѣ остатки своихъ красокъ, смѣшала ихъ вмѣстѣ. То же самое можно было сказать и о его волосахъ, грязно-желтаго цвѣта, росшихъ на головѣ и на лицѣ отдѣльными пучками, какъ неравномѣрно посѣянная пшеница.

Короче говоря, Красавецъ Смитъ былъ монстромъ, но онъ не былъ въ этомъ виноватъ — его такимъ вылѣпила природа. Въ фортѣ онъ занималъ мѣсто повара, и вообще исполнялъ всякую грязную работу. Жители форта не презирали его; они даже относились къ нему снисходительно,

какъ къ существу обдѣленному природой. Но они, кромѣ того, боялись его. Его трусливый и подлый нравъ заставлялъ ихъ опасаться выстрѣла въ спину или яда въ кофе. Но кто-нибудь долженъ же быть готовить пищу, а при всѣхъ своихъ недостаткахъ Красавецъ Смитъ умѣлъ хорошо готовить.

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, который такъ восхищался жестокими продѣлками Бѣлаго Клыка и мечталъ приобрести его себѣ. Онъ съ самаго же начала сталъ заискивать передъ Бѣлымъ Клыкомъ, но тотъ его игнорировалъ. Нѣкоторое время спустя, когда эти заискиванія стали настойчивѣе, Бѣлый Клыкъ только ощетинивался, скалилъ зубы и убѣгалъ. Ему не нравился этотъ человѣкъ. Онъ чуялъ въ немъ порочность и боялся его протянутой руки и попытокъ обольстить его словами; поэтому онъ ненавидѣлъ его.

Простыя существа пснимаютъ добро и зло очень просто. Добро даетъ удобства, удовлетвореніе и избавляетъ отъ страданія. Зло причиняетъ боль, страданія и неприятность. Поэтому они его ненавидятъ. Бѣлый Клыкъ чуялъ зло въ Красавцѣ Смитѣ. Отъ его уродливаго тѣла и извращеннаго ума, точно изъ гнилого болота, подымались вредныя испаренія, указывавшія на его нездоровую, порочную душу. Не только съ помощью разума и своихъ пяти чувствъ, но и другими невѣдомыми путями Бѣлый Клыкъ чуялъ, что этотъ человѣкъ былъ полонъ зла, и что поэтому его надо избѣгать и ненавидѣть.

БѢЛЫЙ КЛЫКЪ былъ дома, когда къ СѢрому Бобру въ первый разъ пришелъ Красавецъ Смитъ. При звукѣ его шаговъ, прежде даже чѣмъ онъ показался, БѢЛЫЙ КЛЫКЪ зналъ, кто идетъ и весь ошетинился. Онъ лежалъ, наслаждаясь отдыхомъ, но какъ только подошелъ этотъ человекъ, онъ тотчасъ же вскочилъ и незамѣтно, какъ истый волкъ, ускользнулъ на окраину лагеря. Онъ видѣлъ, какъ СѢрый Боберъ разговаривалъ съ ново-прибывшимъ; но, конечно, не зналъ, о чемъ они говорили. Однажды Смитъ указалъ на него, и БѢЛЫЙ КЛЫКЪ издали зарычалъ, какъ будто указывавшая рука дотронулась до него. Смитъ при этомъ расхохотался, а БѢЛЫЙ КЛЫКЪ побѣжалъ въ лѣсъ и сталъ оттуда наблюдать за нимъ.

СѢрый Боберъ отказался продать собаку. Онъ сталъ теперь богатъ и ни въ чемъ не нуждался. Кромѣ того, БѢЛЫЙ КЛЫКЪ былъ цѣннымъ животнымъ, будучи самымъ сильнымъ изъ всей упряжки и самымъ лучшимъ жожакомъ. Другой такой собаки не было ни на рѣкѣ Маккэнзи, ни на Юконѣ. Къ тому же онъ умѣлъ драться. Онъ убивалъ собакъ такъ же легко, какъ люди убивали комаровъ. (Глаза Красавца Смита блеснули при этомъ и онъ даже облизнулся). Нѣтъ, БѢлаго Клыка СѢрый Боберъ не продастъ ни за какую цѣну!

Но Красавецъ Смитъ хорошо зналъ индѣйцевъ. Онъ сталъ часто посѣщать СѢраго Бобра и всегда приносилъ съ собою бутылку виски. Одна изъ

особенностей виски — возбуждать жажду, и Сѣрый Боберь началъ ее испытывать. Его обожженный желудокъ и воспаленныя слизистыя оболочки стали требовать все больше и больше жгучей жидкости, а мозгъ, возбужденный напиткомъ, готовъ былъ итти на что угодно, лишь бы добыть его. Деньги, полученные отъ продажи мѣховъ, рукавицъ и мокасинъ стали уходить все быстрѣе и быстрѣе, и, чѣмъ меньше ихъ оставалось, тѣмъ злѣе становился Сѣрый Боберь.

Но, въ концѣ концовъ, и деньги и товары, и даже злость — все исчезло. У Сѣраго Бобра оставалась только жажда, которая усиливалась съ каждымъ трезвымъ мгновениемъ. Тогда Красавецъ Смитъ снова заговорилъ съ нимъ о продажѣ Бѣлаго Клыка, но на этотъ разъ онъ предлагалъ не деньги, а бутылки виски, и на этотъ разъ Сѣрый Боберь сталъ слушать его охотнѣе.

— Если поймашь собаку, возьми ее, — были послѣднiя слова Сѣраго Бобра.

Бутылки были доставлены, но спустя два дня, Красавецъ Смитъ приказалъ Сѣрому Бобру самому поймать собаку.

Однажды вечеромъ Бѣлый Клыкъ прибѣжалъ въ лагерь и, со вздохомъ облегченiя, улегся. Ненавистнаго злого бѣлаго бога тамъ не было. Послѣднiе дни намѣренiе его прикоснуться руками къ Бѣлому Клыку становилось все настойчивѣе, и приходилось держаться подальше отъ лагеря. Онъ не зналъ, какимъ именно зломъ гро-

зили ему эти настойчивыя руки. Но онъ зналъ только, что онѣ угрожали какимъ-то зломъ, и что надо держаться подалеже отъ нихъ.

Но какъ только онъ легъ, Сѣрый Боберъ, пошатываясь, подошелъ къ нему и обвязалъ вокругъ его шеи кожаный ремень. Индѣецъ сѣлъ рядомъ съ Бѣлымъ Клыкомъ, держа въ одной рукѣ конецъ ремня, а въ другой бутылку, которую онъ то и дѣло запрокидывалъ надъ головой и тогда въ его горлѣ слышались булькающіе звуки.

Такимъ образомъ прошелъ часъ, какъ вдругъ послышались чьи-то шаги. Бѣлый Клыкъ услышалъ ихъ первый, и, узнавъ ихъ, ошетинился; а Сѣрый Боберъ только бессмысленно клевалъ носомъ. Бѣлый Клыкъ попробовалъ потихоньку выдернуть ремень изъ рукъ хозяина, но Сѣрый Боберъ проснулся и крѣпче зажалъ пальцы.

Вошелъ Красавецъ Смитъ и остановился возлѣ Бѣлаго Клыка. Тотъ тихонько заворчалъ на этого страшнаго человѣка и сталъ зорко слѣдить за движеніями его рукъ. Одна рука протянулась и стала опускаться надъ его головой. Тогда его тихое рычаніе стало громче и грознѣе. Рука продолжала тихо опускаться, а онъ все ниже пригибался къ полу, со злобой глядя на нее и рыча все сильнѣе и сильнѣе. Затѣмъ онъ вдругъ бросился на руку, ударивъ, какъ змѣя, своими клыками. Рука отдернулась назадъ, и зубы щелкнули по воздуху. Красавецъ Смитъ испугался и рассердился, Сѣрый Боберъ ударилъ Бѣлаго Клыка

по головѣ, и тотъ пригнулся къ землѣ въ почтительной и послушной позѣ.

Бѣлый Клыкъ продолжалъ подозрительно слѣдить за каждымъ движеніемъ людей. Онъ видѣлъ, что Смитъ ушелъ и вернулся съ толстой дубиной, и что Сѣрый Боберъ передалъ ему конецъ ремня, который до сихъ поръ держалъ въ рукѣ. Смитъ собрался итти; ремень натянулся. Бѣлый Клыкъ уперся. Сѣрый Боберъ сталъ колотить его кулакомъ, чтобъ заставить его встать. Бѣлый Клыкъ послушался, но, вскочивъ, тотчасъ же бросился на чужого человѣка, который хотѣлъ увести его. Красавецъ Смитъ не отскочилъ; онъ ждалъ этого прыжка. Онъ ловко взмахнулъ дубиной, которая, встрѣтивъ Бѣлаго Клыка на полпути, уложила его на полъ. Сѣрый Боберъ засмѣялся и одобрительно закивалъ головой. Красавецъ Смитъ потянулъ опять за ремень, и Бѣлый Клыкъ, еле волоча ноги и покачиваясь, пошелъ за нимъ.

Бѣлый Клыкъ не бросился на него во второй разъ. Одного удара палки было вполне достаточно, чтобы убѣдить его, что бѣлый умѣетъ дѣйствовать ею; а онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы бороться съ непреоборимымъ. Поэтому онъ мрачно послѣдовалъ за Красавцемъ Смитомъ, опустивъ хвостъ и потихоньку рыча. Но Смитъ зорко слѣдилъ за нимъ и держалъ палку наготовѣ.

Въ фортѣ Смитъ крѣпко привязалъ его, а самъ пошелъ спать. Бѣлый Клыкъ подождалъ часъ, но затѣмъ принялся за ремень, какъ ножомъ

перерѣзалъ его зубами и черезъ десять секундъ оказался на свободѣ. Взглянувъ на фортъ и злобно зарычавъ, БѢЛЫЙ Клыкъ повернулся и побѣждалъ назадъ къ стойбищу Сѣраго Бобра. Онъ не считалъ себя обязаннымъ виноваться этому чужому, страшному богу. Онъ добровольно предалъ себя Сѣрому Бобру и считалъ себя принадлежащимъ только ему.

Но то, что произошло раньше, повторилось снова, съ нѣкоторой только разницей. Сѣрый Боберъ опять привязалъ его ремнемъ, и утромъ отвелъ его къ Смиту. Но вотъ тутъ-то и получилась разница. Красавецъ Смитъ задалъ ему жестокою порку. Крѣпко привязанный БѢЛЫЙ Клыкъ могъ только бессильно бѣсноваться. Его били кнутомъ и палкой, и такой жестокой порки ему не приходилось испытать за всю свою жизнь. Даже та порка, которую ему когда-то въ дѣтствѣ задалъ Сѣрый Боберъ, была ничто въ сравненіи съ этой.

Красавецъ Смитъ наслаждался своимъ жестокимъ дѣломъ. Онъ съ жадностью смотрѣлъ на свою жертву, и его глаза загорались злымъ огнемъ, когда онъ опускалъ дубину или кнутъ на Бѣлаго Клыка, съ наслажденіемъ прислушиваясь къ его жалобнымъ визгамъ, къ его вою и рычанію. Красавецъ Смитъ былъ жестокъ, какъ бываютъ жестоки лишь тусы. Унижаясь и раболѣпствуя передъ сильными, когда тѣ били или бранили его, онъ срывалъ свою злобу на существахъ болѣе слабыхъ, чѣмъ онъ. Всѣ любятъ власть, и Красавецъ Смитъ не составлялъ исключенія. Лишен-

ный власти надъ людьми, онъ потѣшался своею властью надъ животными и мстилъ имъ за свои униженія. Но Смитъ не самъ создалъ себя такимъ, поэтому его нельзя было винить. Онъ родился на свѣтъ съ исковерканнымъ тѣломъ и съ жестокой душой. Съ нимъ мѣръ тоже обходился не очень милостиво.

Бѣлый Клыкъ понялъ, за что его побили. Когда Сѣрый Боберъ привязалъ ремень вокругъ его шеи и передалъ конецъ его Красавцу Смигу, то Бѣлый Клыкъ понялъ, что его богъ хочетъ, чтобы онъ шелъ къ Смигу. И когда Смитъ привязалъ его возлѣ форта, то онъ зналъ, что Смитъ хочетъ, чтобы онъ тамъ оставался. Онъ не повиновался волѣ боговъ, и потому былъ наказанъ. Онъ уже раньше видѣлъ, что собаки переходили отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ, причемъ, когда онѣ убѣгали отъ новаго хозяина, то ихъ неизмѣнно били. Бѣлый Клыкъ былъ очень уменъ, но въ его натурѣ были черты сильнѣе его ума, и главной изъ нихъ была вѣрность. Онъ не любилъ Сѣраго Бобра; но, несмотря на его волю и на его гнѣвъ, онъ оставался вѣрнымъ ему. И это чувство было сильнѣе его. Вѣрность была главной чертой его породы; той чертой, которая отличала его отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ и которая дала возможность волку и дикой собакѣ явиться къ человѣку и стать его товарищемъ.

Послѣ порки, Бѣлаго Клыка потащили обратно въ фортъ. Но на этотъ разъ Красавецъ Смитъ привязалъ его къ палкѣ. Но вообще нелегко

отказаться отъ своего бога, и Бѣлому Клыку это тоже было нелегко сдѣлать. Сѣрый Боберъ былъ его собственнымъ, избраннымъ богомъ, и, несмотря на его желаніе, Бѣлый Клыкъ продолжалъ цѣпляться за него и никакъ не могъ отъ него отказаться. Сѣрый Боберъ измѣнилъ ему и отвергнулъ его, но это ничего не значило для него. Недаромъ же онъ отдался ему тѣломъ и душой. А разъ онъ отдался ему всецѣло, то узы, связывавшіе ихъ, нелегко было разорвать.

Поэтому ночью, когда люди въ фортѣ заснули Бѣлый Клыкъ принялся за палку, къ которой онъ былъ привязалъ. Палка была крѣпкая, сухая, и была привязана такъ близко къ его шеѣ, что онъ еле могъ достать ее зубами, круто повернувъ голову и сдѣлавъ сильное напряженіе. Нужно было огромное терпѣніе, чтобы въ теченіи многихъ часовъ разгрызть, наконецъ, палку. Собаки этого обыкновенно не дѣлали, такъ что это былъ совершенно непримѣрный случай. На зарѣ Бѣлый Клыкъ ушелъ изъ форта съ концомъ палки, висѣвшимъ на его шеѣ.

Онъ былъ уменъ. Но кромѣ ума въ немъ была сильна вѣрность, поэтому онъ снова вернулся къ предавшему его Сѣрому Бобру, чтобы быть преданнымъ въ третій разъ. Онъ опять позволилъ Сѣрому Бобру завязать ему ремень вокругъ шеи, и опять Красавецъ Смитъ пришелъ за нимъ. На этотъ разъ его побили еще сильнѣе, чѣмъ прежде,

Сѣрый Боберъ тупо глядѣлъ, какъ бѣлый чело-
вѣкъ мѣрно взмахивалъ кнутомъ. Онъ не всту-
пался за Бѣлаго Клыка, ибо онъ ему больше не
принадлежалъ. Бѣлаго Клыка избили до полу-
смерти. Нѣжная южная собака умерла бы отъ та-
кихъ побоевъ. Но онъ прошелъ суровую школу
жизни и былъ созданъ изъ необычайно крѣпкаго
матеріала. Онъ былъ невѣроятно выносливъ и
цѣпко держался за свою жизнь. Но онъ былъ еле
живъ. Вначалѣ онъ не могъ даже встать, и Кра-
савецъ Смитъ долженъ былъ ждать его цѣлыхъ
полчаса. А затѣмъ, ничего не видя предъ собою, онъ,
шатаясь, побрелъ за Смитомъ обратно въ фортъ.

Но на этотъ разъ его привязали уже на цѣпь,
которая не поддавалась его зубамъ, и онъ тщетно
пытался вырвать желѣзное кольцо изъ доски,
въ которую оно было ввинчено. Нѣсколько дней
спустя, отрезвившійся и раззорившійся Сѣрый
Боберъ отправился въ долгое путешествіе по рѣкѣ
Перкьюпайнъ до рѣки Маккэнзи, а Бѣлый Клыкъ
остался на Юконѣ въ рукахъ полусумасшедшаго
и жестокаго Смита. Но что могла знать собака
о сумасшествіи? Для Бѣлаго Клыка Красавецъ
Смитъ былъ истиннымъ, хотя и страшнымъ, богомъ.
Онъ, въ лучшемъ случаѣ, былъ сумасшедшимъ
богомъ, но Бѣлый Клыкъ не понималъ этого.
Онъ зналъ только, что онъ долженъ подчиниться
волѣ этого бога и исполнять каждый его капризъ
и каждую его прихоть.

ГЛАВА III.

Царство ненависти.

Пэпавъ подь начало сумасшедшаго бога, Бѣлый Клыкъ сталъ истиннымъ демономъ. Его держали на цѣпи, въ сараѣ, позади форта, и здѣсь Красавецъ Смитъ дразнилъ, злилъ и изводилъ его всяческими способами. Онъ очень скоро открылъ, насколько Бѣлый Клыкъ чувствителенъ къ смѣху, и никогда не забывалъ, измучивъ его, посмѣяться надъ нимъ. Онъ громко, отвратительно хохоталъ, издѣваясь надъ Бѣлымъ Клыкомъ. Въ такія минуты разумъ совершенно покидалъ несчастную собаку, и она, въ своей дикой ярости, казалась даже болѣе безумной, чѣмъ ея хозяинъ.

Прежде Бѣлый Клыкъ былъ только врагомъ своего племени, хотя и врагомъ жестокимъ. По теперъ онъ сталъ заклятымъ врагомъ всей вселенной. Онъ былъ до такой степени измученъ, что ненавидѣлъ слѣпо все, безъ разбора и безъ смысла. Онъ ненавидѣлъ цѣпь, которой былъ привязанъ; ненавидѣлъ людей, глядѣвшихъ на него сквозь щели сарая; ненавидѣлъ собакъ, сопровождавшихъ людей и злобно рычавшихъ на него. Онъ

ненавидѣлъ самое дерево, изъ котораго былъ сдѣланъ его сарай. Но прежде всего и больше всего онъ ненавидѣлъ Красавца Смита.

Но красавецъ Смитъ преслѣдовалъ опредѣленную цѣль, продѣлывая все это надъ Бѣлымъ Клыкомъ. Однажды, вокругъ его сарая собралось нѣсколько человѣкъ. Въ него вошелъ Красавецъ Смитъ съ палкой въ рукѣ и снялъ цѣпь съ шеи Бѣлаго Клыка. Какъ только хозяинъ вышелъ, Бѣлый Клыкъ сталъ прыгать по сараю, стараясь добраться до людей, стоявшихъ за его стѣнами. Онъ былъ великолѣпенъ въ своей ярости. Онъ былъ длиною въ пять футовъ и вышиною въ два съ половиной и вѣсилъ гораздо больше, чѣмъ волкъ соотвѣтствующей величины. Отъ своей матери онъ унаслѣдовалъ болѣе тяжелыя, собачьи формы, и вѣсилъ свыше девяноста фунтовъ, при чемъ въ немъ совершенно не было жира. Онъ былъ сотканъ изъ однихъ мускуловъ, костей и сухожилий, представляя собой превосходный боевой организмъ, находившійся въ отличномъ состоянii.

Дверь сарая снова открылась. Бѣлый Клыкъ замеръ. Готовилось что-то необыкновенное. Онъ ждалъ; дверь открылась больше, въ сарай втокнули огромную собаку и дверь захлопнулась. Бѣлый Клыкъ никогда не видалъ подобной собаки (это былъ водолазъ), но размѣръ и свирѣпый видъ непрошеннаго гостя нисколько не смущали его. Наконецъ, передъ нимъ было не дерево и не желѣзо, и онъ могъ сорвать свою злость на

живомъ существѣ! Онъ бросился съ обнаженными клыками на водолаза и разорвалъ ему шею. Водолазъ мотнулъ головой, хрипло зарычалъ и кинулся на Бѣлаго Клыка. Но БѢЛЫЙ Клыкъ былъ то здѣсь, то тамъ, всегда ускользая отъ нападенія, чтобы тотчасъ же самому напасть и, хвативъ клыкомъ, мигомъ отскочить.

Люди, стоявшіе за рѣшеткой, кричали и аплодировали, а Красавецъ Смитъ былъ въ какомъ-то экстазѣ и съ жадностью слѣдилъ за кровавой работой Бѣлаго Клыка. Съ самаго начала было ясно, что для водолаза нѣтъ надежды. Онъ былъ слишкомъ тяжелъ и неповоротливъ. Въ концѣ концовъ, Красавецъ Смитъ отогналъ Бѣлаго Клыка дубиной, а водолаза его владѣлецъ вытащилъ изъ сарая. Затѣмъ пари было уплачено и въ рукахъ Смита зазвенѣли деньги.

Съ той поры БѢЛЫЙ Клыкъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы люди снова собрались вокругъ его сарая. Это всегда означало, что будетъ борьба, то есть тотъ случай, когда ему давалась возможность дать выходъ накопившейся въ немъ энергіи. Измученный, ненавидящій весь міръ, плѣнникъ могъ излить свою злобу только тогда, когда хозяинъ впускалъ къ нему собаку. Красавецъ Смитъ хорошо оцѣнилъ его силы, ибо онъ всегда являлся побѣдителемъ. Однажды къ нему впустили трехъ собакъ по очереди, а въ другой разъ въ дверь конуры былъ втолкнуть большой, недавно пойманный, волкъ; а еще разъ на него напустили

двухъ собакъ сразу. Это была самая страшная битва, и хотя онъ, въ концѣ концовъ, убилъ ихъ обѣихъ, но зато самъ онъ послѣ битвы былъ полумертвъ отъ полученныхъ ранъ.

Осенью того же года, когда выпалъ первый снѣгъ и по рѣкѣ поплыло сало, Красавецъ Смитъ взялъ для себя и для Бѣлаго Клыка билеты на пароходъ, отправлявшійся вверхъ по Юкону, въ Даусонъ. Бѣлый Клыкъ уже приобрѣлъ громкую извѣстность. Онъ былъ извѣстенъ всюду подъ именемъ «Боеваго Волка», и его клѣтка на пароходѣ постоянно осаждалась любопытными. Онъ приходилъ въ ярость, рычалъ на нихъ, или съ холодной ненавистью изучалъ ихъ. Почему онъ такъ ненавидѣлъ ихъ? Онъ никогда не задавалъ себѣ этого вопроса. Онъ просто ихъ ненавидѣлъ и со страстью отдавался ненависти. Жизнь стала для него адомъ. Онъ не былъ созданъ для жизни въ заключеніи, которому люди подвергали дикихъ животныхъ. И, кромѣ того, люди цѣлый день глазѣли на него, тыкали въ него палками, чтобы заставить его рычать, и смѣялись надъ нимъ.

Въ такой обстановкѣ онъ становился все свирѣпѣе и свирѣпѣе; гораздо свирѣпѣе, чѣмъ онъ долженъ былъ быть отъ природы. Природа дала ему способность приспособляться. Гдѣ другое животное давно умерло бы, или пришло въ отчаянье, онъ приспособлялся и жилъ и ничуть не отчаивался. Возможно, что Красавцу Смигу, его врагу и мучителю, и удалось бы въ концѣ концовъ сло-

мить его гордый духъ; но пока не было никакихъ признаковъ этого.

Если въ Красавцѣ Смитѣ и жилъ дьяволъ, то такой же дьяволъ жилъ и въ Бѣломъ Клыкѣ; и оба эти дьявола безпрестанно бѣсились одинъ на другого. Въ прежнее время Бѣлый Клыкъ былъ настолько разсудителенъ, что смирялся и подчинялся человѣку съ дубиной; но теперь эта разсудительность покинула его. Достаточно было появленія Красавца Смита, чтобы довести его до крайнихъ предѣловъ бѣшенства. И когда они сцѣплялись и Смитъ отгонялъ его дубиной, Бѣлый Клыкъ отступалъ, но продолжалъ рычать и оскаливать зубы. Его нельзя было заставить не рычать; какъ бы жестоко его ни побили, онъ все же продолжалъ рычать, и когда Смитъ наконецъ удалялся, то Бѣлый Клыкъ рычалъ ему вдогонку, или бросался на рѣшетку своей клѣтки, яростно выражая свою безграничную ненависть.

Когда пароходъ прибылъ въ Даусонъ, Бѣлый Клыкъ былъ взятъ на берегъ; но онъ продолжалъ еще сидѣть въ тѣсной клѣткѣ, которую постоянно окружали любопытные. Его показывали публикѣ, какъ «Боевого Волка», и люди платили пятьдесятъ центовъ злымъ пескомъ, чтобы посмотрѣть на него. Ему не давали ни минуты покоя. Если онъ ложился спать, то его тотчасъ же будили заостренной палкой, чтобы дать зрителямъ то удовольствіе, за которое они заплатили. Для того, чтобы зрѣлище было интереснѣе, его постоянно

поддерживали въ состояніи бѣшенства. Но хуже всего была атмосфера, въ которой онъ жилъ. На него смотрѣли, какъ на самое страшное изъ всѣхъ дикихъ животныхъ, и это отношеніе всегда подчеркивалось. Каждое слово, каждое осторожное движеніе со стороны людей доказывало ему, что его считаютъ страшнымъ, неукротимымъ существомъ. Въ результатъ этого, его свирѣлость еще усиливалась. Это было новымъ доказательствомъ его приспособляемости. Онъ измѣнялся сообразно съ окружающею обстановкой.

Кромѣ того, что его выставляли напоказъ, онъ еще выступалъ какъ профессиональный боецъ. Каждый разъ, когда можно было устроить бой, его выпускали изъ клѣтки и вели въ лѣсъ за нѣсколько миль отъ города. Обыкновенно это дѣлалось ночью, чтобы избѣжать вмѣшательства конной полиціи Сѣверо-Западной Территоріи. Нѣсколько часовъ спустя, когда начинало свѣтать, приходила публика съ той собакой, съ которой онъ долженъ былъ драться. Такимъ образомъ, ему пришлось драться съ собаками всевозможныхъ породъ и размѣровъ. Страна была дикая и люди были дикіе, поэтому эти бои всегда кончались смертью.

Но Бѣлый Клыкъ продолжалъ драться; слѣдовательно умирали его противники. Онъ никогда не зналъ пораженія. Его ранняя тренировка, въ борьбѣ съ Липъ - Липомъ и со всей стаей щенятъ, послужила ему хорошую службу. Онъ всегда

крѣпко держался на ногахъ. Ни одной собацѣ никогда не удалось свалить его. Любимымъ приемомъ всѣхъ собакъ волчьяго происхожденія было кидаться на врага, по возможности неожиданно и сзади, чтобы сбить его съ ногъ. Полярныя собаки съ рѣки Маккензи, эскимосскія, лабрадорскія собаки, волкодавы—всѣ пробовали этотъ приемъ, но безуспѣшно. Люди ждали, что когда-нибудь его все-таки сшибутъ, но БѢЛЫЙ Клыкъ неизмѣнно разочаровывалъ ихъ.

Однимъ изъ его главныхъ преимуществъ надъ противниками являлась необыкновенная быстрота его нападеній. Даже самымъ опытнымъ собакамъ никогда не приходилось встрѣчать такого увертливаго и быстрого противника. Онъ разилъ совершенно неожиданно, внезапно, какъ молнія. Обыкновенно собаки, передъ тѣмъ какъ сцѣпиться, рычатъ, ворчатъ и ощетиниваются. Но БѢЛЫЙ Клыкъ сбивалъ ихъ съ ногъ и убивалъ раньше, чѣмъ онѣ успѣвали вступить въ бой и опомниться отъ изумленія. Это случалось такъ часто, что пришлось удерживать Бѣлаго Клыка, пока другая собака кончала свои предварительныя дѣйствія и была готова вступить въ бой, или даже сама дѣлала первое нападеніе.

Но самое большое преимущество Бѣлаго Клыка заключалось въ его огромной опытности. Онъ такъ много дрался, что зналъ всѣ приемы и методы своихъ соперниковъ, и, кромѣ того, у него были

свои собственные приемы и методы, лучше которыхъ врядъ ли можно было придумать.

Но по мѣрѣ того, какъ время шло, Бѣлый Клыкъ боролся все рѣже и рѣже. Люди отчаивались найти ему достойнаго соперника, и Красавецъ Смитъ принужденъ былъ выпускать противъ него волковъ. Индѣйцы специально для этого ловили ихъ капканами. И борьба между Бѣлымъ Клыкомъ и волкомъ всегда привлекала огромную толпу. Однажды удалось достать взрослую рысь самку, и Бѣлому Клыку пришлось бороться за свою жизнь. Ея быстрота не уступала его быстротѣ. Ея свирѣпость равнялась его свирѣпости; но, въ то время, какъ онъ боролся одними клыками, она кромѣ того пускала въ ходъ и свои острые когти. Но послѣ рыси, всякая борьба для Бѣлаго Клыка прекратилась. Больше ужъ нельзя было найти подходящихъ животныхъ для борьбы съ нимъ. Поэтому его выставляли на показъ до весны, а весной явился въ страну Тимъ-Кинанъ, а съ нимъ первый бульдогъ когда-либо появлявшійся на Клондайкѣ. Этотъ бульдогъ неизбежно долженъ былъ помѣряться съ Бѣлымъ Клыкомъ, и цѣлую недѣлю въ городѣ только и говорили, что о предстоящемъ боѣ.

ГЛАВА IV.

Мертвая хватка.

Красавецъ Смитъ снялъ цѣпь съ его шеи и отступилъ назадъ.

Но на этотъ разъ Бѣлый Клыкъ не спѣшилъ броситься въ атаку. Онъ стоялъ неподвижно, настороживъ уши и съ любопытствомъ разглядывалъ странное животное, находившееся передъ нимъ. Онъ никогда раньше не видалъ подобной собаки. Тимъ-Кинанъ толкнулъ впередъ бульдога и сказалъ: «Возьми его!» Приземистое, уродливое животное проковыляло до центра арены и, моргая глазами, остановилось противъ Бѣлаго Клыка.

Изъ толпы раздались поощрительные возгласы: «Возьми его, Чероки! Куси его, Чероки! Съѣшь его!»

Но Чероки, повидимому, совершенно не былъ расположенъ драться. Онъ повернулъ голову и, моргая глазами, посмотрѣлъ на кричавшихъ людей, въ то же время добродушно помахивая хвостомъ. Онъ нисколько не боялся, но ему было лѣнь драться. Кромѣ того, онъ, повидимому, не думалъ, что ему непременно нужно будетъ драться

съ стоявшей передъ нимъ собакой. Онъ не привыкъ драться съ подобными собаками и ждалъ, чтобы ему привели настоящую.

Тимъ-Кинанъ вступилъ въ кругъ, и, наклонившись надъ Чероки, сталъ обѣими руками тереть его противъ шерсти и въ то же время подталкивать впередъ. Это ужъ ясно указывало ему, что надо дѣлать, и, кромѣ того, само по себѣ раздражало, и Чероки сталъ потихоньку ворчать. Было какое-то соотношеніе въ ритмѣ между ворчаніемъ и дѣйствіями рукъ человѣка. Ворчаніе подымалось въ горлѣ и доходило до своего высшаго предѣла, когда рука шла противъ шерсти, и утихало, когда она шла обратно.

Это рычанье, конечно, произвело свое дѣйствіе на Бѣлаго Клыка. Шерсть его стала дыбомъ на шеѣ и на спинѣ. Тимъ-Кинанъ далъ послѣдній толчекъ бульдогу и отступилъ. Чероки бросился впередъ на своихъ быстрыхъ, кривыхъ ногахъ. Тогда Бѣлый Клыкъ бросился на него. У зрителей вырвался крикъ восхищенія. Онъ перепрыгнулъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ соперника, съ быстротою скорѣй кошки, чѣмъ собаки, и съ тѣмъ же кошачьимъ проворствомъ нанесъ ему ударъ клыками и мигомъ отскочилъ.

У бульдога заструилась кровь изъ уха и изъ складокъ его толстой шеи, но онъ даже не зарычалъ, а, повернувъ, побѣждалъ за Бѣлымъ Клыкомъ. Достоинства обѣихъ собакъ, изъ которыхъ за одной была ловкость и проворство, а за другой

упорство, вызвали въ толпѣ огромное возбужденіе, и зрители стали заключать новыя пари и повышать ставки. БѢЛЫЙ Клыкъ нѣсколько разъ кидался на бульдога, кусалъ его и отскакивалъ невредимымъ, но его странный врагъ продолжалъ бѣжать за нимъ, не слишкомъ скоро и не слишкомъ медленно, а спокойно, рѣшительно и дѣловито.

Онъ, повидимому, преслѣдовалъ опредѣленную цѣль, которую рѣшилъ во что бы то ни стало достигнуть и ничто не могло сбить его съ пути. Всѣ его движенія выражали это упорное намѣреніе. БѢЛЫЙ Клыкъ былъ озадаченъ. Онъ никогда не видалъ подобной собаки. Кожа ея не была защищена шерстью и ее нетрудно было разорвать зубами. Когда онъ хваталъ ее зубами, мягкое тѣло не оказывало сопротивленія, а животное, какъ будто, не въ состояніи было защищаться. Не мало поражало Бѣлаго Клыка и то, что эта собака не визжала, какъ это дѣлали другія, съ которыми ему приходилось драться. Бульдогъ переносилъ свои страданія почти молча, только изрѣдка глухо ворчалъ и не переставалъ итти по пятамъ за Бѣлымъ Клыкомъ.

Но Чероки вовсе не былъ неповоротливъ. Онъ могъ и оборачиваться и нападать довольно быстро, но БѢЛЫЙ Клыкъ всегда ускользывалъ отъ него. Чероки былъ тоже озадаченъ. Онъ никогда еще не дрался съ собакой, съ которой нельзя было сцѣпиться. Желаніе сцѣпиться обыкновенно было обоюдное. Но вотъ теперь передъ нимъ была со-

бака, которая все время держалась на разстояніи, прыгая съ мѣста на мѣсто и ускользя отъ его зубовъ. А, когда она вцѣплялась въ него зубами, то не держалась за него, а тотчасъ же отпускала его и отскакивала.

Но Бѣлый Клыкъ никакъ не могъ добраться до горла своего противника. Бульдогъ былъ слишкомъ низкаго роста, и его массивныя челюсти служили ему защитой. Бѣлый Клыкъ продолжалъ бросаться и отскакивать безъ единой ранки, а количество ранъ у Чероки все увеличивалось. Шея и голова его были истерзаны и изъ ранъ струилась кровь; но это, повидимому, нисколько не смущало его. Онъ продолжалъ свое упорное преслѣдованіе, и только однажды, сбитый съ толку, остановился и, моргая удивленными глазами, посмотрѣлъ на людей, повиливая въ то же время обрубкомъ хвоста въ знакъ того, что онъ готовъ продолжать драться.

Въ этотъ моментъ на него наскочилъ Бѣлый Клыкъ и, оторвавъ ему остатокъ уха, снова отскочилъ. Слегка разсердившись, Чероки опять началъ свое преслѣдованіе, слѣдуя внутри круга, который описывалъ Бѣлый Клыкъ, и стараясь вцѣпиться мертвой хваткой въ шею Бѣлаго Клыка. Но бульдогъ и на этотъ разъ промахнулся, хотя былъ уже на волоскѣ отъ своей цѣли, и вызвалъ крики восторга со стороны толпы; Бѣлый Клыкъ снова отскочилъ на противоположную сторону арены.

Время шло. БѢЛЫЙ Клыкъ продолжалъ плясать, прыгать и извиваться, постоянно нанося удары; а бульдогъ попрежнему съ мрачной увѣренностью бѣжалъ за нимъ. Рано или поздно онъ долженъ былъ добиться цѣли и, вцѣпившись въ горло врага, одержать побѣду; а пока онъ терпѣливо переносилъ всѣ пораненія, причиняемыя ему противникомъ. Остатки его ушей превратились въ пучки бахромъ, а шея и плечи были прокушены въ двадцати мѣстахъ, и даже губы его были разорваны молніеносными нападеніями, которыхъ нельзя было предвидѣть, и отъ которыхъ нельзя было уберечься.

БѢЛЫЙ Клыкъ нѣсколько разъ пытался сбить Чероки съ ногъ. Но разница въ ихъ ростѣ была очень велика. Чероки былъ слишкомъ коренастъ и преземистъ. Наконецъ, БѢЛЫЙ Клыкъ, воспользовавшись моментомъ, когда голова Чероки была повернута въ другую сторону и плечо его было незащищено, бросился впередъ; но самъ онъ былъ сравнительно съ Чероки такъ великъ, и кинулся онъ съ такой стремительностью, что, не встрѣтивъ достаточнаго сопротивленія, онъ пролетѣлъ по инерціи черезъ тѣло своего противника. Въ первый разъ за всю свою боевую жизнь онъ потерялъ равновѣсіе. Тѣло его сдѣлало сальтомортале въ воздухѣ, и онъ упалъ бы на спину, если бы по-кошачьи не перевернулся въ воздухѣ, стараясь упасть на ноги. Но это ему не удалось, и онъ упалъ на бокъ. Въ слѣдующій моментъ онъ вско-

чиль, но Чероки уже успѣлъ схватить его за горло.

Хватка вышла неудачной, потому что онъ вцѣпился слишкомъ низко, у самой груди. Но онъ продолжалъ цѣпко держаться. Бѣлый Клыкъ вскочилъ на ноги и сталъ въ изступленіи носиться по кругу, пытаясь стряхнуть съ себя тѣло бульдога, связывавшее его движенія. Этотъ грузъ напоминать собою капканъ, и всѣ его инстинкты возмущались противъ него. Это было дикое, неистовое возмущеніе. На нѣсколько минутъ онъ совершенно потерялъ рассудокъ. Имъ овладѣла безумная жажда жизни. Разумъ угасъ. Онъ былъ ослѣпленъ желаніемъ своего тѣла жить и двигаться во что бы то ни стало, ибо только въ свободномъ движеніи проявляется жизнь.

Онъ дѣлалъ кругъ за кругомъ, вертясь изъ стороны въ сторону, чтобы сбросить съ себя пятидесятифунтовый вѣсъ, висѣвшій у него на шеѣ. Бульдогъ не дѣлалъ ничего, онъ только не разжималъ зубовъ. Иногда, хотя и рѣдко, ему удавалось касаться ногами земли и оказывать Бѣлому Клыку нѣкоторое противодѣйствіе. Но въ слѣдующее мгновеніе онъ снова терялъ почву подъ ногами и снова кружился вмѣстѣ съ Бѣлымъ Клыкомъ. Чероки дѣлалъ то, что подсказывалъ ему инстинктъ. Онъ зналъ, что онъ дѣлаеть нужное дѣло, и моментами даже испытывалъ удовлетвореніе. Въ такіе моменты онъ даже закрывалъ глаза и не обращалъ вниманія на то, что его тѣло носи-

лось туда и сюда, причиняя ему боль. Это было неважно. Важно было держаться за горло противника, и онъ держался.

БѢЛЫЙ Клыкъ остановился только тогда, когда совершенно выбился изъ силъ. Онъ ничего не могъ больше сдѣлать и ничего не понималъ. Никогда еще съ нимъ не случилось ничего подобнаго. Собаки, съ которыми онъ до сихъ поръ дрался, никогда не прибѣгали къ такимъ приемамъ. По отношенію къ нимъ его манера драться была дѣйствительнѣе. На нихъ можно было бросаться, можно было кусать ихъ и снова отскакивать. Онъ приникъ къ землѣ и тяжело дышалъ. Чероки, продолжавшій держать его, навалился на него, стараясь совсѣмъ свалить его на бокъ. БѢЛЫЙ Клыкъ сопротивлялся и чувствовалъ, что челюсти бульдога быстро разжимаются и сжимаются, словно жуя, и такимъ образомъ все ближе и ближе подвигаются къ его горлу. Система бульдогас остояла въ томъ, чтобы держаться за то, что приобрѣтено, а когда представлялась возможность, то приобрѣтать больше. И вотъ теперь, когда БѢЛЫЙ Клыкъ оставался неподвижнымъ, возможность эта появилась.

Выпуклая спина Чероки была единственнымъ мѣстомъ его тѣла, куда могли достать зубы БѢлаго Клыка. И онъ нѣсколько разъ кусалъ ее; но онъ не имѣлъ понятія о мертвой хваткѣ, да и челюсти его не были приспособлены къ ней. Онъ только судорожно хваталъ ее зубами, разрывая и снова

выпускалъ. Но вдругъ бульдогу удалось свалить его на спину и, не выпуская его горла, стать надъ нимъ. Бѣлый Клыкъ, какъ кошка, подогнулъ заднія ноги и сталъ когтями разрывать брюхо врага. Брюхо Чероки навѣрное было бы распорото, если бы онъ быстро не отскочилъ въ сторону и не сталъ подъ прямымъ угломъ къ Бѣлому Клыку, ни на минуту не выпуская его горла.

Избавиться отъ этой хватки было совершенно невозможно. Она была безжалостна, какъ сама судьба. Она медленно подбиралась все выше и выше къ его шейной артеріи. Бѣлаго Клыка спасали только складки кожи на его шеѣ, покрытыя толстымъ мѣхомъ, образовавшія во рту Чероки довольно большой валикъ. Но мало-по-малу, когда представлялся случай, Чероки забиралъ въ ротъ все больше и больше складокъ кожи. Въ результатѣ, Бѣлый Клыкъ началъ задыхаться. Съ каждой минутой ему становилось все труднѣе и труднѣе втягивать въ себя воздухъ.

По всѣмъ видимостямъ борьба была окончена. Поставившіе деньги за Чероки были въ восторгѣ и предлагали совершенно смѣхотворные пари. Поставившіе за Бѣлаго Клыка были, наоборотъ, удручены, и отказывались отъ пари въ десять противъ одного и въ двадцать противъ одного; но нашелся среди нихъ одинъ, который всетаки рѣшился принять пари въ пятьдесятъ противъ одного. Это былъ Красавецъ Смитъ. Онъ подошелъ къ аренѣ и, указывая пальцемъ на Бѣлаго Клыка,

сталъ хохотать насмѣшливо и злобно. Это произвело желанный эффектъ. БѢЛЫЙ Клыкъ вдругъ словно взбѣсился. Онъ собралъ весь остатокъ силъ и вскочилъ на ноги. Затѣмъ онъ снова началъ мчаться по аренѣ съ висѣвшимъ у его горла пятидесятифунтовымъ грузомъ. Инстинктъ жизни снова проснулся въ немъ, и онъ совершенно потерялъ голову. Онъ мчался и мчался, спотыкаясь, падая и снова вставая; иногда онъ даже подымался на заднія лапы, поднимая высоко въ воздухѣ своего врага. Но все было напрасно; тотъ былъ цѣпокъ, какъ сама смерть.

Наконецъ, совершенно выбившись изъ силъ, онъ упалъ на спину, а бульдогъ быстро сталъ подбираться къ его горлу, забирая въ ротъ все больше кожи и шерсти. Раздались апплодисменты и возгласы: «Чероки! Чероки!» На что Чероки отвѣчалъ виляніемъ обрубка своего хвоста. Но крики одобренія нисколько не отвлекали его. Между движеніями его хвоста и челюстей не было никакого соотношенія. Хвостъ могъ вилять, а челюсти продолжали держаться мертвой хваткой за горло БѢлаго Клыка. Въ это время вниманіе зрителей было отвлечено въ другую сторону. Вдругъ раздался звонъ колокольчиковъ и послышались крики погонщиковъ собакъ. Всѣ, кромѣ Красавца Смита, испуганно переглянулись, боясь появленія полиціи. Но тутъ они увидѣли, что двое людей, шедшіе рядомъ съ собаками, идутъ не изъ города, а въ городъ. Очевидно они возвращались

изъ какой-нибудь развѣдочной поѣздки. Увидавъ толпу, они остановили собакъ и подошли посмотрѣть въ чемъ дѣло. У погонщика были усы, но другой—высокій молодой человѣкъ—былъ гладко выбритъ, и щеки его ярко рдѣли отъ мороза.

Бѣлый Клыкъ уже совершенно пересталъ бороться. Отъ времени до времени онъ судорожно сопротивлялся, но это ни къ чему не вело. Онъ съ трудомъ втягивалъ воздухъ, но и этотъ притокъ воздуха становился меньше и меньше, такъ какъ беспощадная хватка сжимала все сильнѣе. Несмотря на толщину его мѣха, бульдогъ давно бы разорвалъ шейную артерію, если бы онъ съ самаго начала не ухватился слишкомъ низко, и Чероки нужно было много времени, чтобы подобраться выше, тѣмъ болѣе, что валикъ изъ кожи и шерсти, который онъ держалъ во рту, становился все больше и больше.

Между тѣмъ, въ мрачной душѣ Красавца Смита проснулся страшный звѣрь, и отнял у него послѣдніе остатки разума. Когда онъ замѣтилъ, что глаза БѣлагоКлыка становятся стеклянными, онъ уже больше не сомнѣвался въ томъ, что битва проиграна. Тогда онъ, сорвавшись съ мѣста, подскочилъ къ Бѣлому Клыку и сталъ жестоко бить и топтать его ногами. Изъ толпы раздались возгласы возмущенія. Смитъ продолжалъ топтать Бѣлаго Клыка; но въ это время въ толпѣ произошло замѣшательство. Высокій молодой человѣкъ, только что прибывшій съ санями, сталъ

безъ всякой церемоніи расталкивать толпу. Когда, прорвавшись наконецъ сквозь плотное кольцо людей, онъ вышелъ въ кругъ, Красавецъ Смитъ какъ разъ собирался еще разъ ударить Бѣлаго Клыка. Онъ стоялъ поднявъ ногу и былъ поэтому въ неустойчивомъ равновѣсіи. Въ этотъ моментъ незнакомецъ размахнулся и съ необычайной силой ударилъ его кулакомъ по лицу. Нога Смита, стоявшая на землѣ, тоже подскочила въ воздухъ, и его тѣло, перекувырнувшись, полетѣло въ снѣгъ. Затѣмъ молодой человѣкъ съ негодованіемъ обратился къ толпѣ.

— Подлецы!—крикнулъ онъ.—Скоты!

Онъ весь дрожалъ отъ гнѣва, и его сѣрые, съ металлическимъ отблескомъ глаза, метали искры. Красавецъ Смитъ поднялся на ноги и подошелъ къ нему, трусливо сопя. Но незнакомецъ, не подозревая, что имѣетъ дѣло съ отчаянными трусомъ, подумалъ, что тотъ хочетъ драться, поэтому съ возгласомъ: «ахъ, скотина!», онъ снова ударомъ кулака по лицу свалилъ Смита въ снѣгъ. Тогда Смитъ рѣшилъ, что то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, самое для него безопасное, и больше не дѣлалъ никакихъ попытокъ встать.

— Подите сюда, Матъ; помогите мнѣ,—сказалъ молодой человѣкъ погонщику, въ свою очередь подошедшему къ кругу.

Оба наклонились надъ собаками. Матъ схватилъ Бѣлаго Клыка, чтобы оттащить его, какъ только челюсти Чероки разомкнутся. Молодой

человѣкъ попытался разжать руками челюсти бульдога. Но его старанія были напрасны; при этомъ онъ не переставалъ приговаривать: «Скоты! Скоты!»

Толпа стала волноваться, и нѣкоторые протестовали, что имъ портятъ удовольствіе; но они замолчали, когда незнакомецъ поднялъ голову и гнѣвно взглянулъ на нихъ.

— Ахъ, проклятые скоты!—крикнулъ онъ еще разъ и снова принялся за свою работу.

— Это напрасно, м-ръ Скоттъ; вы никогда не оттащите ихъ такимъ образомъ,—сказалъ, наконецъ, Мать.

Оба молча поглядѣли на сцѣпившихся собакъ.

— Крови пока вышло немного,—сказалъ Мать.

— Онъ еще не перегрызъ вены.

— Но онъ можетъ перегрызть ее каждый моментъ,—отвѣтилъ Скоттъ.—Смотрите. Видите? Онъ подбирается все ближе и ближе.

Волненіе молодого человѣка и опасеніе его за участь Бѣлаго Клыка все росли. Онъ изо всѣхъ силъ ударилъ нѣсколько разъ Чероки по головѣ. Но тотъ нисколько не разжалъ челюстей. Онъ только помахалъ хвостомъ въ знакъ того, что онъ понимаетъ, что значать эти удары, и что онъ знаетъ что онъ правъ, ибо только исполняетъ свою обязанность.

— Не поможетъ ли кто-нибудь изъ васъ?—вскричалъ Скоттъ, въ отчаяніи обращаясь къ толпѣ.

Но никто не выразилъ желанія помочь. Вмѣсто

этого толпа стала смѣяться надъ нимъ и осыпать его шутками и насмѣшками.

— Надо достать какой-нибудь рычагъ,—сказала Мать.

Молодой человекъ вытащилъ изъ кобуры револьверъ и сталъ пытаться просунуть его дуло между челюстями бульдога. Было слышно, какъ сталъ скрипитъ объ сомкнутые зубы собаки. Тогда въ кругъ вступилъ Тимъ-Кинанъ. Онъ остановился возлѣ Скотта и, дотронувшись до его плеча, угрожающе сказалъ:

— Послушайте, незнакомецъ; смотрите не поломайте ему зубы!

— Если такъ, то я ему сломаю шею,—отвѣтилъ Скоттъ, продолжая засовывать между челюстями собаки дуло револьвера.

— Не ломайте ему зубы, я вамъ говорю!—повторилъ хозяинъ бульдога еще болѣе грозно.

Но его тонъ ничуть не подѣйствовалъ на Скотта. Онъ продолжалъ свою работу, и, холодно взглянувъ на Кинана, спросилъ:

— Это ваша собака?

Тотъ утвердительно кивнулъ головой.

— Тогда подите сюда и разожмите ей челюсти.

— Вотъ что, незнакомецъ,—сказалъ Тимъ съ раздраженіемъ.—Не я выдумалъ эту хватку, поэтому я не знаю, какъ ее прекратить.

— Въ такомъ случаѣ убирайтесь отсюда и не мѣшайте мнѣ! Я занятъ!

Тимъ-Кинанъ продолжалъ стоять надъ нимъ,

но Скоттъ не обращалъ на него никакого вниманія. Ему удалось уже просунуть дуло револьвера съ одной стороны. Теперь онъ пытался просунуть его дальше, насквозь. Сдѣлавъ это, онъ сталъ осторожно раздвигать челюсти бульдога, а Мать такъ же осторожно мало-по-малу освобождалъ шею Бѣлаго Клыка.

— Подойдите, чтобы удержать свою собаку!— приказалъ Скоттъ хозяину Чероки.

Тотъ послушно нагнулся и схватилъ бульдога.

— Ну, теперь тащите!—скомандовалъ Скоттъ, давая послѣдній толчекъ.

Собакъ разъединили. Но бульдогъ отчаянно боролся.

— Унесите его,—приказалъ Скоттъ; и Тимъ-Кинанъ утащилъ Чероки обратно въ толпу.

Бѣлый Клыкъ сдѣлалъ нѣсколько безплодныхъ усилій подняться на ноги. Однажды это ему удалось, но ноги его были еще слишкомъ слабы, и онъ снова медленно опустился на снѣгъ. Глаза его были полуоткрыты, съ стекляннѣмъ блескомъ, пасть была открыта, и языкъ свисалъ изъ нея грязный и неподвижный. По виду онъ былъ совсѣмъ похожъ на задушенную собаку. Мать внимательно осмотрѣлъ его.

— Чуть чуть не околѣлъ,—объявилъ онъ.— Но дышетъ онъ хорошо.

Въ это время Красавецъ Смитъ поднялся на ноги и подошелъ посмотрѣть на Бѣлаго Клыка.

— Мать, сколько стоитъ хорошая упряжная собака?—спросилъ Скоттъ.

Погонщикъ, стоявшій на колѣняхъ надъ БѢлымъ Клыкомъ, сталъ соображать.

— Триста долларовъ,—отвѣтилъ онъ.

— А сколько можно дать за собаку до такой степени изуродованную, какъ эта: — спросилъ Скоттъ, толкая ногой БѢлаго Клыка.

— Половину,—рѣшилъ погонщикъ.

Скоттъ обратился къ Красавцу Смигу.

— Вы слышали, господинъ Звѣрь? Я возьму у васъ собаку и дамъ за нее сто пятьдесятъ долларовъ.

Онъ открылъ свой бумажникъ и отсчиталъ деньги.

Красавецъ Смигъ заложилъ руки за спину, отказываясь прикоснуться къ предлагаемымъ ему деньгамъ.

— Эта собака не продается!—сказалъ онъ.

— О, да, вы ее продадите!—увѣренно сказалъ Скоттъ.—Во всякомъ случаѣ я ее покупаю. Вотъ ваши деньги, а собака моя!

Смигъ, продолжая держать руки за спиной, пятился назадъ.

Скоттъ подбѣжалъ къ нему и занесъ кулакъ надъ его головой. Смигъ съежился.

— Это собака моя по праву,—жалобно захныкалъ онъ.

— Вы потеряли свои права на нее—раздался отвѣтъ.—Возьмете вы эти деньги, или нѣтъ? Или придется еще разъ ударить васъ?

— Хорошо, — испуганно сказалъ Красавецъ Смитъ. — Но, принимая деньги, я протестую противъ этого насилія, — прибавилъ онъ. — Эта собака цѣлый кладъ, и я не желаю, чтобы меня грабили. У всякаго человѣка есть свои права.

— Вѣрно, — отвѣтилъ Скоттъ, передавая ему деньги. — У всякаго человѣка есть свои права, но вы не человѣкъ, а звѣрь!

— Вотъ погодите, мы встрѣтимся въ Даусонѣ, — пригрозилъ красавецъ Смитъ. — Тамъ на васъ найдется управа!

— Если вы только пикнете, когда вернетесь въ Даусонъ, то васъ выгонять изъ города. Поняли?

Смитъ что-то забормоталъ.

— Поняли? — снова загремѣлъ на него Скоттъ.

— Да, — пробормоталъ Смитъ, отступая въ сторону.

— Берегитесь! Онъ васъ укуситъ! — крикнулъ кто-то, и изъ толпы раздался взрывъ смѣха.

Скоттъ повернулся спиной къ нимъ и подошелъ къ погонщику, который все еще возился съ Бѣлымъ Клыкомъ.

Нѣкоторые изъ зрителей уже уходили; другіе стояли кучками и разговаривали. Тимъ-Кинанъ подошелъ къ одной изъ группъ.

— Что это за субъектъ? — спросилъ онъ.

— Видонъ Скоттъ, — отвѣтилъ кто-то.

— А кто же, чортъ возьми, этотъ Видонъ Скоттъ? — снова спросилъ Кинанъ.

— Ученый горный инженеръ. Онъ въ дружбѣ со всѣми тузами. Если не хотите неприятностей, то совѣтую держаться отъ него подальше. Онъ въ дружбѣ съ властями. А главный комиссаръ—его первый другъ.

— Я такъ и думалъ, что это какая-нибудь важная персона,—сказалъ Кинанъ.—Вотъ почему я его съ самага начала оставилъ въ покоѣ.

ГЛАВА V.

Н е у к р о т и м ы й.

— Дѣло это совершенно безнадежное, — признался Видонъ Скоттъ.

Онъ сѣлъ на ступеньки крыльца своей хижины, глядя на погонщика собакъ, который тоже безнадежно пожалъ плечами.

Оба взглянули на Бѣлаго Клыка, который рвался на цѣпи и свирѣпо, злобно весь оцетинившись, старался достать до упряжныхъ собакъ. Получивъ нѣсколько хорошихъ уроковъ отъ Мата и его дубины, упряжные собаки научились оставлять Бѣлаго Клыка въ покоѣ, и сейчасъ онѣ лежали въ сторонѣ, совершенно игнорируя его существованіе.

— Онъ волкъ, поэтому приручить его совершенно невозможно, — сказала Скоттъ.

— О-о, не знаю... — возразилъ Мать. — Въ немъ можетъ быть и не мало собачьей крови. Но одно я знаю навѣрное, и этого никакъ нельзя избѣжать.. — Погонщикъ остановился и кивнулъ головой по направленію къ Лосиной горѣ.

— Ну, не скупитесь на слова, и скажите, что

вы знаете!—рѣзко сказала Скоттъ, прождавъ довольно долго отвѣта.—Ну, валяйте; въ чемъ дѣло?

Погонщикъ указалъ на Бѣлаго Клыка.

— Волкъ ли онъ, или собака, это безразлично; но онъ уже былъ ручнымъ.

— Не можетъ быть!

— Я вамъ говорю, что да, и носилъ хомутъ. Взгляните поближе. Видите слѣды на его груди?

— Вы правы Мать. Онъ былъ упряжной собакой прежде, чѣмъ попалъ въ руки Смита.

— И я не вижу почему бы ему не сдѣлаться опять упряжной собакой.

— Неужели это возможно?—радостно спросилъ Скоттъ. Но затѣмъ онъ прибавилъ, покачавъ головой:—Онъ уже двѣ недѣли у насъ, а какъ будто сталъ еще болѣе дикимъ.

— Дайте-ка я попробую спустить его съ цѣпи,—сказала Мать. Скоттъ недовѣрчиво взглянулъ на него.

— Да,—продолжалъ Мать.—Я знаю что вы уже пробовали это сдѣлать. Но вы не взяли палки.

— Ну, хорошо; попробуйте вы.

Погонщикъ взялъ палку и направился къ Бѣлому Клыку. Тотъ слѣдилъ за палкой, какъ левъ слѣдитъ за хлыстомъ укротителя.

— Смотрите, онъ не сводитъ глазъ съ палки,—сказала Мать.—Это хороший признакъ. Онъ не посмѣетъ тронуть меня, когда у меня въ рукахъ дубина, Онъ вовсе не бѣшенный,

Когда рука челоуѣка приблизилась къ его шеѣ, Бѣлый Клыкъ оцетинился, зарычалъ и пригнулся къ землѣ; но, слѣдя за приближавшейся рукой, онъ въ то же время не спускалъ глазъ и съ палки, угрожающе занесенной надъ нимъ. Мать отстегнула цѣпь и отступилъ назадъ.

Бѣлый Клыкъ не могъ повѣрить, что онъ свободенъ. Много мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ руки Смита, и за все это время онъ не зналъ ни одной минуты свободы. Его спускали только тогда, когда онъ долженъ былъ драться съ собаками, и тотчасъ же по окончаніи драки его снова привязывали на цѣпь.

Онъ совершенно не зналъ, что ему дѣлать со своей свободой. Можетъ быть это только новое ухищреніе боговъ? Онъ шелъ медленно и осторожно, словно ежеминутно ожидая нападенія. Онъ не зналъ что дѣлать, такъ это было для него неожиданно. Онъ далеко обошелъ слѣдившихъ за нимъ боговъ, и осторожно отошелъ къ дальнему углу хижины. Но ничего не случилось. Онъ былъ озадаченъ; вернувшись обратно, онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ людей и сталъ пристально смотрѣть на нихъ.

— А онъ не убѣжитъ?—спросилъ его новый владѣлецъ.

Мать пожалъ плечами.—Надо же попробовать, иначе этого никакъ не узнать!

— Бѣдняга! — сочувственно пробормоталъ Скоттъ,—Онъ, вѣроятно, больше всего нуждается

въ человѣческой ласкѣ,—прибавилъ онъ, входя въ хижину.

Онъ вышелъ черезъ минуту съ кускомъ мяса, и бросилъ его Бѣлому Клыку. Тотъ отскочилъ и сталъ издали подозрительно поглядывать на него.

— Пошелъ вонъ, Маіоръ!—закричалъ Матъ.... но было уже слишкомъ поздно.

Маіоръ уже бросился къ мясу. Но въ тотъ моментъ, когда онъ схватилъ его, Бѣлый Клыкъ набросился на него и свалилъ съ ногъ. Матъ бросился на помощь, но Бѣлый Клыкъ былъ проворнѣе его. Маіоръ поднялся на ноги, но кровь, хлынувшая изъ его горла, обагрила снѣгъ широкой струей.

— Это, конечно, скверно; но онъ это заслужилъ,—поспѣшно сказалъ Скоттъ.

Но Матъ уже занесъ ногу, чтобы ударить Бѣлаго Клыка. Раздалось щелканье зубовъ и громкій возгласъ. Бѣлый Клыкъ, свирѣпо ворча, отскочилъ назадъ на нѣсколько ярдовъ, а Матъ нагнулся и сталъ осматривать свою ногу.

— Здорово хватилъ!—объявилъ онъ, указывая на свои разорванные штаны и нижнее бѣлье, на которыхъ все шире расплывалось большое пятно крови.

— Я вамъ говорилъ, Матъ, что онъ безнадѣженъ,—сказалъ Скоттъ упавшимъ голосомъ.—Я уже много объ этомъ думалъ и вижу, что остается остается только одно.— Съ этими словами онъ медленно вытащилъ револьверъ.

— Послушайте, м-ръ Скоттъ,—запротестовалъ

Мать.—Эта собака прошла черезъ всѣ муки ада, и нельзя требовать, чтобы она стала послѣ этого ангеломъ. Дайте ей время.

— Поглядите-на, что съ Маіоромъ,—сказаль Скоттъ.

Погонщикъ осмотрѣлъ раненую собаку; она лежала на снѣгу въ лужѣ крови и была, повидимому, при послѣднемъ издыханіи.

— Онъ это заслужилъ, какъ вы сами сказали, м-ръ Скоттъ. Онъ хотѣлъ взять мясо Бѣлаго Клыка и заплатился за это жизнью. Этого слѣдовало ожидать. Да и собака, которая не умѣетъ защищать свое мясо, ничего не стоитъ.

— Но вы взгляните на себя, Мать! Все это хорошо, когда дѣло идетъ о собакахъ; но должна же быть и граница?

— И я это заслужилъ,—упрямо продолжалъ Мать.—За что я хотѣлъ его ударить? Вы сами сказали, что онъ былъ правъ. Въ такомъ случаѣ, я не имѣлъ права бить его.

— Лучше всего было бы убить его,—настаиваль Скоттъ.—Приручить его все равно невозможно.

— Послушайте, м-ръ Скоттъ, дайте бѣднягѣ возможность прійти въ себя. Вѣдь онъ только что прошелъ черезъ адъ, и сегодня въ первый разъ выпущенъ на свободу. Дайте ему прійти въ себя. Если онъ окажется безнадежнымъ, то я самъ его застрѣлю.

— Богъ свидѣтель, что я не хочу ни самъ его убивать, ни чтобы вы его убивали,—отвѣтилъ Скоттъ,

вкладывая револьверъ обратно въ кобуру.—Пусть онъ останется на свободѣ; посмотримъ, что можно сдѣлать изъ него лаской. Вотъ я сейчасъ попробую.

Онъ подошелъ къ Бѣлому Клыку и сталъ говорить съ нимъ мягкимъ, успокоительнымъ тономъ.

— Лучше возьмите палку!—посоветовалъ Мать.

Скотъ покачалъ головой и продолжалъ подходить къ Бѣлому Клыку.

Но Бѣлый Клыкъ былъ необычайно подозрителенъ. По его мнѣнію, ему грозило нѣчто дурное. Онъ убилъ собаку бога, укусилъ его товарища, и что же онъ могъ за это ожидать, кромѣ наказанія? Но передъ угрозой наказанія онъ былъ неукротимъ. Онъ оцетинивался и оскаливалъ зубы. Глаза его зорко слѣдили за движеніями людей, и тѣло было напряжено и готово ко всякой неожиданности. У бога не было дубины, поэтому онъ ему позволилъ подойти совѣмъ близко. Рука бога стала опускаться къ его головѣ. Бѣлый Клыкъ съежился и приготовился къ нападенію. Здѣсь несомнѣнно была опасность, здѣсь былъ какой-нибудь обманъ или уловка. Онъ зналъ, что руки боговъ необычайно коварны, когда дѣло касается наказанія. Къ тому же, онъ всегда ненавидѣлъ всякое прикосновеніе къ себѣ. Онъ зарычалъ еще громче, и еще ниже пригнулся къ землѣ. Но рука продолжала опускаться. Онъ не хотѣлъ кусать руку и поэтому терпѣлъ угрожаемую ему опасность до тѣхъ поръ, пока въ немъ не заговорилъ инстинктъ ненасытной жажды жизни,

Видонъ Скоттъ думалъ, что успѣть отдернуть руку; но онъ еще не зналъ, насколько быстры движенья Бѣлаго Клыка, который нападалъ съ внезапностью и мѣткостью змѣи.

Скоттъ громко вскрикнулъ отъ изумленія, хватаясь здоровой рукой за укушенную руку. Мать пробормотала ругательство и побѣждала къ нему. Бѣлый Клыкъ отступилъ, рыча, оскаливая зубы и злобно глядя на людей. Теперь надо ожидать такихъ же страшныхъ побоевъ, какіе онъ получалъ отъ Смита...

— Погодите! Что вы собираетесь дѣлать? — вдругъ вскрикнулъ Скоттъ.

Мать бросился въ хижину и выскочилъ изъ нея съ ружьемъ.

— Ничего, — отвѣтилъ онъ медленно, съ дѣланнымъ спокойствіемъ. — Я хочу сдержать обѣщаніе, которое далъ вамъ. Я вамъ сказалъ, что убью его, ну и убью!..

— Не смѣйте стрѣлять!

— Надо!

Теперь уже Видону Скотту пришлось заступаться за Бѣлаго Клыка.

— Вы сами сказали, что нужно дать ему время, но вѣдь мы только что начали приручать его! Нельзя же бросать въ самомъ началѣ. На этотъ разъ я тоже былъ самъ виноватъ. А теперь взгляните-ка на него!

Бѣлый Клыкъ, стоявшій возлѣ угла хижины, рычалъ съ необыкновенной злобой, но не на Скотта, а на погонщика собакъ.

— Ахъ, чортъ возьми!—съ изумленіемъ воскликнулъ Мать.

— Видите какъ онъ уменъ!—поспѣшно продолжалъ Скоттъ.—Онъ знаетъ, что такое огнестрѣльное оружіе. Онъ необыкновенно уменъ, и надо развить этотъ умъ. Положите ружье!

— Хорошо, я согласенъ,—согласился Мать, прислоняя ружье къ штабелю дровъ.

— Смотрите! Смотрите!—воскликнулъ онъ въ слѣдующее мгновеніе.

БѢЛЫЙ Клыкъ успокоился и пересталъ рычать.

— Надо это провѣрить. Смотрите!

Мать взялъ ружье, и въ тотъ же моментъ БѢЛЫЙ Клыкъ снова сталъ ворчать. Тогда Мать снова отошелъ отъ ружья, и БѢЛЫЙ Клыкъ успокоился.

— Не бойтесь, я стрѣлять не буду.

Мать взялъ ружье и сталъ медленно поднимать его къ плечу. Рычаніе БѢлаго Клыка усиливалось по мѣрѣ того, какъ ружье поднималось. Но какъ только Мать прицѣлился, БѢЛЫЙ Клыкъ отскочилъ въ сторону и скрылся за угломъ хижины. Мать съ удивленіемъ посмотрѣлъ на пустое мѣсто на снѣгу, гдѣ только что стоялъ БѢЛЫЙ Клыкъ. Затѣмъ торжественно опустил ружье и, обернувшись къ хозяину, сказалъ:

— Да, сэръ Скоттъ; эта собака слишкомъ умна, чтобы ее убивать.

ГЛАВА VI.

Любимый хозяинъ.

Когда Бѣлый Клыкъ увидѣлъ приближающаго къ нему Видона Скотта, онъ оцетинился и зарычалъ, давая этимъ понять, что онъ не подчинится наказанію. Двадцать четыре часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ прокусилъ ему руку, которая теперь была забинтована и висѣла на перевязи. Въ прошлой жизни Бѣлаго Клыка уже бывало, что наказаніе отсрачивалось, и онъ боялся, что такъ выйдетъ и на этотъ разъ, и что теперь наступилъ моментъ наказанія. Развѣ можетъ быть иначе? Онъ совершилъ то, что самъ считалъ святотатствомъ—погрузилъ свои клыки въ священное тѣло бога, и при томъ бѣлокожаго, высшаго бога. По законамъ природы и по закону боговъ ему теперь предстоитъ нѣчто ужасное...

Богъ сѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Бѣлый Клыкъ не могъ усмотрѣть въ этомъ никакой опасности. Когда боги собираются наказывать, то они обыкновенно стоятъ на ногахъ. Кромѣ того, у этого бога не было въ рукахъ ни палки, ни хлыста, ни ружья. А главное, онъ самъ

былъ свободенъ. Его не удерживали ни цѣпь, ни палка. Онъ могъ убѣжать, прежде чѣмъ богъ поднимется на ноги; поэтому можно подождать и посмотрѣть, что будетъ дальше.

Но богъ сидѣлъ спокойно, не дѣлая никакихъ движеній, и рычаніе Бѣлаго Клыка мало-по-малу перешло въ глухое ворчаніе и, наконецъ, окончательно замерло. Тогда богъ заговорилъ; шерсть снова поднялась на спинѣ Бѣлаго Клыка и въ его горлѣ опять поднялось глухое ворчанье. Но богъ не дѣлалъ никакихъ враждебныхъ движеній и продолжалъ спокойно говорить. Нѣкоторое время Бѣлый Клыкъ ворчалъ въ униссонъ съ нимъ, и между голосомъ человѣка и ворчаніемъ установился даже согласный ритмъ. Но богъ говорилъ безъ конца и говорилъ такъ, какъ никто раньше не говорилъ съ Бѣлымъ Клыкомъ. Онъ говорилъ мягко и успокаивающе, и такъ нѣжно, что что-то откликнулось въ душѣ Бѣлаго Клыка. Вопреки собственной волѣ и инстинкту, говорившему ему объ опасности, Бѣлый Клыкъ почувствовалъ довѣріе къ этому богу. Несмотря на весь предыдущій свой опытъ въ отношеніи людей, онъ на этотъ разъ почувствовалъ себя въ безопасности.

Прошло довольно много времени. Наконецъ богъ поднялся и отправился въ хижину. Когда онъ снова вышелъ изъ нея, Бѣлый Клыкъ подозрительно осмотрѣлъ его. У него не было ни палки, ни ружья, и здоровая рука его не была

коварно спрятана за спину. Онъ сѣлъ на то же самое мѣсто, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Бѣлаго Клыка, и протянулъ ему кусочекъ мяса. Бѣлый Клыкъ поднялъ уши и насторожился, стараясь въ одно и то же время глядѣть и на мясо и на бога, готовый при первомъ враждебномъ движеніи отскочить назадъ.

Но наказаніе все еще откладывалось. Богъ только держалъ передъ его носомъ кусокъ мяса, и мясо было, повидимому, самое обыкновенное. Однако, Бѣлый Клыкъ все еще не довѣрялъ чело-вѣку и боялся прикоснуться къ предлагаемому ему мясу. Боги всемогущи. Кто можетъ знать, какой хитрый обманъ скрывается за этимъ, повидимому, безобиднымъ кускомъ мяса? Опытъ прошлыхъ лѣтъ говорилъ ему, что мясо и наказаніе часто связаны другъ съ другомъ, въ особен-ности, когда приходилось имѣть дѣло съ индѣй-скими женщинами.

Въ концѣ концовъ, богъ бросилъ мясо на снѣгъ къ ногамъ Бѣлаго Клыка. Тотъ внимательно обнюхалъ его, глядя не на него, а на бога. Но ничего не случилось. Онъ взялъ мясо въ ротъ и проглотилъ его. И тутъ тоже ничего не произошло. Теперь богъ предлагалъ ему второй кусокъ мяса. Но Бѣлый Клыкъ опять отказался взять его изъ руки, и опять мясо было брошено на снѣгъ. Это повторилось нѣсколько разъ. Но, наконецъ, богъ отказался бросить мясо. Онъ держалъ его въ рукѣ и упорно предлагалъ его Бѣлому Клыку.

Мясо было очень вкусное, а БѢЛЫЙ Клыкъ былъ голоденъ. Потихоньку, съ безконечной осторожностью, онъ сталъ приближаться къ рукѣ. Наконецъ, онъ рѣшился взять мясо изъ руки. Но онъ ни на минуту не спускалъ глазъ съ бога, вытянувъ впередъ голову и прижавъ уши, и шерсть невольно стояла дыбомъ на его спинѣ. Въ горлѣ его слышалось глухое рычаніе, предупреждавшее о томъ, что онъ не позволитъ шутить съ собою. Но онъ съѣлъ мясо и ничего не случилось. Кусокъ за кускомъ онъ съѣлъ все мясо, и опять ничего не произошло. Наказаніе все еще откладывалось.

Онъ облизался и сталъ ждать. Богъ продолжалъ говорить. Въ его голосѣ слышалась ласка, то-есть нѣчто такое, о чемъ БѢЛЫЙ Клыкъ не имѣлъ еще понятія; но при этомъ въ немъ самомъ поднимались такія чувства, которыхъ онъ еще никогда не испытывалъ. Онъ чувствовалъ какое-то странное удовлетвореніе. Какъ будто удовлетворялась какая-то сильная потребность, заполнялась какая-то пустота въ его душѣ. Но затѣмъ снова проснулся инстинктъ, проснулся былой опытъ. Боги безконечно хитры, и совершенно невозможно предугадать, какія средства они пустятъ въ ходъ, чтобъ добиться своей цѣли.

А, онъ такъ и думалъ! Вотъ теперь надъ его головой опускается рука бога, умѣющая причинять боль. Но богъ продолжалъ говорить мягкимъ и ласкающимъ голосомъ. Несмотря на угрожаю-

щую руку, голосъ внушалъ довѣріе, но, несмотря на мягкій голосъ, рука не внушала довѣрія. Въ душѣ Бѣлагѣ Клыка боролись противоположныя чувства. Душа его разрывалась на части отъ усилія не дать перевѣса ни одному изъ нихъ.

Онъ пошелъ на компромисъ. Онъ рычалъ, прижималъ уши и ерошилъ шерсть, но не кусалъ и не отскакивалъ. Рука спускалась все ниже и ниже. Наконецъ, она коснулась его взерошенной шерсти. Онъ весь съежился отъ этого прикосновенія и прижался къ землѣ. Рука послѣдовала за нимъ и прижалась ближе къ его тѣлу. Ежась и дрожа, онъ все же продолжалъ владѣть собою и сдерживался. Прикосновеніе этой руки, было истиннымъ мученіемъ. Онъ не могъ забыть въ одинъ день все то зло, которое было ему причинено человѣческими руками. Но это была воля бога, и онъ старался исполнять ее.

Рука подымалась и опускалась, глядя и лаская его. Это продолжалось нѣкоторое время. Но каждый разъ, когда рука поднималась, вмѣстѣ съ нею подымалась его шерсть, и каждый разъ, когда рука опускалась, уши его прижимались къ головѣ и изъ его горла вырывалось глухое ворчаніе. Этимъ ворчаньемъ онъ давалъ понять, что готовъ отомстить за всякую боль, которую ему причинять. Вѣдь въ любой моментъ этотъ мягкій, внушающій довѣріе, голосъ могъ перейти въ злобный крикъ, и нѣжная, ласкающая рука могла превратиться въ безжалостные

тиски, которые могли схватить его и привести въ исполненіе откладываемое до сихъ поръ наказаніе...

Но богъ продолжалъ ласково говорить, а рука— гладить. БѢЛЫЙ Клыкъ испытывалъ двойственное чувство. Это прикосновеніе было ему непріятно. Оно стѣсняло его и насилывало его свободу. Однако, оно не причиняло физической боли. Наоборотъ, оно было даже пріятно. Теперь ласковое поглаживаніе понемногу измѣнилось и рука стала почесывать ему за ушами. Это еще болѣе усилило пріятное ощущеніе. Все же БѢЛЫЙ Клыкъ продолжалъ бояться, былъ насторожѣнъ, ожидая какого-нибудь неожиданнаго зла, и, то страдалъ, то наслаждался, смотря по тому, какое чувство брало въ немъ верхъ въ данную минуту.

— Ахъ, чортъ возьми!—Это сказалъ Мать, выйдя изъ хижины съ засученными рукавами и съ тазомъ грязной воды въ рукахъ и остановившись, пораженный этимъ зрѣлищемъ. Но какъ только раздался его голосъ, БѢЛЫЙ Клыкъ грозно зарычалъ и отскочилъ. Мать неодобрительно взглянула на своего хозяина.

— Если позволите мнѣ высказать свое мнѣніе, м-ръ Скоттъ, то я осмѣлюсь сказать, что въ васъ сидятъ семнадцать дураковъ, да и то всѣ разные.

Видонъ Скоттъ самодовельно улыбнулся, поднялся на ноги и направился къ БѢЛОМУ Клыку. Онъ ласково заговорилъ съ нимъ, но говорилъ недолго. Затѣмъ осторожно положилъ руку ему

на голову и сталъ гладить. Бѣлый Клыкъ сносилъ это, подозрительно озираясь, но не на него, а на Мата.

— Вы можетъ быть и отличнѣйшій горный инженеръ, но только напрасно вы еще мальчикомъ не сбѣжали съ какимъ-нибудь циркомъ,—убѣжденно продолжалъ Мать.

При звукахъ его голоса Бѣлый Клыкъ зарычалъ, но на этотъ разъ онъ не отскочилъ отъ руки, которая продолжала гладить его спину и голову медленными, ласковыми движеніями.

Для Бѣлаго Клыка это было началомъ конца его прежней жизни, жизни, гдѣ царила ненависть и началомъ новой, непонятной и прекрасной жизни. Чтобы добиться этого, Видону Скотту понадобилось много ума и терпѣнія, а со стороны Бѣлаго Клыка потребовалось ни больше, ни меньше, какъ полный переворотъ во всѣхъ его понятіяхъ. Ему надо было отказаться отъ всѣхъ вѣднѣй инстинкта и разума, забыть весь опытъ прежнихъ лѣтъ, извѣриться даже въ законъ жизни.

Жизнь, какою онъ до сихъ поръ ее зналъ, никогда не требовала того, что онъ дѣлалъ сейчасъ. Наоборотъ, все прежнее шло въ разрѣзъ съ тѣмъ новымъ, чему онъ отдался теперь. Короче говоря, принимая во вниманіе все, что онъ испыталь, ему приходилось ломать свою природу гораздо больше, чѣмъ тогда, когда онъ добровольно ушелъ изъ Пустыни и отдался въ руки Сѣраго Бобра. Тогда онъ былъ еще неоформив-

шимся щенкомъ, готовымъ принять тотъ обликъ, который захочетъ дать ему судьба. Теперь же было совсѣмъ не то. Судьба, къ сожаленію, слишкомъ хорошо сдѣлала свое дѣло. Благодаря ей, онъ превратился въ Боевого Волка, свирѣпаго и безпощаднаго, ненавидящаго и ненавидимаго. Чтобы измѣниться, ему нужно было переродиться, когда пластичность молодости уже прошла; когда ткани его стали грубыми и узловатыми; когда основа и утокъ его образовали крѣпкую и негибкую ткань; когда его духъ сталъ твердъ, какъ желѣзо, и всѣ его инстинкты кристаллизовались въ опредѣленные правила, привычки, вкусы и желанія.

Новая обстановка снова стала мять и формовать его, смягчая то, что затвердѣло и придавая ему болѣе совершенную форму. Видонъ Скоттъ былъ той рукою, которая заново мѣсила его. Со dna души Бѣлаго Клыка онъ, своей добротою, вызвалъ къ жизни тѣ потенциальные возможности, которыя дремали въ ней, и которыя почти уже погибли. Одной изъ такихъ возможностей была *любовь*. Она заняла мѣсто того инстинктивнаго влеченія, которое было самымъ высшимъ чувствомъ, испытаннымъ до сихъ поръ Бѣлымъ Клыкомъ по отношенію къ богамъ.

Но любовь не является въ одинъ день. Она началась съ влеченія и медленно развилась. Бѣлый Клыкъ не убѣгалъ, хотя и былъ на свободѣ, такъ какъ ему *нравился* новый богъ. Конечно,

теперь ему было несравненно лучше, чѣмъ въ клѣткѣ у Смита, а ему необходимо было имѣть какого-нибудь бога. Въ его натурѣ было заложено стремленіе къ подчиненію человѣку. Печать его зависимости отъ человѣка была наложена на него въ тотъ далекій день, когда онъ вернулся изъ Пустыни и подползъ къ ногамъ Сѣраго Бобра, ожидая побоевъ. Эта печать снова была наложена на него, когда онъ во второй разъ вернулся изъ Пустыни, послѣ того, какъ его изъ лагеря Сѣраго Бобра изгнала голодовка.

И вотъ, такъ какъ онъ нуждался въ богѣ, и такъ какъ онъ предпочиталъ Видона Скотта Красавцу Смитту. Бѣлый Клыкъ не убѣждалъ. Въ доказательство своей преданности, онъ взялся сторожить имущество своего новаго хозяина. Онъ бродилъ возлѣ хижины, когда упряжныя собаки спали; и когда ночью явился гость, то ему пришлось отбиваться дубиной, пока къ нему не подошлѣлъ на помощь Видонъ Скоттъ. Но Бѣлый Клыкъ скоро научился различать воровъ отъ честныхъ людей по наружному виду и по походкѣ. Когда человѣкъ шелъ тяжелый поступью прямо къ двери хижины, онъ его не трогалъ, а только зорко слѣдилъ за нимъ, пока дверь не открывалась и хозяинъ не принималъ его. Когда человѣкъ шелъ крадучись, окольнымъ путемъ, оглядываясь и стараясь остаться незамѣченнымъ, то такой гость тотчасъ жѣ получалъ должное отъ Бѣлаго Клыка и спѣшилъ какъ можно скорѣе унести ноги.

Видонъ Скоттъ задался цѣлью возродить Бѣлаго Клыка, или вѣрнѣе, искупить грѣхъ, въ которомъ были повинны люди по отношенію къ Бѣлому Клыку. Это было для него дѣломъ принципа и совѣсти. Онъ чувствовалъ, что зло, причиненное Бѣлому Клыку, былъ долгъ человѣка, который долженъ быть заплаченъ. Поэтому онъ продолжалъ относиться особенно ласково къ Бѣлому Клыку. Онъ поставилъ себѣ въ обязанность каждый день ласкать и гладить Бѣлаго Клыка. Бѣлый Клыкъ скоро полюбилъ эти ласки, но отъ одного онъ никогда не могъ отучиться—отъ ворчанья. Ворчалъ все время, пока его гладили, но въ этомъ ворчаніи появилась новая нотка. Чужой человѣкъ не разобралъ бы этой нотки, и для него ворчанье Бѣлаго Клыка было бы выраженіемъ лишь первобытнаго звѣрства. Но горло Бѣлаго Клыка огрубѣло отъ постоянныхъ злобныхъ звуковъ, которые онъ издавалъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, начиная съ того дня, когда онъ, еще щенкомъ, впервые зарычалъ въ своей берлогѣ; поэтому онъ не могъ смягчить звуковъ своего голоса для того, чтобы выразить свою нѣжность. Тѣмъ не менѣе Видонъ Скоттъ научился улавливать новый оттѣнокъ въ этомъ свирѣпомъ рычаніи, выразившій слабый намекъ на удовлетвореніе и удовольствіе.

По мѣрѣ того, какъ дни шли, совершался переходъ отъ *симпатіи къ любви*. Бѣлый Клыкъ самъ начиналъ замѣчать это, хотя онъ и не зналъ, что

такое любовь. Оно проявлялось въ немъ ощущеніемъ пустоты, голодной, болѣзненной пустоты, жаждавшей заполненія. Она выражалась въ безпокойствіи и страданіи, и проходила только при появленіи новаго бога. Въ такія минуты любовь была для него радостью, дикимъ, жгучимъ счастьемъ. Но въ отсутствіи бога боль и безпокойство возвращались, ощущеніе пустоты снова давило его, и съѣдала тоска.

Бѣлый Клыкъ начиналъ познавать самаго себя. Несмотря на свой, уже зрѣлый, возрастъ, несмотря на то, что характеръ его уже сложился, его натура все-таки могла еще развиваться. Въ немъ зарождались странныя чувства и странныя побужденія. Его старый кодексъ поведенія измѣнялся. Прежде онъ любилъ удобства и отсутствіе страданія, не любилъ неудобства и боль, и соотвѣтственно съ этимъ поступалъ. Но теперь было иначе. Вслѣдствіи зародившихся въ немъ новыхъ чувствъ къ богу, онъ часто ради него добровольно подвергался неудобствамъ и страданіямъ. Такъ, на примѣръ, рано утромъ, вмѣсто того, чтобы отправиться на фуражировку, или лежать въ тепломъ, уютномъ уголкѣ, онъ цѣлыми часами ждалъ на холодѣ, на порогѣ хижины появленія бога. Вечеромъ, когда богъ возвращался домой, Бѣлый Клыкъ покидалъ свое теплое, вырытое въ снѣгу гнѣздо, ради ласковаго прикосновенія руки бога и ради нѣсколькихъ словъ привѣта. Ради этого онъ иногда жертвовалъ даже мясомъ.

Влеченіе теперь перешло въ *любовь*. Любовь перевернула всю душу Бѣлаго Клыка. Ласковое отношеніе вызвало въ отвѣтъ изъ глубинъ его души новое чувство—любовь. За то, что онъ получалъ, онъ платилъ тѣмъ же. Это уже былъ настоящій богъ, лучезарный, согрѣвающій богъ любви, въ благодатныхъ лучахъ котораго натура Бѣлаго Клыка распускалаь, какъ цвѣтокъ на солнцѣ.

Но Бѣлый Клыкъ не умѣлъ выражать своихъ чувствъ. Онъ былъ слишкомъ старъ и слишкомъ суровъ, чтобы выражать ихъ какимъ-нибудь новымъ способомъ. Въ немъ было слишкомъ много сдержанности, выработанной одиночествомъ, ему слишкомъ долго приходилось вырабатывать въ себѣ угрюмость и свирѣпость. Онъ никогда не лаялъ въ своей жизни, и теперь онъ не могъ научиться лаять для выраженія своей радости при видѣ бога. Онъ былъ сдержанъ, никогда не бросался ему навстрѣчу и не выражалъ своей любви шумно и нелѣпо. Онъ ждалъ бога на почтительномъ разстояніи, но зато ждалъ его всегда. Его любовь приняла форму обожанія, нѣмого и безмолвнаго обожанія. Онъ выражалъ ее только пристальнымъ взглядомъ, тѣмъ, что не спускалъ глазъ съ бога, слѣдя за каждымъ его движеніемъ. По временамъ, когда богъ смотрѣлъ на него и разговаривалъ съ нимъ, въ его поведеніи замѣчалась какая-то странная неловкость, происходившая отъ желанія и отъ полного неумѣнія выразить свою любовь.

Онъ вскорѣ научился приспособляться къ своей новой жизни. Онъ понялъ, что нужно оставлять въ покоѣ собакъ бога; но его властолюбивый характеръ долженъ былъ проявиться какъ-нибудь, и онъ сначала заставилъ ихъ признать свою верховную власть. Разъ это было сдѣлано, то онѣ больше не доставляли ему хлопотъ. Онѣ уступали ему дорогу и немедленно повиновались ему, когда онъ выражалъ свою волю.

Точно также онъ примирился съ Матомъ, какъ съ собственностью его хозяина. Хозяинъ рѣдко кормилъ его. Это дѣлалъ Матъ. Но Бѣлый Клыкъ угадывалъ, что онъ ѣстъ пищу хозяина, который кормить его черезъ другое лицо. Матъ попытался надѣтъ на него хомутъ и заставить его тащить сани, но это ему не удалось. И только когда Видонъ Скоттъ надѣлъ на него лямку и запрягъ въ сани, только тогда Бѣлый Клыкъ понялъ, что хозяинъ хочетъ, чтобы Матъ правилъ имъ, какъ онъ правилъ другими собаками.

Клондайскія сани отличались отъ табагановъ, которыя онъ возилъ на рѣкѣ Маккензи тѣмъ, что у нихъ были полозья. Способъ упряжки былъ тоже другой. Здѣсь собаки не располагались вѣерообразно, а шли гуськомъ, одна за другой, каждая въ двухъ постромкахъ. И здѣсь, въ Клондайкѣ головная собака была дѣйствительно вожакомъ. Здѣсь вожакомъ должна была быть самая умная и самая сильная собака, а всѣ остальные боялись ее и повиновались ей. Бѣлый Клыкъ

долженъ былъ неизбѣжно стать головной собакой. Онъ не могъ удовлетвориться болѣе скромной ролью, и Мать это понялъ послѣ того, какъ напрасно пытался поставить его на другое мѣсто. Но, несмотря на то, что Бѣлый Клыкъ работаль днемъ, это ему не мѣшало ночью сторожить имущество хозяина. Такимъ образомъ; онъ былъ на работѣ все время, всегда бдительный и неусыпный на своемъ посту, и сталъ такимъ образомъ самой цѣнной изъ всѣхъ собакъ Скотта.

Однажды Мать сказала:—я позволю себѣ сказать то, что я думаю. Вы были очень умны, когда дали за эту собаку сто пятьдесятъ долларовъ; вы очень ловко надули Красавца Смита, да еще продавили ему кулакомъ лицо!..

При этомъ воспоминаніи гнѣвъ снова загорѣлся въ сѣрыхъ глазахъ Видона Скотта, и онъ снова прошепталъ:—Звѣрь!

Поздней весной съ Бѣлымъ Клыкомъ случилось большое несчастье. Вдругъ, безъ всякаго предупрежденія, его возлюбленный хозяинъ исчезъ. Приготовленія, конечно, были, но Бѣлый Клыкъ этого не понималъ. Онъ еще не зналъ, что значить укладка чемодана. Онъ только впоследствии вспомнилъ, что эта укладка предшествовала исчезновенію хозяина; но въ то время, когда она происходила, онъ ничего не подозрѣвалъ. Въ тотъ вечеръ онъ, по обыкновенію, поджидалъ хозяина. Въ полночь рѣзкій вѣтеръ заставилъ его укрыться за хижиной. Тамъ онъ

только дремалъ, настороживъ уши, чтобы услышать первые звуки знакомыхъ шаговъ. Но въ два часа утра тревожное чувство заставило его выйти на холодныя ступеньки хижины, и, свернувшись клубкомъ, онъ продолжалъ ждть.

Но хозяинъ не показывался. Утромъ дверь открылась и появился Мать. Бѣлый Клыкъ жалобно посмотрѣлъ на него. Онъ не умѣлъ спросить у него то, что ему хотѣлось знать. Дни шли за днями, а хозяина все не было. Бѣлый Клыкъ никогда въ жизни не былъ боленъ, но теперь заболѣлъ. Онъ былъ такъ боленъ, что Мать принужденъ былъ взять его въ хижину. И въ письмѣ къ хозяину Мать посвятилъ *post-scriptum* Бѣлому Клыку.

Виденъ Скоттъ, читая это письмо въ Сиркль-Сити дошелъ до слѣдующей фразы:

«Этотъ проклятый волкъ не хочетъ работать. Ничего не ѣсть. Въ немъ совсѣмъ нѣтъ никакой энергіи, и ему теперь достается отъ всѣхъ собакъ. Онъ хочетъ узнать, что случилось съ вами, и я не знаю, какъ ему это объяснить. Возможно, что онъ скоро умретъ».

Такъ оно дѣйствительно и было. Бѣлый Клыкъ пересталъ ѣсть, потерялъ всякую энергію и позволялъ всякой собакѣ кусать себя. Онъ лежалъ въ хижинѣ на полу возлѣ печки, относясь безучастно и къ ѣдѣ, и къ Мату, и ко всему на свѣтѣ. Мать могъ ласково говорить съ нимъ, или ругаться впечатлѣніе было одно и то же; Бѣлый Клыкъ

только поводилъ на него своими тусклыми глазами, затѣмъ снова клалъ голову на вытянутыя переднія лапы.

Однажды вечеромъ, когда Мать читалъ что-то, шевеля губами и бормоча, онъ вдругъ испугался, услышавъ тихій визгъ Бѣлаго Клыка. Тотъ вскочилъ на ноги и, настороживъ уши, сталъ къ чему-то прислушиваться. Моментъ спустя Мать услыхалъ шаги. Дверь открылась и вошелъ Видонъ Скоттъ. Мужчины обмѣнялись рукопожатіемъ. Затѣмъ Скоттъ оглянулся вокругъ и спросилъ:

— Гдѣ же волкъ?—Но тотчасъ же увидѣлъ его, стоявшаго на томъ же мѣстѣ у печки, гдѣ онъ раньше лежалъ. Онъ не бросился навстрѣчу, какъ это дѣлають другія собаки. Онъ стоялъ, выжидая и глядя на своего хозяина.

— Ахъ, чортъ!—воскликнулъ Мать.—Смотрите, онъ машетъ хвостомъ!

Видонъ Скоттъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ нему и позвалъ его. Бѣлый Клыкъ тотчасъ же подошелъ, но не сталъ прыгать. Онъ чувствовалъ себя неловко, но въ его глазахъ появилось странное выраженіе, они точно засвѣтились.

— Онъ никогда не смотрѣлъ на меня такъ, когда васъ не было,—сказалъ Мать.

Видонъ Скоттъ не слушалъ. Онъ присѣлъ на корточки передъ Бѣлымъ Клыкомъ и сталъ ласкать и гладить его по спинѣ и почесывать за ушами. И Бѣлый Клыкъ ворчалъ въ отвѣтъ, но

нѣжная нота въ его голосѣ была теперь особенно замѣтна.

Но это было не все. Радость и великая любовь нашли новый способъ выраженія. Онъ вдругъ спрятать голову между тѣломъ и рукой хозяина, такъ что кромѣ ушей ничего не было видно и, переставъ ворчать, прижимался къ нему слегка подталкивая его руку.

Мужчины переглянулись. Глаза Скотта блестяли.

— Здорово!—въ полномъ изумленіи воскликнулъ Мать.

Моментъ спустя, когда онъ пришелъ въ себя, онъ прибавилъ:—Я всегда говорилъ, что этотъ волкъ—собака. Взгляните-ка на него!

Съ возвращеніемъ возлюбленнаго хозяина, Бѣлый Клыкъ сталъ быстро поправляться; онъ провелъ еще двѣ ночи и день въ хижинѣ и затѣмъ вышелъ. Упряжныя собаки уже забыли его бывшее могущество. Онѣ помнили только его болѣзнь и слабость, поэтому, какъ только онъ вышелъ изъ хижины, онѣ набросились на него.

— Задай имъ хорошенько!—весело вскричалъ Мать, стоя у дверей.—Вотъ такъ! Хорошенько! Молодецъ волкъ! Еще!

Но Бѣлый Клыкъ не нуждался въ поощреніяхъ. Для него достаточно было возвращенія возлюбленнаго хозяина. Жизнь опять струилась въ его жилахъ, сильная и неукротимая. Онъ дрался, потому что радость охватила все его существо

и такимъ образомъ онъ давалъ выходъ своимъ чувствамъ, которыя не умѣлъ выразить иначе. Конецъ могъ быть только одинъ: всѣ собаки бросились въ позорное бѣгство, и только вечеромъ онѣ рѣшились вернуться обратно, выражая своимъ униженнымъ видомъ покорность Бѣлому Клыку.

Научившись прижиматься головой къ хозяину, Бѣлый Клыкъ сталъ дѣлать это очень часто. Это было послѣднимъ словомъ любви. Онъ не могъ пойти дальше. Онъ терпѣть не могъ, чтобы до-трагивались до его головы. Это въ немъ говорило его дикое происхожденіе, страхъ боли и напкана, выражавшіеся въ томъ, что онъ съ паническимъ ужасомъ избѣгалъ всякихъ прикосновеній къ головѣ. Инстинктъ его требовалъ, чтобы голова была свободна, и теперь, прижимаясь къ хозяину, онъ выражалъ свое полное довѣріе къ нему. Это было полное подчиненіе власти хозяина, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: «Я всецѣло въ твоей власти, дѣлай со мной что хочешь».

Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ своего возвращенія, Скоттъ съ Матомъ усѣлись за карты, чтобы сыграть одну партію, прежде чѣмъ лечь спать, какъ вдругъ на дворѣ раздался крикъ и громкое рычанье. Оба переглянулись и вскочили.

— Волкъ пригвоздилъ кого-то,—сказалъ Матъ.

Раздался дикій крикъ ужаса, и они бросились къ двери.

— Захватите съ собою свѣтъ!—крикнулъ Скоттъ, выскакивая на дворъ.

Мать взялъ лампу, и, при ея свѣтѣ, они увидали человѣка, лежавшаго въ снѣгу. Руками онъ защищалъ свое лицо и горло отъ зубовъ Бѣлаго Клыка, и это была не лишняя предосторожность, ибо Бѣлый Клыкъ былъ разъяренъ. Пиджакъ и голубая фланелевая рубашка лежавшаго были изорваны въ клочки, а руки, которыми онъ закрывалъ лицо, были сильно искусаны и окровавлены.

Видонъ Скоттъ мигомъ схватилъ Бѣлаго Клыка за шею и оттащилъ его въ сторону. Бѣлый Клыкъ вырывался и рычалъ, но, когда хозяинъ рѣзко прикрикнулъ на него, онъ совершенно успокоился.

Мать помогъ человѣку подняться на ноги, и когда тотъ опустилъ руки, на нихъ глянуло звѣрское лицо Красавца Смита. Погонщикъ отскочилъ отъ него, какъ ужаленный. Красавецъ Смитъ моргалъ отъ яркаго свѣта лампы и озирался по сторонамъ. Когда онъ увидѣлъ Бѣлаго Клыка, на его лицѣ отразился обуявшій его ужасъ.

Вдругъ Мать замѣтилъ на снѣгу два темныхъ предмета. Онъ нагнулся къ нимъ съ лампой— это была стальная цѣпь и толстая дубина.

Видонъ Скоттъ посмотрѣлъ и кивнулъ головой. Не было сказано ни одного слова. Погонщикъ взялъ за плечо Смита и повернулъ его лицомъ отъ себя. Слова были излишни; Красавецъ Смитъ, тотчасъ же пустился въ обратный путь, а хозяинъ погладилъ Бѣлаго Клыка, приговаривая.

— Онъ хотѣлъ украсть тебя? А? А тебѣ этого совсѣмъ не хотѣлось? Ну, что же; онъ промахнулся, не такъ ли?

— Онъ думалъ, что легко будетъ поймать тѣхъ семнадцать дьяволовъ, которые сидятъ въ этомъ волкѣ!

Бѣлый Клыкъ долго не могъ успокоиться; но мало-по-малу взъерошенная шерсть его улеглась и въ его рычаніи сталъ появляться новый, ласковый звукъ.

ЧАСТЬ V.

ГЛАВА I.

Далекій путь.

Это было въ воздухѣ. Бѣлый Клыкъ почувствовалъ, что надвигается какое-то несчастье, когда еще не было никакихъ осязательныхъ признаковъ. Онъ смутно чувствовалъ, что готовится какая-то перемѣна. Онъ какимъ-то путями узналъ это отъ самихъ боговъ. Они сами не знали, какимъ образомъ они выдали свои намѣренія собакѣ-волку, сидѣвшей у дверей хижины, ибо она, никогда не заходя въ хижину, знала о чемъ они думаютъ.

— Вотъ прислушайтесь-ка!—воскликнулъ однажды за ужиномъ погонщикъ.

Видонъ Скоттъ сталъ слушать. Сквозь дверь доносилось тихое тревожное визжаніе, похожее на едва слышное рыданіе. Затѣмъ слышно было какъ Бѣлый Клыкъ обнюхиваетъ дверь, чтобы убѣдиться, что богъ находится еще въ хижинѣ, а не отправился въ свое таинственное путешествіе.

— Мнѣ кажется, что волкъ плачетъ по васъ,—сказаль погонщикъ.

Видонъ Скоттъ посмотрѣль на своего товарища умоляющими глазами; но то, что онъ затѣмъ сказаль, совершенно противорѣчило выраженію его глазъ.

— На что мнѣ волкъ въ Калифорніи?—спросиль онъ.

— Вотъ это я тоже говорю,—отвѣтилъ Мать.— На кой вамъ чортъ волкъ въ Калифорніи?

Но это, повидимому, не удовлетворило Видонъ Скотта. Въ голосѣ его товарища ему какъ будто слышался упрекъ.

— Собакамъ бѣлыхъ людей не поздоровилось бы отъ него,—продолжалъ Скоттъ.—Онъ ихъ всѣхъ перегрызъ бы. Онъ разорилъ бы меня штрафами, а власти все равно отняли бы его и убили.

— Онъ отъявленный убійца, я знаю,—сказаль погонщикъ.

Видонъ-Скоттъ подозрительно взглянулъ на него.

— Это совершенно невозможно!—сказаль онъ рѣшительно.

— Да, это невозможно,—согласился Мать.— Вамъ пришлось бы нанять человѣка специально, чтобы смотрѣть за нимъ.

Подозрительность Скотта улеглась и онъ весело кивнулъ головой. Въ наступившей затѣмъ тишинѣ опять слышался тихій, рыдающій визгъ, и затѣмъ продолжительное настойчивое обнюхиваніе порога.

— А онъ чортъ знаетъ до чего любить васъ...—
сказаль Мать.

Скоттъ вдругъ злобно взглянулъ на него:—Ну
его къ чорту! Я самъ знаю, что мнѣ дѣлать.

— Я не спорю, только...

— Только что?—рѣзко спросилъ Скоттъ.

— Только...—тихо началъ погонщикъ, но затѣмъ передумаль и продолжалъ уже гнѣвнымъ голосомъ.—Чего вы такъ кипятитесь? Можно подумать, что вы вовсе не знаете, что вамъ дѣлать!

Видонъ-Скоттъ помолчалъ нѣкоторое время, затѣмъ сказалъ болѣе мягко.—Вы правы, Мать. Я дѣйствительно не знаю, какъ мнѣ быть...

— Но вѣдь было бы безуміемъ взять съ собой эту собаку!—снова сказалъ онъ послѣ небольшой паузы.

— Да, конечно...—отвѣтилъ Мать; но этотъ отвѣтъ опять не удовлетворилъ его хозяина.

— Но, во имя великаго Сарданопала, скажите мнѣ, откуда этотъ песъ знаетъ, что вы уѣзжаете? Вотъ что меня интересуетъ!—продолжалъ погонщикъ съ невиннымъ видомъ.

— Это выше моего пониманія, Мать,—отвѣтилъ Скоттъ, печально качая головой.

Затѣмъ наступилъ день, когда въ открытую дверь хижины Бѣлый Клыкъ увидалъ на полу роковой чемоданъ, въ который возлюбленный хозяинъ укладывалъ свои вещи. Кромѣ того, въ хижинѣ теперь замѣчалось необычное движе-

ніе. Люди безпрестанно приходили и уходили, и въ мирной, дотолѣ, атмосферѣ хижины стало замѣчаться какое-то странное волненіе и безпокойство. Доказательство было на лицо. Прежде Бѣлый Клыкъ только угадывалъ это, теперь же онъ ясно понималъ, въ чемъ дѣло. Его богъ готовился къ новому путешествію. И такъ какъ онъ не взялъ его съ собой въ первый разъ, то, слѣдовательно, не возьметъ его и теперь.

Въ эту ночь онъ поднялъ протяжный волчій вой. Какъ онъ завылъ еще въ дѣтствѣ, когда, прибѣжавъ обратно изъ Пустыни, онъ нашелъ только кучи мусора на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла палатка Сѣраго Бобра, точно такъ же завылъ онъ теперь, поднявъ морду къ холоднымъ звѣздамъ и повѣдавъ имъ свое горе.

Въ хижинѣ люди только что легли спать.

— Онъ опять пересталъ ѣсть,—замѣтилъ Матъ со своей койки. Съ койки Видона-Скотта раздалось недовольное ворчаніе и шорохъ одѣяла.

— Судя по тому, въ какое онъ пришелъ отчаяніе въ прошлый разъ, когда вы уѣхали, надо полагать, что на этотъ разъ онъ умретъ.

Одѣяло на другой койкѣ зашуршало еще сердитѣе.

— Да замолчите же!—вскричалъ вдругъ Скоттъ. Вы каркаете хуже всякой бабы!

— Я согласенъ съ вами,—отвѣтилъ погонщикъ, и Видонъ-Скоттъ не былъ увѣренъ, не смѣется ли онъ надъ нимъ. На слѣдующій день безпокойство

и волненіе Бѣлаго Клыка еще усилились. Онъ ходилъ по пятамъ хозяина каждый разъ, когда тотъ выходилъ изъ хижины, и неотлучно сидѣлъ у дверей, когда хозяинъ заходилъ въ хижину. Черезъ открытую дверь онъ видѣлъ багажъ, стоявшій на полу. Около чемодана стоялъ еще сундукъ и два дорожныхъ мѣшка. Мать укладывала одѣяла и шубу хозяина въ небольшой пледъ. Слѣдя за его движеніями, Бѣлый Клыкъ жалобно повизгивалъ. Нѣкоторое время спустя, явились два индѣйца. Онъ не спускалъ съ нихъ глазъ, когда они, взваливъ багажъ на плечи, пошли подъ гору вслѣдъ за Матомъ, который несъ чемоданъ и пледъ хозяина. Но Бѣлый Клыкъ не пошелъ за ними. Хозяинъ еще находился въ хижинѣ. Черезъ нѣкоторое время Мать вернулась. Тогда хозяинъ вышелъ и позвалъ Бѣлаго Клыка въ хижину.

— Ахъ, ты бѣдняга,—сказалъ онъ мягко, почесывая Бѣлаго Клыка за ушами и похлопывая его по спинѣ.—Я собираюсь въ далекій путь, старина, и не могу взять тебя съ собою. Ну, а теперь заворчи, хорошенько заворчи въ послѣдній разъ!..

Но Бѣлый Клыкъ отказывался ворчать. Вмѣсто этого онъ жалобно взглянулъ и затѣмъ прижался къ хозяину, спрятавъ голову между его рукой и бокомъ.

— Уже свистить!—вскричалъ Мать. Съ Юкона слышался хриплый свистокъ рѣчного паро-

хода.—Прощайтесь поскорѣе и не забудьте закрыть на ключъ входную дверь, а я выхожу через кухню. Ну, двигайтесь!

Обѣ двери захлопнулись въ одно и то же время и Видонъ-Скоттъ подождалъ Мата, вышедшаго съ задняго хода. Изъ-за двери послышалось тихое повизгиваніе, похожее на рыданіе, и затѣмъ долгое обнюхиваніе порога.

— Вы берегите его, Мать,—сказалъ Скоттъ, когда они стали спускаться подъ гору.—Когда будете писать, не забудьте написать также, какъ онъ поживаетъ.

— Конечно,—отвѣтилъ погонщикъ. — Послушайте-ка!

Мужчины остановились. Бѣлый Клыкъ вылъ, какъ воютъ собаки, когда умираетъ ихъ хозяинъ. Онъ выражалъ свое неисходное горе, и его, душу раздирающій, крикъ то стихалъ, превращаясь въ жалобный стонъ, то снова поднимался съ новымъ взрывомъ отчаянія.

Аврора была первымъ пароходомъ, идущимъ на югъ и на ея палубѣ толклись разбогатѣвшіе искатели приключеній и разорившіеся золотопромышленники, стремившіеся съ одинаковымъ нетерпѣніемъ уѣхать на югъ, точно также какъ раньше они стремились на сѣверъ. У сходни Скоттъ пожалъ руку Мату, который уже собирался спуститься на берегъ. Но рука Мата вдругъ безжизненно опустилась когда, взглянувъ через плечо своего хозяина, онъ увидѣлъ что-то пора-

звившее его. Скоттъ тоже обернулся. На палубѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ сидѣлъ Бѣлый Клыкъ, жалобно глядя на своего хозяина.

Погонщикъ могъ только выругаться отъ изумленія; Скоттъ же молча смотрѣлъ въ полномъ недоумѣннн.

— Вы заперли переднюю дверь?—спросилъ, наконецъ, Мать.

Скоттъ утвердительно кивнулъ головой и спросилъ:—А заднюю вы заперли?

— Еще бы! Конечно заперъ!—отвѣтилъ тотъ горячо.

Бѣлый Клыкъ покорно прижалъ уши, но не пытался подойти.

— Мнѣ придется взять его на берегъ,—сказала Мать и сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ Бѣлому Клыку, но тотъ ускользнулъ отъ него. Тогда погонщикъ погнался за нимъ, но Бѣлый Клыкъ, скользя между ногами пассажировъ, увертываясь и поворачиваясь то сюда, то туда, бѣгалъ, ускользя каждый разъ, когда Мать дѣлала попытку поймать его.

Но какъ только заговорилъ возлюбленный хозяинъ, Бѣлый Клыкъ тотчасъ же подошелъ къ нему.

— Кормилъ его сколько мѣсяцевъ, а онъ даже не идетъ ко мнѣ!..—обиженно пробормоталъ погонщикъ.—А вы... вы его накормили только въ первый день вашего знакомства съ нимъ. Не понимаю, какъ это онъ догадался, что вы его хозяинъ?

Скоттъ, гладившій Бѣлаго Клыка, вдругъ нагнулся и указалъ на свѣжіе порѣзы на его мордѣ.

Мать тоже нагнулся и провель рукой по брюху Бѣлаго Клыка.

— А про окно-то мы и забыли! Онъ весь пораненъ, должно быть онъ бросился прямо черезъ стекло, чортъ его возьми!

Но Видонъ-Скоттъ уже не слушалъ. Онъ быстро обдумывалъ что-то. Раздался послѣдній свистокъ *Авроры*. Провожающіе засуетились и поспѣшили на берегъ. Мать снялъ шарфъ съ шеи и сталъ обвязывать его вокругъ шеи Бѣлаго Клыка. Но Скоттъ схватилъ его за руку.

— Прощайте, Мать, прощайте старина! А о волкѣ вамъ не придется писать... Видите ли, я...

— Что?—воскликнулъ погонщикъ. — Неужели вы собираетесь?

— Да, именно. Возьмите свой шарфъ! Теперь я буду писать *вамъ* о немъ.

Мать остановился на трапѣ.

— Онъ ни за что не вынесетъ климата!—крикнулъ онъ.—Развѣ только если вы острижете его, какъ только начнутся жары.

Трапъ былъ поднять на палубу, и *Аврора* отошла отъ берега. Видонъ-Скоттъ замахалъ на прощаніе рукой; затѣмъ, обернувшись, нагнулся къ Бѣлому Клыку, стоявшему возлѣ него.

— Ну, ворчи же, чортъ тебя возьми! Ворчи!—сказалъ онъ, глядя его голову и почесывая его прижатые уши.

ГЛАВА II.

Въ странъ Солнца.

Бѣлый Клыкъ сошелъ съ парохода въ Санъ-Франциско. Онъ былъ пораженъ. Хотя и безсознательно, но онъ всегда соединялъ могущество съ представленіемъ о божествѣ. Но никогда еще бѣлые люди не казались ему такими удивительными богами, какъ теперь, когда онъ шелъ по грязной мостовой Санъ-Франциско. Въмѣсто бревенчатыхъ хижинъ, по сторонамъ высились огромныя зданія. Улицы были полны всевозможными опасностями—повозками, экипажами, автомобилями, огромными лошадьми, тащившими тяжелыя клади и чудовищными электрическими трамваями, которые звонили и гудѣли, угрожая всѣмъ встрѣчнымъ, напоподобіе рыси въ сѣверныхъ лѣсахъ.

Все это было проявленіемъ могущества. За всѣми этими необыкновенными вещами стоялъ человекъ, управляя всѣмъ и выражая такимъ образомъ свою власть надъ неодушевленнымъ міромъ. И власть эта было колоссальная, поражающая. Бѣлый Клыкъ былъ ошеломленъ. На него напалъ страхъ. Какъ въ то время, когда онъ

былъ щенкомъ, онъ почувствовалъ свое ничтожество, когда впервые явился изъ лѣса въ деревню Сѣраго Бобра, такъ и теперь въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, которыми онъ такъ гордился, онъ вдругъ почувствовалъ себя слабымъ и ничтожнымъ. И сколько здѣсь было боговъ! У него кружилась голова отъ ихъ непрерывнаго движенія. Уличный шумъ совершенно оглушалъ его. Какъ никогда раньше, онъ чувствовалъ теперь абсолютную зависимость отъ любимаго хозяина, за которымъ онъ слѣдовалъ по пятамъ, не теряя его изъ вида ни на минуту.

Но Бѣлому Клыку предстояло пребыть въ городѣ весьма недолго, и за это короткое время онъ произвелъ на него неизгладимое впечатлѣнiе страшнаго, нереальнаго кошмара. На слѣдующее утро хозяинъ посадилъ его въ багажный вагонъ среди кучъ чемодановъ и сундуковъ. Здѣсь царилъ преземистый, смуглый богъ, шумно кидавшій сундуки и чемоданы; онъ тащилъ ихъ къ двери и складывалъ въ большія кучи, или выбрасывалъ ихъ въ дверь другимъ богамъ, которые подхватывали ихъ.

И здѣсь, въ этомъ багажномъ аду, Бѣлый Клыкъ былъ покинутъ хозяиномъ; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ думалъ, пока не обнюхалъ багажные мѣшки, принадлежавшіе Скотту. Тогда онъ принялся ихъ сторожить.

— Хорошо что вы пришли,—проворчалъ богъ багажнаго вагона, когда часъ спустя Видонъ-

Скоттъ появился у двери.—Ваша собака не позволяетъ мнѣ и пальцемъ прикоснуться къ вещамъ.

Бѣлый Клыкъ вышелъ изъ вагона. Онъ былъ изумленъ. Кошмарный городъ исчезъ. Вагонъ казался ему просто комнатою въ домѣ, и, когда онъ въ нее вошелъ, то городъ окружалъ ее со всѣхъ сторонъ. И вдругъ городъ исчезъ, и его шумъ больше не оглушалъ Бѣлаго Клыка. Передъ нимъ разстилался веселый, солнечный пейзажъ, мирный и спокойный. Но ему некогда было удивляться этой перемѣнѣ. Онъ принялъ ее такъ же спокойно, какъ принималъ всѣ непонятныя проявленія могущества боговъ.

Возлѣ вокзала стоялъ экипажъ. Къ хозяину подошли мужчина и женщина. Женщина обхватила руками шею хозяина—дѣйствию враждебное! Въ слѣдующій моментъ Видонъ-Скоттъ долженъ былъ вырваться изъ ея объятій и удерживать Бѣлаго Клыка, который рычалъ, какъ разъяренный демонъ.

— Это ничего, мама,—сказалъ Скоттъ,—Онъ думалъ, что вы хотите меня обидѣть, а этого онъ не можетъ допустить. Ничего, ничего, онъ скоро привыкнетъ.

— А пока что, мнѣ можно будетъ ласкать сына только тогда, когда возлѣ него не будетъ собаки!—сказала она съ улыбкой на поблѣднѣвшемъ отъ страха лицѣ.

Она взглянула на Бѣлаго Клыка, который, оцетинившись рычалъ и злобно глядѣлъ на нее.

— О, онъ скоро научится какъ вести себя, сказала Скоттъ.

Онъ сталъ ласково говорить съ БѢлымъ Клыкомъ и вскорѣ совершенно успокоилъ его; а затѣмъ онъ строго сказалъ ему:

— Ложись сейчасъ же!

Этому хозяинъ научилъ его давно, и БѢЛЫЙ Клыкъ тотчасъ же повиновался, хотя и крайне неохотно.

— Ну теперь подойдите, мама.

Скоттъ раскрылъ свои объятія, но не спускалъ глазъ съ БѢлаго Клыка,

— Лежать!—крикнулъ онъ.—Лежать!

БѢЛЫЙ Клыкъ оцетинился, приподнялся, но затѣмъ снова легъ и сталъ наблюдать за повтореніемъ враждебнаго дѣйствія. Но ничего дурнаго изъ этого не произошло. Его хозяинъ не пострадалъ, когда его обнялъ чужой богъ. Затѣмъ багажные мѣшки положили въ карету, куда сѣли чужіе боги и его возлюбленный хозяинъ, и БѢЛЫЙ Клыкъ побѣждалъ за каретой, по временамъ обгоняя лошадей и оцетиниваясь, чтобы они знали, что онъ здѣсь и смотритъ затѣмъ, чтобы ничего не случилось съ его богомъ, котораго онъ такъ быстро везли.

Черезъ четверть часа карета вѣхала въ каменные ворота, и покатила по аллеѣ, обсаженной орѣховыми деревьями. Съ каждой стороны разстилались лужайки, на которыхъ были разбросаны тамъ и сямъ большіе, старые развѣси-

стые дубы. Вдали разстилались выжженные солнцемъ поля, составлявшія рѣзкій контрастъ съ изумрудомъ полянокъ; а позади нихъ возвышались зеленые холмы. На небольшомъ возвышеніи стоялъ домъ съ многочисленными окнами и съ большой верандой.

Но у Бѣлаго Клыка не было возможности все это увидѣть, потому что не успѣла карета въѣхать въ ворота, какъ на него съ негодованіемъ набросилась свѣтлоглазая, остромордая овчарка. Она стала между нимъ и каретой, въ которой сидѣлъ его хозяинъ, и не подпускала его къ ней. Бѣлый Клыкъ безъ всякихъ предупрежденій ошетинился и бросился къ ней. Однако, онъ такъ и не прыгнулъ на нее, а, упершись передними ногами въ землю, во время остановился, ибо это была самка, а по закону волковъ, на самку нельзя было нападать, и Бѣлый Клыкъ совершилъ бы насиліе противъ своего инстинкта, если бы напалъ на нее.

Но не такъ поступила овчарка. Въ качествѣ самки, она не обладала этимъ инстинктомъ. Съ другой стороны, она была не волкомъ, а овчаркой, и ея инстинктивный страхъ ко всѣмъ дикимъ звѣрямъ, особенно къ волку, былъ необычайно силенъ. Бѣлый Клыкъ былъ для нея волкомъ, потомкомъ хищниковъ, нападавшихъ на стада съ тѣхъ самыхъ поръ, когда овцы впервые были выгнаны человѣкомъ на пастбища подъ охраной ея отдаленныхъ предковъ. Поэтому, когда Бѣлый Клыкъ не прыгнулъ на нее, остановившись

на полъ-пути, она бросилась на него. Онъ невольно зарычалъ, когда ея зубы впились въ его плечо, но даже не пытался укусить ее. Онъ попытился назадъ съ сознаниемъ собственнаго достоинства и старался обойти ее. Онъ кидался то въ одну, то въ другую сторону, поворачивая то вправо, то влѣво. Но все было напрасно. Она все время преграждала ему дорогу.

— Сюда, Колли!—крикнулъ чужой человѣкъ изъ кареты.

Видонъ-Скоттъ засмѣялся.

— Не беспокойтесь, отецъ. Это для него полезно. Бѣлому Клыку надо еще многому научиться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Карета катилась, и Колли продолжала загоразживать дорогу Бѣлому Клыку. Онъ попытался обогнать ее, свернувъ съ дороги и бросившись прямо черезъ лугъ. Но она бѣжала по внутреннему, меньшему кругу и встрѣчала его своими блестящими, оскаленными зубами. Онъ повернулъ назадъ, чтобы обѣжать другую поляну, но она снова предупредила его.

Карета, между тѣмъ, увозила его хозяина. Бѣлый Клыкъ видѣлъ, какъ она исчезла за деревьями. Положеніе было критическое. Онъ попробовалъ сдѣлать еще новый кругъ, но овчарка быстро бѣжала за нимъ. Тогда онъ внезапно остановился. Это была его прежняя боевая уловка. Онъ толкнулъ овчарку плечомъ съ такой силой, что она не только упала, но покатилась

кубаремъ по землѣ, и, несмотря на попытки остановиться, она пролетѣла довольно большое разстояніе, громко визжа отъ боли, негодованія и оскорбленнаго самолюбія.

Бѣлый Клыкъ, не сталъ терять времени; онъ побѣждалъ къ каретѣ, а овчарка съ громкимъ лаемъ пустилась за нимъ. Но Бѣлый Клыкъ былъ теперь впереди, а въ быстротѣ бѣга, она не могла соперничать съ нимъ. Она неслась, какъ сумасшедшая, напрягая всѣ свои силы, лая и визжа; а Бѣлый Клыкъ безшумно скользилъ безъ всякихъ усилій, несясь по землѣ мягко и легко, какъ тѣнь.

Онъ догналъ карету, когда она только что остановилась у крыльца, и изъ нея выходилъ хозяинъ. Но въ этотъ моментъ Бѣлый Клыкъ вдругъ почувствовалъ, что на него дѣлается новое нападеніе. Это была охотничья собака. Бѣлый Клыкъ попытался уклониться отъ удара, но онъ бѣжалъ такъ быстро, а собака такъ неожиданно и стремительно бросилась на него сбоку, что онъ не удержалъ равновѣсія и покатился на землю. Онъ тотчасъ же вскочилъ, и видъ его былъ просто ужасенъ; прижавъ уши, сморщивъ носъ и оскаливъ зубы, онъ бросился на собаку, чтобы перекусить ей горло, но промахнулся, и зубы его щелкнули по воздуху.

Хозяинъ уже бѣжалъ на выручку, но онъ былъ слишкомъ далеко; и только Колли спасла жизнь гончей. Бѣлый Клыкъ не успѣлъ прыгнуть во

второй разъ, когда она прибѣжала оскорбленная и разъяренная, съ разбѣга, какъ вихрь, кинулась на Бѣлаго Клыка и снова сбила его съ ногъ.

Въ слѣдующій моментъ подоспѣлъ хозяинъ и оттащилъ Бѣлаго Клыка, а отецъ его въ это время отозвалъ другихъ собакъ.

— Ну и хорошій же пріемъ получилъ бѣдный волкъ,—сказалъ хозяинъ, успокаивая и глядя Бѣлаго Клыка.—За всю свою жизнь онъ только разъ былъ сбитъ съ ногъ, а тутъ его кувырнули два раза въ теченіе нѣсколькихъ секундъ!

Карета отѣхала отъ крыльца, а изъ дома вышли еще какіе-то чужіе боги. Одни изъ нихъ почтительно стояли, но двѣ женщины подошли къ его хозяину и повторили враждебное движеніе, обнявъ его за шею. Но, повидимому, отъ этого не произошло ничего дурного, и звуки, которые производили боги, не казались Бѣлому Клыку угрожающими. Эти боги подходили также къ Бѣлому Клыку съ явнымъ желаніемъ приласкать его, но онъ рычаніемъ предупреждалъ ихъ, что онъ этого не любитъ, а хозяинъ предупреждалъ ихъ словами, стараясь въ то же время успокоить Бѣлаго Клыка.

Гончая, получивъ приказаніе: «Дикъ, ложись!», легла на ступеньки крыльца, но продолжала ворчать и зорко наблюдать за непрошеннымъ гостемъ. Овчаркой занялась одна изъ женщинъ, обнявъ ее за шею и лаская ее. Но Колли все время

рвалась и визжала и никакъ не могла успокоиться и примириться съ присутствіемъ волка, въ полной увѣренности, что ея хозяева дѣлаютъ ошибку.

Всѣ боги поднялись по ступенькамъ и вошли въ домъ. Бѣлый Клыкъ пошелъ за хозяиномъ, не отставая отъ него ни на шагъ. Дикъ, лежавшій на крыльцѣ зарычалъ, и Бѣлый Клыкъ тотчасъ же ошетинился и тоже зарычалъ.

— Возьмите Колли въ комнату, а эти двое пусть подерутся. Потомъ они станутъ друзьями,—сказалъ отецъ хозяина.

— Но тогда Бѣлому Клыку можно будетъ доказать свою дружбу только тѣмъ, что онъ пойдетъ во главѣ похороннаго шествія,—сказалъ со смѣхомъ хозяинъ.

Старшій Скоттъ недовѣрчиво взглянулъ сначала на Бѣлаго Клыка, потомъ на Дика и, наконецъ, на своего сына.

— Ты хочешь сказать, что...

Видонъ кивнулъ головой.—Вотъ именно. Дикъ былъ бы убитъ въ одну минуту, самое большее въ двѣ.—И, обратившись къ Бѣлому Клыку, онъ сказалъ:—Ну, пойдемъ, волкъ. Очевидно въ домѣ придется держать именно тебя.

Бѣлый Клыкъ вошелъ на ступеньки и прошелъ по террасѣ, вытянувъ хвостъ и весь насторожившись, не спуская глазъ съ Дика, и въ то же время готовый ко всякому неожиданному на-

паденію изъ дома. Но изъ дома ничего страшнаго не вышло. Войдя въ него, онъ тщательно осмотрѣлся, но, не видя ничего подозрительнаго, успокоился. Тогда со вздохомъ облегченія онъ легъ у ногъ своего хозяина, готовый, однако, во всякую минуту вскочить и обороняться.

ГЛАВА III.

Владѣнія бога.

Бѣлый Клыкъ не только былъ одаренъ способностью приспособляться, но онъ уже такъ много путешествовалъ, что понималъ всю необходимость приспособленія. Бѣлый Клыкъ быстро освоился съ Сьерра-Вистой—такъ называлось имѣніе судьи Скотта. Никакихъ серьезныхъ недоразумѣній съ собаками у него больше не было. Зная обычаи южныхъ боговъ лучше чѣмъ онъ, онѣ поняли, что разъ его взяли въ домъ, то этимъ боги оказывали ему предпочтеніе. Хотя онъ былъ и волкъ, а присутствіе волка было для нихъ новостью, но боги, очевидно, хотѣли этого, и онѣ, собаки боговъ, должны были подчиниться.

Дикъ, послѣ нѣсколькихъ формальныхъ протестовъ, совершенно примирился съ присутствіемъ Бѣлаго Клыка, и, если бы отъ него зависѣло, онъ даже подружился бы съ нимъ. Но Бѣлый Клыкъ не признавалъ дружбы. Все, что онъ требовалъ отъ собакъ, это чтобы онѣ оставляли его въ покоѣ. Всю свою жизнь онъ сторонился

отъ собакъ, и теперь дѣлалъ то же; заигрыванія Дика надоѣдали ему. Еще на Сѣверѣ онъ узналъ, что нельзя трогать хозяйскихъ собакъ. Онъ помнилъ это и здѣсь. Но онъ такъ оберегалъ свое одиночество и такъ абсолютно игнорировалъ Дика, что добродушный песъ, наконецъ, оставилъ его въ покоѣ и совершенно пересталъ замѣчать его.

Но не то было съ Колли. Если она примирилась съ нимъ, потому что такова была воля боговъ, то это еще не значило, что она должна была оставить его въ покоѣ. Въ ея существѣ еще жила память о тѣхъ безчисленныхъ преступленіяхъ, которыя онъ и весь его родъ совершили противъ ея предковъ. Нельзя было въ одинъ день забыть и о тысячахъ зарѣзанныхъ волками овецъ. Все это заставляло ее мстить ему. Она не могла дѣлать это открыто, въ присутствіи боговъ, зато она всячески старалась портить ему жизнь. Между ними стояла вѣковая вражда, и Колли вовсе не желала, чтобы онъ объ этомъ забылъ.

Поэтому Колли, пользуясь преимуществомъ своего пола, всячески обижала Бѣлаго Клыка. Его инстинктъ не позволялъ ему нападать на нее, но въ то же время она была такъ настойчива, что ее невозможно было игнорировать. Когда она кидалась на него, онъ подставлялъ ея зубамъ свое, покрытое густой шерстью, плечо и съ достоинствомъ уходилъ. Когда она приставала слишкомъ настойчиво, то ему приходилось описывать кругъ, подставляя ей плечо и отворачивая

голову, при чемъ въ его глазахъ появлялось выраженіе скуки и нетерпѣнія. Иногда, однако, когда она его кусала за заднія ноги, ему приходилось убѣгать, уже не заботясь о сохраненіи своего достоинства. Но, обыкновенно, онъ умѣлъ сохранять свое достоинство, даже важность. Онъ игнорировалъ ее настолько, насколько это было возможно, и поставилъ себѣ цѣлью не попадаться ей на глаза. Какъ только онъ видѣлъ ее издали, или даже только слышалъ ея приближеніе, онъ тотчасъ же вставалъ и уходилъ.

Но и помимо этого, Бѣлому Клыку пришлось научиться еще многому другому. Жизнь на сѣверѣ была необыкновенно проста по сравненію съ жизнью въ Сіерра Вистѣ. Прежде всего, онъ долженъ былъ познакомиться съ семьей хозяина. Онъ къ этому былъ отчасти подготовленъ. Какъ Мить-Сахъ и Клу-Кучъ принадлежали Сѣрому Бобру и дѣлили съ нимъ пищу, теплоту его костра и его одѣяло, такъ и теперь въ Сіерра-Вистѣ всѣ домочадцы принадлежали его возлюбленному хозяину.

Но тутъ была разниа и даже весьма значительная. Сіерра-Виста была куда больше палатки Сѣраго Бобра, и народу здѣсь было гораздо больше. Тутъ жили судья Скоттъ и его жена, двѣ сестры хозяина—Бэтъ и Мэри, его жена Алиса и двое дѣтей—Видонъ и Модъ, малютки четырехъ и шести лѣтъ. Никто не могъ объяснить Бѣлому Клыку, какія кровныя узы и какое род-

ство связывало всѣхъ этихъ людей; да онъ и не имѣлъ никакого понятія о родствѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ быстро сообразилъ, что всѣ они принадлежать его хозяину. Затѣмъ, наблюдая при каждой возможности за дѣйствіями, разговоромъ и даже интонаціями голоса, онъ мало-по-малу узналъ степень близости каждаго изъ нихъ къ хозяину и кого онъ больше любитъ. Соотвѣтственно съ этимъ сталъ относиться къ нимъ и онъ. То, что было дорого хозяину, цѣнилъ и онъ, и то, что любилъ хозяинъ должно было быть дорого и Бѣлому Клыку и то онъ долженъ былъ охранять, какъ зеницу ока.

Это относилось, главнымъ образомъ, къ дѣтямъ. Всю свою жизнь онъ терпѣть не могъ дѣтей; онъ боялся и ненавидѣлъ ихъ руки, ибо узналъ какъ они жестоки, еще когда жилъ въ индѣйской деревнѣ. Когда Видонъ и Модъ въ первый разъ приблизились къ нему, онъ зарычалъ и злобно сверкнулъ глазами. Хозяинъ прикрикнулъ на него и даже ткнулъ его кулакомъ, и только тогда онъ позволилъ имъ поласкать себя, хотя онъ не переставалъ ворчать, когда они гладили его своими маленькими ручками, причемъ въ его ворчаніи не было никакихъ ласковыхъ нотъ. Впослѣдствіи онъ понялъ, что эти дѣти имѣютъ большую цѣнность въ глазахъ хозяина, и тогда уже не нужно было ни кричать на него, ни толкать для того, чтобы онъ позволилъ имъ ласкать себя.

Но Бѣлый Клыкъ никогда не былъ экспанси-

вень. Онъ уступалъ дѣтямъ хозяина и честно терпѣлъ, когда они играли съ нимъ. Когда же терпѣнія больше не хватало, онъ вставалъ и рѣшительно уходилъ отъ нихъ. Съ теченіемъ времени онъ даже полюбилъ ихъ; но все же проявлялъ это очень сдержанно. Онъ не вставалъ и не бѣжалъ къ нимъ навстрѣчу, но и не уходилъ, а наоборотъ ждалъ, когда видѣлъ, что они подходятъ къ нему. А еще позже было замѣчено, что въ его глазахъ появлялось удовольствіе, когда они подходили къ нему, и сожалѣніе, когда они его покидали для другихъ забавъ.

Но все это развивалось постепенно, и для этого понадобилось много времени. Послѣ дѣтей, онъ больше всего любилъ судью Скотта, вѣроятно, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, старика, повидимому, очень цѣнилъ хозяинъ, а во-вторыхъ, онъ тоже былъ очень сдержанъ. Бѣлый Клыкъ любилъ лежать у его ногъ на широкой верандѣ, когда тотъ читалъ газету, лишь изрѣдка награждая Бѣлаго Клыка словомъ или взглядомъ. Но такъ было только въ отсутствіи хозяина. Въ присутствіи же его, для Бѣлаго Клыка никто не существовалъ.

Бѣлый Клыкъ позволялъ всѣмъ членамъ семьи ласкать его, но онъ ни къ одному изъ нихъ не относился такъ, какъ къ хозяину. Никакія ласки ихъ не могли вызвать у него любовнаго ворчанія, и какъ они не старались, они не могли убѣдить его прижаться къ нимъ головой. Это выраженіе

любви, преданности и полнѣйшаго довѣрія онъ берегъ только для хозяина.

Бѣлый Клыкъ такъ же скоро выучился различать членовъ семьи отъ слугъ. Послѣдніе боялись его, и онъ воздерживался отъ нападеній на нихъ только потому, что, какъ членовъ семьи, такъ и ихъ, считалъ собственниками хозяина. Между ними и Бѣлымъ Клыкомъ существовали нейтральныя отношенія, и только. Они варили для хозяина пищу, мыли посуду и дѣлали еще многое другое, словомъ дѣлали то, что дѣлалъ для него Мать въ Клондайкѣ. Просто, они являлись составною частью хозяйскаго дома.

Но внѣ дома Бѣлому Клыку было еще труднѣе разбираться. Владѣнія хозяина были обширны и многообразны, но границы у нихъ все же были. За ними существовала общая собственность боговъ — дороги и улицы. Затѣмъ существовали еще частныя владѣнія, огороженныя заборами. Все это управлялось мириадами законовъ и требовало соотвѣтственнаго поведенія, но такъ какъ онъ не зналъ языка боговъ, то ему пришлось научиться всему этому на опытѣ. Онъ дѣйствовалъ, повинуюсь своимъ естественнымъ побужденіямъ до тѣхъ поръ, пока они не заставляли его нарушить законъ. Но послѣ нѣсколькихъ нарушеній, онъ узнавалъ законъ и потомъ уже соблюдалъ его.

Но самое большое значеніе въ его воспитаніи имѣлъ окрикъ хозяина и тумакъ, которыми онъ иногда надѣлялъ его. Ударъ хозяина оскорблялъ

его больше, чѣмъ всѣ побои Сѣраго Бобра. Тѣ побои причиняли боль только тѣлу, духъ же его оставался свободнымъ и непобѣдимымъ. Но ударъ Скотта былъ всегда слишкомъ легокъ, чтобы причинить боль тѣлу, однако, онъ задѣвалъ его глубже, такъ какъ былъ проявленіемъ неудовольствія со стороны хозяина, и вся душа Бѣлаго Клыка ежилась отъ этого удара.

Вообще, къ удару хозяинъ прибѣгалъ очень рѣдко, обыкновенно же Бѣлый Клыкъ слушался его голоса, и по голосу же узнавалъ, хорошо ли онъ поступилъ или дурно, и этимъ руководился въ своихъ поступкахъ. Это былъ компасъ, съ помощью котораго онъ узнавалъ, какъ нужно вести себя въ новой странѣ, при новыхъ условіяхъ жизни.

На сѣверѣ единственнымъ домашнимъ животнымъ была собака. Всѣ остальные животныя были дикими, и если не были опасны, то представляли собою для каждой собаки законную добычу. Всю свою жизнь Бѣлый Клыкъ ловилъ живыхъ существъ на пищу, и ему въ голову не приходило, что на югѣ могло быть иначе. Но вскорѣ ему пришлось перемѣнить взгляды въ этомъ отношеніи. Бродя рано утромъ вокругъ дома, онъ наскочилъ на курицу, убѣжавшую изъ курятника. Естественно, что первымъ побужденіемъ Бѣлаго Клыка было броситься на нее и съѣсть. Скачекъ, щелканье зубовъ, испуганный пискъ, и отважная птица была схвачена и съѣдена. Это была откорм-

ленная, жирная и очень вкусная птица, и Бѣлый Клыкъ, облизываясь, рѣшилъ, что такая пища очень недурна.

Въ тотъ же день ему опять удалось наткнуться на другую курицу. Это было возлѣ конюшни, и одинъ изъ конюховъ побѣждалъ къ ней на помощь, но не зная Бѣлаго Клыка, онъ захватилъ съ собою только легкій хлысть. Послѣ перваго удара хлыстомъ, Бѣлый Клыкъ оставилъ курицу и бросился на человѣка. Дубина еще могла бы остановить его, но никакъ не хлысть. Молча и безстрашно онъ бросился на конюха, стараясь схватить его за горло. Конюхъ закричалъ, выпустилъ хлысть и закрылъ горло руками. Въ результатѣ его рука была прокушена до кости.

Онъ страшно испугался. Его не столько напугала свирѣпость Бѣлаго Клыка, сколько безмолвность и внезапность нападенія. Все еще защищая горло руками, онъ кинулся обратно въ конюшню и ему пришлось бы плохо, если бы на выручку не подоспѣла Колли. Какъ раньше она спасла жизнь Дику, такъ теперь она спасла конюха. Она яростно бросилась на Бѣлаго Клыка. Значить она не ошиблась; она знала лучше, чѣмъ боги, что это настоящій хищникъ, и вотъ теперь онъ проявилъ себя!

Конюхъ убѣждалъ въ конюшню, а Бѣлый Клыкъ сталъ отступать передъ острыми зубами Колли, подставляя имъ плечо. Но Колли не отставала, какъ это бывало прежде, а становилась все воз-

бужденнѣе и злѣе, пока, наконецъ, Бѣлый Клыкъ, забывъ собственное достоинство, не убѣждалъ отъ нея прямо въ поле.

— Онъ научится не трогать куръ, — сказалъ хозяинъ. — Но для этого надо, чтобы я поймалъ его на мѣстѣ преступленія.

Дня два спустя, такой случай представился; но при этомъ Бѣлый Клыкъ совершилъ такое крупное преступленіе, какого хозяинъ не ожидалъ. Бѣлый Клыкъ тщательно наблюдалъ за курятникомъ и изучилъ привычки куръ. Ночью, послѣ того какъ онѣ пошли на насѣсть, онъ взобрался на кучу недавно сложенныхъ досокъ, оттуда пробрался на крышу курятника, откуда уже прыгнулъ внутрь курятника, гдѣ и началась настоящая бойня.

Утромъ, когда хозяинъ вышелъ на веранду, ему бросились въ глаза пятьдесятъ бѣлыхъ лекгорнскихъ курицъ, положенныхъ въ рядъ конюхомъ. Онъ даже свистнулъ, сперва отъ изумленія, а затѣмъ отъ восхищенія. Здѣсь же былъ и Бѣлый Клыкъ, но въ его взглядѣ не было никакихъ признаковъ стыда, или признанія вины. Онъ держался гордо, какъ будто совершилъ чрезвычайно похвальное дѣло. Губы хозяина невольно сжались при мысли о предстоявшей ему непріятной задачѣ. Но онъ рѣзко сталъ выговаривать этому безсознательному преступнику; затѣмъ, указывая на убитыхъ куръ, онъ нѣсколько разъ сильно ударилъ его.

БѢЛЫЙ КЛЫКЪ никогда больше не дѣлалъ набѣговъ на курятникъ; онъ понялъ, что это противозаконно. Хозяинъ взялъ его съ собой на птичій дворъ. Когда БѢЛЫЙ КЛЫКЪ видѣлъ живую птицу, прогуливавшуюся подъ самымъ его носомъ, имъ естественно овладѣвало желаніе схватить ее. Онъ поддавался этому желанію, но его останавливалъ окрикъ хозяина. Они цѣлыхъ полчаса ходили по птичьему двору. Такимъ образомъ, БѢЛЫЙ КЛЫКЪ узналъ законъ и научился игнорировать существованіе куръ.

— Разъ онъ повадился убивать куръ, его ужъ нельзя будетъ отъ этого отучить,—сказалъ судья Скоттъ, печально качая головой, когда сынъ разсказалъ ему о продѣлкѣ Бѣлаго Клыка..

Но Видонъ Скоттъ не соглашался съ отцомъ.

— Знаете, что я сдѣлаю?—сказалъ онъ наконецъ нѣсколько вызывающе: — Я запрю сегодня на весь день Бѣлаго Клыка въ курятникъ.

— Но подумай о курахъ! — возразилъ судья.

— И кромѣ того, — продолжалъ сынъ, — за каждую курицу, которую онъ убьетъ, я заплачу вамъ долларъ.

— Но ты долженъ и папу заставить заплатить штрафъ, если онъ проиграетъ, — вмѣшалась Бѣть.

Ее поддержала сестра, и всѣ сидящіе за столомъ одобрили это предложеніе. Судья Скоттъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Хорошо. — Видонъ Скоттъ на минуту задумался. — Если къ концу дня БѢЛЫЙ КЛЫКЪ

не тронетъ ни одной курицы, то за каждыя десять минутъ, проведенныя имъ въ курятникѣ, вы должны сказать ему серьезно и спокойно, такъ, какъ вы произносите приговоръ въ судѣ: «Бѣлый Клыкъ, ты умнѣе, чѣмъ я думалъ».

Спрятавшись всюду, гдѣ было возможно, вся семья собиралась увидѣть цѣлое представленіе, но всѣмъ пришлось разочароваться. Какъ только Бѣлаго Клыка заперли на птичьемъ дворѣ, онъ легъ и заснулъ. Только однажды онъ всталъ и пошелъ напиться воды. Куръ онъ совершенно не замѣчалъ. Въ четыре часа пополудни, онъ съ разбѣгу вскочилъ на крышу курятника, и, спрыгнувъ на другую сторону, важно направился къ дому. Онъ заучилъ законъ твердо. А на верандѣ, въ присутствіи восхищенной семьи, судья Скоттъ, помѣстившись прямо противъ Бѣлаго Клыка, сказалъ медленно и торжественно шестнадцать разъ подрядъ. «Бѣлый Клыкъ, ты умнѣе, чѣмъ я думалъ».

Но многочисленность законовъ очень смущала Бѣлаго Клыка и онъ часто попадалъ впросакъ. Ему пришлось узнать также, что нельзя трогать даже тѣхъ куръ, которыя принадлежатъ чужимъ богамъ. И не только куръ, нельзя было прогнать даже кошекъ, кроликовъ и индѣекъ. На первыхъ порахъ, когда онъ началъ узнавать этотъ законъ, ему казалось, что онъ не долженъ трогать вообще ни одно живое существо. Въ полѣ, когда куропатка вылетала у него изъ подъ ногъ, онъ ее не

трогалъ. Насторожившись и сгорая отъ желанія, онъ все-таки побѣждалъ свой инстинктъ и не гнался за птицей, чтобы оставаться послушнымъ волкъ боговъ.

Но однажды, въ томъ же полѣ, онъ увидѣлъ, какъ Дикъ погнался за дикимъ кроликомъ. Хозяинъ это видѣлъ, но не помѣщаль Дику. Наоборотъ, онъ сталъ дозидаривать и Бѣлаго Клыка принять участіе въ погонѣ. Такимъ образомъ, Бѣлый Клыкъ узналъ, что на дикихъ кроликахъ не лежитъ запрещеніе. Тогда онъ уразумѣлъ законъ во всей его полнотѣ: между нимъ и домашними животными не должно быть враждебныхъ дѣйствій. Если дружба невозможна, то надо относиться къ нимъ равнодушно. Но другія животныя — бѣлки, куропатки и кролики — были дикими, не подчинялись человѣку, и они являлись законной добычей собакъ. Боги охраняли только ручныхъ животныхъ и ссориться съ ними не позволяется. Боги имѣли надъ ними право жизни и смерти и ревниво оберегали эту свою власть.

Послѣ простой жизни сѣвера, жизнь долины Санта-Клара казалась чрезвычайно сложной. Главное, что требовалось цивилизаціей — это сдержанность, умѣнье подавлять свои инстинкты. Жизнь представлялась въ тысячѣ видахъ, и Бѣлый Клыкъ долженъ былъ считаться со всѣми ними. Такъ, напримѣръ, когда ему приходилось бѣжать за каретой въ городъ Санъ Джозе, или гулять по улицамъ, когда карета останавливалась, то

жизнь неслась мимо него широкимъ, разнообразнымъ потокомъ, постоянно возбуждая его чувства и ежеминутно требуя отъ него быстрого приспособленія, для чего почти всегда требовалось подавлять свои инстинкты.

Тутъ были мясныя лавки, гдѣ висѣло мясо, которое такъ легко можно было достать. Но этого мяса нельзя было трогать. Въ домахъ, посѣщаемыхъ хозяиномъ, были кошки, которыхъ нужно было оставлять въ покоѣ, и, кромѣ того, всюду были собаки, которыя рычали на него и на которыхъ нельзя было нападать. Въ довершеніе всего, по тротуарамъ шло безчисленное количество людей, вниманіе которыхъ онъ привлекалъ. Они останавливались, смотрѣли на него, указывали на него другъ другу, говорили о немъ и, что было хуже всего, гладили его. И онъ долженъ былъ сносить всѣ эти опасныя прикосновенія чужихъ рукъ! Онъ, однако, научился это сносить; онъ даже потерялъ свою неловкость и научился съ достоинствомъ и снисходительно принимать всѣ любезности, оказываемыя ему чужими богами. Но въ немъ чувствовалось нѣчто, что не допускало большой фамиллярности. Люди гладили его по головѣ, сами удивляясь своей смѣлости.

Все это давалось нелегко Бѣлому Клыкѣ. Бѣгая за каретой на окраинахъ Санъ Джозе, онъ встрѣчался съ мальчишками, которые всегда бросали въ него камнями. Но онъ зналъ, что нельзя за ними погнаться и наказать ихъ. Здѣсь ему при-

ходило съ подавлять даже инстинктъ самосохраненія, и онъ подавлялъ его, ибо онъ становился ручнымъ и вполне достойнымъ цивилизованной страны.

Однако, БѢлому Клыку это не особенно нравилось. У него не было отвлеченныхъ представлений о справедливости, но онъ чувствовалъ, что было чрезвычайно несправедливо запрещать ему защищаться отъ мальчишекъ, бросающихъ въ него камнями. Онъ забывалъ, что, отдаваясь богамъ, онъ могъ рассчитывать на ихъ покровительство. Но однажды хозяинъ выскочилъ изъ кареты съ хлыстомъ въ рукѣ и задалъ мальчишкамъ хорошую трепку. Послѣ этого они уже не бросали камней, и БѢлый Клыкъ, понявъ это, вполне удовлетворился.

Съ нимъ случился еще такого рода эпизодъ. По дорогѣ въ городъ, на перекресткѣ возлѣ трактира неизмѣнно торчали три собаки, которыя усвоили привычку бросаться на БѢлаго Клыка каждый разъ, когда онъ проходилъ мимо. Зная его убійственный методъ борьбы, хозяинъ неустанно училъ БѢлаго Клыка не драться съ собаками. БѢлый Клыкъ твердо запомнилъ этотъ урокъ, и теперь ему было чрезвычайно мучительно проходить мимо этого салуна; онъ обыкновенно рычаніемъ удерживалъ этихъ трехъ собакъ на приличномъ разстояніи; но онѣ бѣжали за нимъ, лая на него, задѣвая и всячески оскорбляя его. Это продолжалось нѣкоторое время. Люди, сидѣв-

шіе въ трактирѣ, даже науськивали его враговъ. Однажды они открыто натравили на него собакъ. Хозяинъ остановилъ экипажъ.

— Возьми ихъ, — сказалъ онъ Бѣлому Клыкѣ.

Но Бѣлый Клыкъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ взглянулъ на хозяина, потомъ на собакъ, затѣмъ еще разъ серьезно и вопросительно взглянулъ на хозяина.

Но хозяинъ кивнулъ головой.

— Возьми ихъ, старина! Съѣшь ихъ!

Бѣлый Клыкъ больше не колебался; онъ повернулся и молча бросился на своихъ враговъ. Всѣ трое кинулись на него. Послышалось страшное рычанье, щелканье зубовъ, и всѣ тѣла смѣшались въ одну кучу. Поднявшаяся при этомъ пыль мѣшала видѣть борьбу. Но черезъ двѣ минуты двѣ собаки въ предсмертныхъ судорогахъ валялись въ пыли, а третья спасалась бѣгствомъ. Она перескочила заборъ и побѣжала черезъ поле. Бѣлый Клыкъ погнался за ней своей быстрой, безшумной волчьей поступью, догналъ и убилъ.

Этимъ тройнымъ убійствомъ окончились его недоразумѣнія съ собаками. Объ его побѣдѣ распространился слухъ по всей долинѣ, и люди стали сами заботиться о томъ, чтобы ихъ собаки не нападали на Боевого Волка.

ГЛАВА IV.

Г о л о с ь п о л а .

Мѣсяцы шли за мѣсяцами. На югѣ было много пищи и не было работы, и Бѣлый Клыкъ толстѣлъ и благоденствовалъ. Югъ для него былъ не только югомъ по географическому мѣстоположенію, но и жизнь его была дѣйствительно благодатной, какой она и должна быть на югѣ. Доброта и ласка людей сіяла надъ нимъ, какъ солнце, и онъ расцвѣлъ, какъ цвѣтокъ, посаженный въ хорошую почву.

Однако, онъ все же сильно отличался отъ другихъ собакъ; хотя онъ зналъ всѣ законы даже лучше собакъ, не знавшихъ другой жизни, и соблюдалъ эти законы пунктуально, но въ немъ все же чувствовалась скрытая кровожадность, чувствовалось, что въ немъ волкъ только дремалъ.

Онъ никогда не дружился съ другими собаками. Какъ и раньше, онъ жилъ совершенно одиноко. Въ дѣтствѣ, преслѣдованія Липъ-Липа и своры щенковъ, а затѣмъ жизнь съ Красавцемъ Смитомъ, когда онъ былъ призовымъ борцомъ, вселила въ него отвращеніе къ собакамъ. Когда естественное

влеченіе его природы было такимъ образомъ искажено, онъ отвернулся отъ своей породы и сталъ лхнуть къ людямъ.

Кромѣ того, всѣ южныя собаки смотрѣли на него подозрительно. Онъ возбуждалъ въ нихъ инстинктивный страхъ, страхъ передъ хищнымъ звѣремъ, и онѣ всегда встрѣчали его рычаніемъ и ненавистью. Онъ же, съ другой стороны, зналъ что пускаться съ ними въ ходъ зубы совершенно излишне. Достаточно было зарычать и обнажить клыки, чтобы заставить ихъ отступить.

Но въ жизни Бѣлаго Клыка былъ тяжелый крестъ въ лицѣ Колли. Она не давала ему ни минуты покоя, и не такъ была послушна закону, какъ онъ. Тщетно хозяинъ старался помирить ее съ Бѣлымъ Клыкомъ. Всѣ усилія его были напрасны. Въ ушахъ Бѣлаго Клыка всегда звенѣло ея рѣзкое нервное рычаніе. Она не могла ему простить убійства куръ и продолжала вѣрить въ его дурныя намѣренія. Она всегда думала, что онъ что нибудь замышляетъ и, соотвѣтственно съ этимъ, относилась къ нему. Она отравляла ему существованіе и, какъ полицейскій, ходила за нимъ по пятамъ; стоило ему взглянуть на голубя, или на курицу, какъ она поднимала неистовый лай и яростно бросалась на него. Въ такихъ случаяхъ Бѣлый Клыкъ обыкновенно ложился и, положивъ голову на вытянутыя лапы, дѣлалъ видъ, что онъ спитъ. Только тогда она умолкала.

За исключеніемъ Колли, все остальное шло

хорошо въ жизни Бѣлаго Клыка. Онъ изучилъ законъ и научился подавлять свои инстинкты. Онъ сталъ степеннымъ, спокойнымъ и философски снисходительнымъ. Вокругъ него больше не было враждебной обстановки. Опасность, страданія и смерть не глядѣли на него изъ-за каждаго куста. Мало-по-малу, неизвѣстное со всѣмъ его страхомъ и вѣчной угрозой отошло въ область прошлаго. Жизнь была легка. Она текла гладко, и въ ней не было ни враговъ, ни ужасовъ.

Ему недоставало снѣга, хотя онъ и не сознавалъ этого. Еслибы онъ умѣлъ думать, онъ бы сказалъ, что лѣто слишкомъ продолжительно; когда бывало слишкомъ жарко, его тянуло на сѣверъ. Но онъ этого не сознавалъ, и его тяготѣнїе къ сѣверу выражалось только въ томъ, что онъ иногда становился безпокоенъ и не могъ найти себѣ мѣста, самъ не понимая, въ чемъ дѣло.

Бѣлый Клыкъ всегда былъ сдержанъ; помимо привычки прижиматься головой къ хозяину и помимо ласковой ноты въ ворчанїи, у него не было способовъ выражать свою любовь. Но вотъ однажды онъ изобрѣлъ еще одинъ способъ. Онъ всегда былъ чувствителенъ къ смѣху боговъ: смѣхъ всегда приводилъ его въ бѣшенство, но когда возлюбленный хозяинъ добродушно смѣялся надъ нимъ, онъ не зналъ, какъ ему быть. Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ поднимается прежнїй гнѣвъ, но съ этимъ гнѣвомъ боролась его любовь. Онъ не могъ сердиться, однако ему нужно было

что-нибудь дѣлать. Сначала онъ напускалъ на себя важность, но хозяинъ продолжалъ еще пуще смѣяться. Въ концѣ концовъ Бѣлый Клыкъ не выдержалъ. Его челюсти слегка разжались, губы приподнялись и странное выраженіе, похожее на улыбку, появилось въ его глазахъ. Онъ научился смѣяться.

Такимъ же образомъ онъ научился шутливо возиться съ хозяиномъ, позволяя, чтобы его кувыркали, катали по полу и продѣлывали надъ нимъ всяческія шутки. Въ отвѣтъ, на это, онъ изображалъ гнѣвъ—ощетинивалъ шерсть, свирѣпо рычалъ и щелкалъ зубами. Но онъ никогда не забывался. Всѣ эти щелканія зубовъ были по воздуху. Въ концѣ такой возни, послѣ ударовъ и тумаковъ съ одной стороны и рычанія и щелканія зубовъ съ другой, они вдругъ отскакивали и смотрѣли другъ на друга. И затѣмъ, точно солнце являлось изъ-за тучъ, и они, глядя другъ на друга, начинали смѣяться. Кончалось это тѣмъ, что хозяинъ обнималъ за шею Бѣлаго Клыка, а тотъ въ отвѣтъ начиналъ ворчать свою любовную пѣсню.

Но больше никто не могъ играть и возиться съ Бѣлымъ Клыкомъ. Онъ никому не позволялъ этого, и на всѣ подобныя попытки онъ такъ рычалъ и ерошилъ шерсть, что у всѣхъ отпадала охота трогать его. Если онъ позволялъ своему хозяину такія вольности, то это еще не значило, что онъ вообще похожъ на обыкновенную собаку,

расточающую свою любовь направо и налево и готовую играть съ первымъ встрѣчнымъ. Онъ любилъ только одного человѣка и не хотѣлъ умалять достоинство своей любви.

Хозяинъ часто ѣздилъ верхомъ, и сопровождать его въ этихъ прогулкахъ было главной обязанностью Бѣлаго Клыка. На Сѣверѣ онъ могъ доказать свою преданность, работая; но на Югѣ собаки не возили саней и не носили на себѣ тяжестей. Поэтому Бѣлый Клыкъ доказывалъ свою преданность новымъ способомъ—бѣгая за лошадей хозяина. Онъ могъ бѣжать цѣлый день, и самыя длинныя прогулки не утомляли его. Онъ бѣжалъ своей скользящей, безшумной, волчьей поступью, легкой и неутомимой, и, сдѣлавъ пятьдесятъ миль, онъ все такъ же весело держался впереди лошади.

Въ связи съ верховой ѣздой, Бѣлый Клыкъ проявилъ еще одну свою способность, причемъ замѣчательно то, что онъ проявилъ ее только дважды въ жизни. Первый разъ это случилось тогда, когда хозяинъ училъ свою горячую, кровную лошадь подходить къ воротамъ, чтобы ѣздокъ могъ открыть и закрыть ихъ, оставаясь на сѣдлѣ. Нѣсколько разъ онъ направлялъ лошадь къ воротамъ, чтобы закрыть ихъ, и каждый разъ она пугалась и становилась на дыбы. Съ каждой минутой она все больше нервничала и возмущалась. Когда она становилась на дыбы, хозяинъ прищипывалъ ее и тогда она опускала переднія ноги на землю, но зато принималась

брыкать задними ногами. Бѣлый Клыкъ слѣдилъ за этимъ представленіемъ съ возрастающей тревогой и, наконецъ, не выдержавъ, бросился къ лошади и свирѣпо залаялъ.

Хотя онъ послѣ этого часто пробовалъ лаять, подзадариваемый хозяиномъ, но ему удалось сдѣлать это еще только одинъ разъ, и то не въ присутствіи хозяина. Поводомъ къ этому послужила бѣшенная скачка его хозяина по полю верхомъ, во время которой изъ кустовъ внезапно выскочилъ заяцъ. Лошадь испугалась, упала, и хозяинъ получилъ переломъ ноги. Бѣлый Клыкъ въ ярости бросился къ горлу лошади, но хозяинъ остановилъ его.

— Домой! Иди домой!—приказалъ хозяинъ, когда удостоверился, что нога сломана.

Бѣлому Клыку не хотѣлось оставлять его. Хозяинъ хотѣлъ написать записку, но у него не оказалось ни карандаша, ни бумаги. Тогда онъ опять приказалъ Бѣлому Клыку итти домой.

Бѣлый Клыкъ жалобно посмотрѣлъ на него и пошелъ, но затѣмъ вернулся, жалобно повизгивая. Хозяинъ заговорилъ съ нимъ мягко, но серьезно, и Бѣлый Клыкъ насторожилъ уши и слушалъ, дѣлая усиліе понять, что ему говорить.

— Ничего, старина,—говорилъ хозяинъ;—ты только бѣги домой и скажи имъ, что со мной случилось несчастье. Бѣги домой, волкъ! Домой!

Бѣлый Клыкъ зналъ, что означаетъ «домой»; и хотя не понималъ остальныхъ словъ хозяина, все-

таки зналъ, что хозяинъ хочетъ, чтобы онъ шелъ домой. Тогда онъ повернулся и неохотно побѣжалъ. Затѣмъ нерѣшительно остановился и обернулся.

— Домой!—рѣзко приказалъ хозяинъ, и на этотъ разъ онъ повиновался.

Вся семья была на верандѣ, когда прибѣжалъ БѢлый Клыкъ запыхавшійся и весь въ пыли.

— Видонъ вернулся,—заявила мать.

Дѣти съ радостнымъ крикомъ бросились навстрѣчу БѢлому Клыку, но онъ обошелъ ихъ и побѣжалъ на веранду; они поймали его, но онъ зарычалъ и попробовалъ оттолкнуть ихъ. Мать ихъ съ безпокойствомъ взглянула на нихъ.

— Признаюсь, что мнѣ становится не по себѣ, когда дѣти къ нему подходятъ. Я боюсь, чтобы онъ когда-нибудь на нихъ не бросился...

Свирѣпо зарычавъ, БѢлый Клыкъ выскочилъ изъ угла, куда они его загнали, поваливъ при этомъ и мальчика и дѣвочку. Мать ихъ подозвала къ себѣ и стала утѣшать, совѣтуя не приставать къ БѢлому Клыку.

— Волкъ всегда останется волкомъ,—сказалъ судья Скоттъ.—Довѣрять ему не слѣдуетъ.

— Но онъ не совсѣмъ волкъ,—вступилась за БѢлаго Клыка Бэтъ, защищая любимца брата въ его отсутствіи.

— Это Видонъ только такъ говорить,—возразилъ судья.—Онъ только предполагаетъ, что въ БѢломъ Клыкѣ есть собачья кровь; но онъ самъ

не знаетъ этого навѣрное. Но что касается наружности...

Онъ не докончилъ фразы. Бѣлый Клыкъ сталъ передъ нимъ, свирѣпо зарычавъ.

— Пошелъ вонъ! Ложись!—приказаль судья Скоттъ.

Тогда Бѣлый Клыкъ подбѣжалъ къ женѣ хозяина. Она вскрикнула отъ ужаса, когда онъ схватилъ въ зубы ея платье, разорвавъ при этомъ матерію. Всѣ обратили вниманіе на необычное поведеніе собаки. Онъ пересталъ рычать и стоялъ среди нихъ, поднимъ голову и глядя имъ въ глаза. Его горло судорожно сжималось, но не издавало ни одного звука, и онъ всѣмъ тѣломъ дѣлалъ судорожныя движенія, чтобы выразить что-то. Но ничего не выходило.

— Я надѣюсь, что онъ не взбѣсился,—сказала мать Видона.—Я говорила Видону, что боюсь, что теплый климатъ будетъ вреденъ этому сѣверному звѣрю.

— Миѣ кажется, какъ будто онъ пытается что-то сказать...—сказала Бэтъ.

Въ этотъ моментъ Бѣлый Клыкъ, наконецъ, выразилъ свои чувства, разразившись вдругъ громкимъ лаемъ.

— Что-то случилось съ Видономъ,—безъ колебанія сказала его жена.

Всѣ разомъ вскочили, и Бѣлый Клыкъ сбѣжалъ со ступенекъ крыльца, оборачиваясь, чтобы удостовериться, что они идутъ за нимъ.

Итакъ, онъ залаялъ во второй и въ послѣдній разъ въ жизни, и его поняли.

Послѣ этого случая, жители Сиерра Висты стали относиться еще ласковѣе къ Бѣлому Клыку; даже конюхъ, которому онъ прокусилъ руку, соглашался, что онъ удивительно умная собака, хотя онъ и волкъ. Судья Скоттъ все еще держался прежняго мнѣнія и доказывалъ это всѣмъ и каждому, приводя примѣры, которые онъ собиралъ изъ всѣхъ энциклопедій.

Дни шли за днями, обливая солнечнымъ свѣтомъ долину Санта Клара. Но когда они стали короче и началась вторая для Бѣлаго Клыка зима на Югѣ, онъ сдѣлалъ странное открытіе. Зубы Колли стали менѣе остры. Она теперь игриво щипала его, такъ что онъ, въ сущности, не чувствовалъ никакой боли. Онъ забылъ, что прежде она отравляла ему жизнь. И когда она весело прыгала вокругъ него, то онъ важно отвѣчалъ ей тѣмъ же, стараясь быть игривымъ, но эти попытки дѣлали его только смѣшнымъ и неловкимъ.

Однажды она завела его далеко въ лѣсъ. Это было послѣ обѣда, когда хозяинъ собирался ѣхать верхомъ, и Бѣлый Клыкъ зналъ это. У дверей стояла осѣдланная лошадь. Бѣлый Клыкъ колебался. Но его охватило чувство болѣе сильное, чѣмъ послушаніе, чувство сильнѣе всѣхъ привычекъ, сильнѣе даже любви къ хозяину и его склонности къ одиночеству. И когда въ этотъ мо-

ментъ нерѣшительности Колли ущипнула его и побѣжала, онъ повернулся и побѣжалъ за ней. Въ тотъ день хозяинъ ѣздилъ одинъ, а въ лѣсу рядомъ бѣжали Бѣлый Клыкъ и Колли, какъ когда-то, много лѣтъ тому назадъ, въ безмолвныхъ лѣсахъ сѣвера бѣжала его мать Кичъ съ старымъ Одноглазымъ.

ГЛАВА V

Дремлющій волкъ.

Какъ разъ въ это время газеты были полны описаніемъ смѣлаго побѣга одного заключеннаго изъ Санъ-Квентинской каторжной тюрьмы. Это былъ отчаянный преступникъ. Онъ родился неудачникомъ, а общество нисколько не сдѣлало его лучше, позаботившись объ его воспитаніи. У общества тяжелая рука, и разительнымъ примѣромъ этого служилъ этотъ человѣкъ. Это былъ звѣрь; правда, звѣрь въ образѣ человѣка, но тѣмъ не менѣе звѣрь страшный, кровожадный. Въ Санъ-Квентинской тюрьмѣ онъ оказался неисправимымъ. Наказанія не могли сломить его. Онъ могъ умереть, борясь до послѣдняго вздоха, но онъ не могъ жить въ положеніи побѣжденнаго. Чѣмъ отчаяннѣе онъ боролся, тѣмъ суровѣе общество поступало съ нимъ. Но суровость эта только еще больше озлобляла его. Горячая рубашка, голодовка и побои не годились, какъ средства исправленія для Джима Холла. Но съ нимъ только такъ и обращались, начиная съ его дѣтства въ трущобахъ Санъ-Франциско, когда онъ

былъ еще мягкой глиной, готовой принять въ рукахъ общества какую угодно форму.

Когда Джимъ Холль отбывалъ въ тюрьмѣ третій срокъ наказанія, онъ столкнулся съ тюремнымъ надзирателемъ, который былъ почти такой же звѣрь, какъ и онъ. Надзиратель дурно съ нимъ обращался, клеветалъ на него начальству, былъ къ нему очень несправедливъ и вообще всячески его преслѣдовалъ. Разница между ними была та, что надзиратель носилъ съ собой связку ключей и револьверъ, а у Джима Холла были только его руки и зубы. Но однажды онъ бросился на надзирателя и схватилъ его зубами за горло, какъ настоящій хищный звѣрь.

Послѣ этого Джима посадили въ отдѣленіе для неисправимыхъ преступниковъ. Тамъ онъ прожилъ три года. Камера, въ которой онъ помѣщался, была вся окована желѣзомъ. Потолокъ, стѣны и полъ, все было изъ желѣза. Онъ никогда не выходилъ изъ этой камеры и никогда не видѣлъ ни неба, ни солнца. День былъ для него сумерками, а ночь—чернымъ безмолвіемъ. Онъ былъ заживо погребенъ въ желѣзной могилѣ. Онъ не видѣлъ человѣческаго лица и не произносилъ ни слова. Когда ему подавали пищу, онъ рычалъ, какъ дикій звѣрь. Онъ ненавидѣлъ весь міръ. Иногда онъ цѣлые дни и ночи напролетъ кричалъ, изливая свою злобу на міръ; а иногда онъ цѣлыми недѣлями и мѣсяцами не произносилъ ни звука, глуша свою душу въ мрачномъ молчаніи. Онъ былъ чудовищень, онъ былъ кошмаромъ.

И вотъ, однажды ночью онъ бѣжалъ. Тюремщики говорили, что это невозможно; но тѣмъ не менѣе, его камера была пуста, и на ея порогѣ лежало тѣло убитаго надзирателя. Тѣла двухъ другихъ надзирателей указывали направленіе его бѣгства къ стѣнѣ тюрьмы. Онъ ихъ задушилъ руками во избѣжаніе шума.

Онъ вооружился оружіемъ, которое снялъ съ убитыхъ надзирателей. Представляя собою, такимъ образомъ, живой арсеналь, онъ бѣжалъ въ горы, преслѣдуемый быстро сьорганизованной погоней. Его голова была оцѣнена въ крупную сумму, поэтому жадные фермеры охотились на него съ ружьями. Его кровью можно было выкупить заложенную ферму, или послать сына въ университетъ. Горожане тоже взяли за оружіе и отправились въ погоню за нимъ. Свора ищеекъ слѣдовала по его кровавымъ слѣдамъ, а блюстители порядка—ищейки закона и его оплаченные бойцы—съ помощью телефона, телеграфа и специальныхъ поѣздовъ день и ночь преслѣдовали его по пятамъ.

Иногда они сталкивались съ нимъ и дрались, какъ герои, или, наоборотъ, опрометчиво бѣжали отъ него, перепрыгивая черезъ игзороди изъ ключей проволоки, къ великому восторгу людей, читавшихъ отчеты объ этомъ за утреннимъ завтракомъ. Послѣ такихъ столкновений, убитыхъ и раненыхъ отправляли на повозкѣ въ городъ, а на ихъ мѣсто являлись другіе любители охоты на человѣка.

Но вдругъ Джимъ Холлъ исчезъ. Ищейки напрасно искали его потерянные слѣды. Безобидныхъ фермеровъ останавливали въ отдаленныхъ долинахъ вооруженные люди и заставляли ихъ удостовѣрять ихъ личность, а тѣло Джима Холла было найдено во множествѣ мѣсть людьми, жаждавшими получить кровавыя деньги.

Въ Сіерра Вистѣ газеты читались скорѣе съ безпокойствомъ, чѣмъ съ любопытствомъ. Женщины трусили. Судья Скоттъ подсмѣивался надъ ними; но совершенно напрасно, потому что въ послѣдніе дни своей службы ему какъ разъ пришлось судить Джима Холла и произнести надъ нимъ приговоръ. И Джимъ Холлъ открыто заявилъ, что настанетъ день, когда онъ отомститъ судьѣ.

И Джимъ Холлъ на этотъ разъ былъ правъ. Онъ не былъ виноватъ въ томъ преступленіи, за которое его приговорили. Это былъ случай, который на языкѣ воровъ и полиціи назывался «прокатить по рельсамъ въ тюрьму». Джима Холла прокатили по рельсамъ по подозрѣнію, за преступленіе, которое онъ не совершилъ. Но, на основаніи двухъ предыдущихъ преступленій, судья Скоттъ приговорилъ его къ пятидесяти годамъ каторги. Судья Скоттъ не могъ знать всего, и онъ не подозрѣвалъ, что играетъ въ руку полицейской интригѣ, что свидѣтели были подставные и что Джимъ Холлъ былъ неповиненъ въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняли.

Но Джимъ Холль, съ другой стороны, не зналъ, что судья Скоттъ былъ непосвященъ во все это дѣло. Джимъ Холль думалъ, что судья все это знаетъ и что онъ, заодно съ полиціей, совершилъ эту чудовищную несправедливость. И вотъ, когда судья Скоттъ приговорилъ его къ пятидесяти годамъ каторги, то Джимъ Холль, ненавидя всѣхъ, кто былъ тому виной, всталъ и началъ такъ бужевать, что потребовалось полдюжины полисменовъ, чтобъ усадить его на мѣсто. Для него судья Скоттъ былъ олицетвореніемъ несправедливости, поэтому на него обрушился весь его гнѣвъ и всѣ его угрозы мести. Затѣмъ Джимъ Холль ложился въ свою живую могилу... и наконецъ бѣжалъ изъ нея.

Обо всемъ этомъ Бѣлый Клыкъ рѣшительно ничего не зналъ. Но между нимъ и Алисой, женой хозяина, существовала маленькая тайна. Каждый вечеръ, когда всѣ въ Сіерра-Вистѣ ложились спать, она вставала съ постели и выпускала Бѣлаго Клыка въ большую переднюю. Такъ какъ Бѣлый Клыкъ не былъ комнатной собакой, то ему спать въ домѣ не позволялось; поэтому рано утромъ, когда всѣ еще спали, она выпускала его обратно на дворъ.

Однажды ночью, когда всѣ въ домѣ спали, Бѣлый Клыкъ проснулся, но продолжалъ спокойно лежать. Но, потянувъ воздухъ, онъ тотчасъ же почувалъ присутствіе какого-то чужого бога, и до его слуха въ то же время донесся шумъ

производимый этимъ богомъ. Бѣлый Клыкъ не поднялъ крика; это не было въ его привычкахъ. Чужой богъ шелъ необыкновенно безшумно, но еще безшумнѣе шелъ за нимъ Бѣлый Клыкъ, ибо на немъ не было платья, которое какъ никакъ шуршитъ. Онъ слѣдовалъ сзади, какъ тѣнь. Въ лѣсу, охотясь за робкой дичью, онъ вполне оцѣнили всѣ преимущества внезапности нападенія.

Чужой богъ остановился на мгновение у самой лѣстницы и сталъ прислушиваться; и Бѣлый Клыкъ тоже замеръ на мѣстѣ, слѣдя за своей жертвой. Эта лѣстница вела въ комнату возлюбленнаго хозяина и прочихъ дорогихъ для него существъ. Бѣлый Клыкъ оцетинился, но продолжалъ выжидать. Чужой богъ занесъ ногу на первую ступеньку и сталъ подниматься.

Тогда Бѣлый Клыкъ бросился на него. Онъ бросился безъ всякаго предупрежденія, не рычавъ и не издавъ ни малѣйшаго звука. Онъ просто прыгнулъ въ воздухъ и очутился на спинѣ чужого бога. Опираясь передними лапами на плечи человѣка, онъ въ то же время вцѣпился зубами въ его затылокъ. Бѣлый богъ опрокинулся на спину и они вмѣстѣ покатались на полъ. Бѣлый Клыкъ тотчасъ же отскочилъ, но, когда человѣкъ попробовалъ подняться, онъ снова кинулся на него.

Всѣ обитатели Сиерра-Висты въ ужасѣ проснулись. Снизу доносился такой шумъ, какъ будто тамъ дрались десятка два людей. Послышались

револьверные выстрѣлы; раздался раздирающій душу крикъ человѣка, затѣмъ страшное рычаніе и, наконецъ, звонъ разбитыхъ стеколъ и трескъ разбиваемой мебели.

Но вскорѣ шумъ утихъ. Борьба продолжалась не болѣе трехъ минутъ; испуганная семья собралась на верхней площадкѣ лѣстницы. Снизу, какъ изъ темной пропасти, долетали бульнающіе звуки, какъ будто пузырьки воздуха, поднимаясь изъ воды, лопались на ея поверхности; иногда эти звуки переходили въ свистъ. Затѣмъ все быстро утихло и изъ темноты доносилось только тяжелое дыханіе какого-то существа, которое съ трудомъ втягивало въ себя воздухъ.

Видонъ Скоттъ нажалъ кнопку, и лѣстница и нижняя зала залились волной свѣта. Затѣмъ онъ и судья Скоттъ съ револьверами въ рукахъ осторожно спустились внизъ. Но въ осторожности уже не было надобности. Бѣлый Клыкъ уже сдѣлалъ свое дѣло. Среди поломаной и опрокинутой мебели, закрывъ лицо рукой, лежалъ человѣкъ. Видонъ Скоттъ наклонился надъ нимъ, отвелъ руку и повернулъ лицо человѣка къ свѣту. Огромная рана на горлѣ объясняла, какимъ образомъ онъ былъ убитъ.

— Это Джимъ Холлъ!—сказалъ судья Скоттъ, и отецъ съ сыномъ, многозначительно переглянулись.

Затѣмъ они подошли къ Бѣлому Клыку. Онъ тоже лежалъ на боку. Его глаза были закрыты,

и вѣки только слегка приподнялись, когда хозяинъ наклонился надъ нимъ, и хвостъ слегка зашевелился. Видонъ Скоттъ погладилъ его, и изъ горла Бѣлаго Клыка едва слышно вырвалось обычное ласковое ворчаніе; но оно почти тотчасъ же замолкло, глаза его закрылись, и все тѣло судорожно вытянулось на полу.

— Кончается, бѣдняга...—проговорилъ хозяинъ.

— Ну это мы еще увидимъ,—отвѣтилъ судья, направляясь къ телефону.

— Откровенно говоря, у него на выздоровленіе одинъ шансъ на тысячу,—проговорилъ хирургъ послѣ того, какъ провозился часа полтора надъ Бѣлымъ Клыкомъ.

Уже занималась заря, и электрическій свѣтъ тускнѣлъ. За исключеніемъ дѣтей, вся семья собралась, чтобы выслушать хирурга.

— У него сломана задняя лапа,—продолжалъ онъ,—сломаны три ребра, изъ которыхъ одно проткнуло легкое, и весьма возможно, что есть и внутреннія поврежденія. Очевидно на него вскочили ногами. Кроме того, у него три огнестрѣльные раны. Сказать, что у него одинъ шансъ на тысячу очень оптимистично. Вѣрнѣе одинъ шансъ на десять тысячъ.

— Но онъ не долженъ терять этого шанса!—воскликнулъ судья Скоттъ.—Я васъ прошу не стѣсняться расходами. Изслѣдуйте его рентгеновскими лучами; вообще дѣлайте все, что нужно.

Видонъ, телеграфируй тотчасъ же въ Санъ-Франциско доктору Никольсу. Это не значитъ, докторъ, что я не довѣряю вамъ, но вы понимаете—для него должно быть сдѣлано рѣшительно все, что возможно.

Хирургъ снисходительно улыбнулся.—Конечно, я понимаю. Онъ заслуживаетъ, чтобы для него было сдѣлано все, что можно. За нимъ нужно ухаживать, какъ за человѣкомъ, какъ за больнымъ ребенкомъ. Не забудьте слѣдить за температурой. Я снова приду въ десять часовъ.

За Бѣлымъ Клыкомъ былъ прекрасный уходъ. Когда судья Скоттъ предложилъ нанять сидѣлку, то его дочери съ негодованіемъ отвергли это предложеніе и взяли на себя эту роль. И Бѣлый Клыкъ завоевалъ тотъ единственный шансъ изъ десяти тысячъ, о которомъ говорилъ хирургъ.

Послѣдняго нельзя было строго судить за ошибку. Всю свою жизнь онъ имѣлъ дѣло лишь съ людьми, изнѣженными цивилизаціей, съ потомками такихъ же изнѣженныхъ поколѣній. Въ сравненіи съ Бѣлымъ Клыкомъ, они были хрупкіе, вялые и слабо цѣплялись за жизнь. А Бѣлый Клыкъ прямо пришелъ изъ лѣса, гдѣ слабые погибаютъ рано, и гдѣ условія жизни до крайности суровы. Ни въ его отцѣ, ни въ его матери не было никакихъ слабостей, какъ не было ихъ и въ ихъ предкахъ. Бѣлый Клыкъ унаслѣдовалъ отъ нихъ желѣзное сложеніе и несбыновенную жизненность; и цѣплялся за жизнь

всѣмъ своимъ существомъ физическимъ и духовнымъ, съ той цѣпкостью, которой отличались когда-то всѣ живыя существа.

Прикованный къ своему ложу, лишенный возможности двигаться благодаря гипсовымъ повязкамъ и бинтамъ, Бѣлый Клыкъ влачилъ самое жалкое существованіе въ продолженіе многихъ недѣль. Онъ почти непрерывно спалъ и видѣлъ безконечные сны. Передъ его умственнымъ взоромъ проносились безчисленныя картины изъ жизни на Сѣверѣ. Все прошлое вновь ожило. Онъ снова жилъ въ пещерѣ съ Кичъ; снова, дрожа, подползалъ къ ногамъ Сѣраго Бобра съ изъясненіемъ покорности и снова убѣгалъ, спасаясь отъ Липъ-Липа и стаи щенятъ...

Ему казалось, что онъ опять охотится одинъ въ молчаливомъ лѣсу, во время долгихъ мѣсяцевъ голодовки, и снова бѣжитъ впереди потяга собакъ и слышитъ свистъ бича въ рукахъ Митъ-Саха и Сѣраго Бобра, и ихъ голоса, кричащіе «раа! раа!» когда они подходили къ узкому проходу и собаки сжимались, какъ закрывается вѣеръ, чтобы пройти сквозь него. Онъ снова переживалъ тяжелые дни съ Красавцемъ Смитомъ и всѣ свои безчисленныя битвы. Въ такія минуты онъ визжалъ и рычалъ во снѣ, и окружающіе, глядя на него, говорили, что онъ видитъ дурные сны.

Но особенно преслѣдовалъ его одинъ страшный кошмаръ—это шумное, звонящее чудовище, называвшееся электрическимъ трамваемъ, которое

казалось ему цѣлымъ полчищемъ визжавшихъ рысей. Ему казалось, что онъ лежитъ въ кустахъ, выжидая, когда бѣлка спустится съ дерева и отойдетъ довольно далеко отъ его ствола. Затѣмъ, когда онъ бросался на нее, она вдругъ превращалась въ электрической трамвай, грозный и страшный, какъ гора; онъ высился надъ нимъ, визжалъ и звонилъ, и дребезжалъ, извергая на него огонь. То же самое было, когда онъ заманивалъ коршуна съ неба. Бросаясь на него изъ небесной синевы, коршунъ вдругъ превращался въ вездѣсущій электрической трамвай. Или онъ снова лежалъ въ клѣткѣ Красавца Смита; вокругъ клѣтки толпились люди, и онъ зналъ, что предстоитъ битва. Онъ слѣдилъ за дверью, ожидая своего противника. И вотъ дверь раскрывалась, и прямо на него летѣлъ электрической трамвай. Это повторялось тысячи разъ, и каждый разъ ужась его былъ одинаково великъ.

Наконецъ, наступилъ день, когда послѣдняя повязка была снята. Это былъ торжественный день. Всѣ обитатели Сиерра-Висты собрались вокругъ него. Хозяинъ гладилъ его, и Бѣлый Клыкъ ворчалъ свою любовную пѣсенку. Жена хозяина назвала его «Благословеннымъ Волкомъ», и это имя съ восторгомъ было подхвачено всѣми женщинами.

Бѣлый Клыкъ попробовалъ подняться на ноги, но послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ упалъ отъ слабости. Онъ лежалъ такъ долго, что всѣ его мускулы утратили свою силу. Ему было не-

много стыдно своей слабости; какъ будто онъ былъ въ чемъ-то виноватъ передъ богами. Поэтому онъ сдѣлалъ героическое усиліе, чтобъ встать, и, наконецъ, это ему удалось, и онъ пошелъ, качаясь изъ стороны въ сторону и спотыкаясь на каждомъ шагу.

— «Благословенный Волкъ!»—хоромъ воскликнули женщины.

Судья Скоттъ съ торжествомъ взглянулъ на нихъ.

— Вотъ теперь вы сами подтверждаете мои слова!—сказалъ онъ.—Теперь я удовлетворенъ. Ни одна собака не могла бы сдѣлать того, что сдѣлалъ онъ. Онъ волкъ!

— Благословенный Волкъ!—поправила судью его жена.

— Да, Благословенный Волкъ,—согласился судья.—И съ этихъ поръ я такъ и буду его называть.

— Ему придется снова научиться ходить,—сказалъ хирургъ,—и онъ можетъ начать это сейчасъ. Это ему нисколько не повредитъ. Выведите его на дворъ.

Его вывели во дворъ, какъ короля, и вокругъ него свитой шли всѣ обитатели Сиерра-Висты. Онъ былъ очень слабъ и, дойдя до лужайки, прилежъ отдохнуть.

Затѣмъ шествіе двинулось дальше, и съ каждымъ шагомъ мускулы Бѣлаго Клыка становились сильнѣе и кровь обращалась въ нихъ быстрѣе. Дошли до конюшенъ. Здѣсь въ дверяхъ лежала Колли

съ полдюжиной толстенькихъ щенятъ, игравшихъ вокругъ нея на солнцѣ.

БѢЛЫЙ Клыкъ изумленно взглянулъ на нихъ. Колли зарычала на него, и онъ не рѣшился подойти. Хозяинъ подтолкнулъ къ нему ногой одного изъ щенятъ. БѢЛЫЙ Клыкъ подозрительно взерошился, но хозяинъ тотчасъ же успокоилъ его. Колли, которую держала одна изъ женщинъ, ревниво глядѣла на него и рычала.

Щенокъ очутился передъ БѢЛЫМЪ Клыкомъ. Тотъ насторожилъ уши и съ любопытствомъ сталъ разсматривать его. Затѣмъ они коснулись носами, и БѢЛЫЙ Клыкъ почувствовалъ тепленькій язычекъ щенка на своей губѣ. Самъ не зная почему, БѢЛЫЙ Клыкъ тоже высунулъ языкъ и лизнулъ щенка въ мордочку. Раздались рукоплесканія и крики одобренія. Богомъ, повидимому, это очень понравилось. Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на нихъ. Затѣмъ, почувствовавъ слабость, онъ легъ и, положивъ голову на землю, продолжалъ искоса слѣдить за щенкомъ. Остальные щенята, къ большому неудовольствію Колли, тоже подползли къ нему, и онъ съ важностью позволилъ имъ влѣзть на него и кувиркаться съ него. Вначалѣ, благодаря шумнымъ аплодисментамъ боговъ, онъ чувствовалъ себя нѣсколько неловко, но это скоро прошло, и онъ, полузакрывъ глаза, лежалъ, дремля на солнцѣ; а щенята продолжали рѣзвиться вокругъ него.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Часть I.

	<i>Стр.</i>
Глава I. По слѣдамъ добычи	7
Глава II. Волчица	19
Глава III. Крикъ голода	35

Часть II.

Глава I. Борьба клыковъ	51
Глава II. Логовище	65
Глава III. Сѣрый волченочъ	77
Глава IV. Стѣна вѣшняго міра	85
Глава V. Зяконы жизни	101

Часть III.

Глава I. Творцы огня .	110
Глава II. Неволья .	127
Глава III. Отверженный .	139
Глава IV. Слѣдъ боговъ	145
Глава V. Молчаливое соглашеніе .	152
Глава VI. Голодъ	165

Часть VI.

Глава I. Врагъ своей породы	177
Глава II. Сумасшедшій богъ	191
Глава III. Царство ненависти	203
Глава IV. Мертвая хватка .	211
Глава V. Неукротимый	228
Глава VI. Любимый хозяинъ	236

Часть V.

Глава I. Далекій путь .	256
Глава II. Въ странѣ Солнца	264
Глава III. Владѣнія бога	274
Глава IV. Голосъ пола	289
Глава V. Дремлющій волкъ	299

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1918 годъ.

Самый дешевый, ежемѣсячный, доступный широкой массѣ читателей, издающійся шестой годъ

НОВЫЙ ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ВСѢХЪ

Краткій ПЕРЕЧЕНЬ

сотрудниковъ беллетр. отд.:
Леонидъ Андреевъ, М. Ар-
цыбашевъ, И. Вунычъ,
В. Вересаевъ, О. Дымовъ,

2 РУБ. 20 КОП.
ВЪ ГОДЪ.

В. Зайцевъ, А. Купринъ, С. Кондурушкинъ, О. Мир-
товъ, В. Муйжель, И. Потапенко, А. Серафимовичъ,
гр. А. Толстой, Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ и др.:
научно-попул. и критич. отд.: проф. Е. Аничковъ, П. Вер-
линъ, прив.-доц. А. Генкель, проф. С. Венгеровъ,
Л. Клейнборгъ, Е. Колтоновская, Н. Лернеръ, А. Лу-
начарскій, Н. Рубакинъ, академ. Д. Овсянико-Кули-
ковскій, проф. И. Озеровъ, проф. В. Сперанскій, проф.
Е. Тарле, проф. М. Туганъ-Барановскій, М. Энгель-
гардтъ, К. Чуковский и друг.

На 1913 годъ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

12 книгъ журнала, содержащихъ повѣсти, рассказы,
стих., статьи по вопросамъ науки, искусства,
самообразования, педагогики, исторіи, рецензіи
о новыхъ книгахъ и проч.

6 книгъ бесплатн. прилож., по 128 стр. каждая,
въ которыхъ будутъ даны произведенія совре-
менныхъ извѣстныхъ иностранныхъ писателей:
Уптона Синклера, Бласко Ибаньеса, Каринъ Ми-
хаэлисъ, Як. Вассермана и др.

12 картинъ бесплатн. приложенія въ три краски,
на велеиновой бумагѣ: снимки съ картинъ извѣст-
ныхъ художниковъ и портреты писателей. Раз-
мѣръ каждой картины — форматъ страницы журнала.

Подписная цѣна: 2 р. 20 к. въ годъ и 1 р. 20 к. въ полгода.

Совмѣстная подписка на „Новый журналъ для
Всѣхъ“ и „Новую жизнь“ (съ прилож.) на 1 г.—9 р.
(Разсрочка 4 р. при подп., 3 р.—1 марта и 2 р.—1 іюля).

На „Новый Журналъ для Всѣхъ“ и „Новую Жизнь“
(безъ прил.): на 1 г., 6 р. 60 к. (Разсрочка: 3 р. при
подпискѣ, 2 р.—1 марта и 1 р. 60 к.—1 іюля).

Подробные проспекты со спискомъ сотрудниковъ бесплатно. Пробные
жѣлѣ за двѣ 7-коп. марки. Подписка во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
и почтов. отдѣл. Имперія. Всѣ обязательства за 1912 г. выполнены.
Адресъ для ПЕРЕВОДОВЪ: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 19.

„Новый Журналъ для Всѣхъ“.

Ред.-изд. **И. М. Розенфельдъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ
на самый дешовый изъ толстыхъ ежемѣс. журн., до 300 стр.
уборист. шрифта, при участіи лучшихъ литературн. силъ.

4-ый годъ изданія

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Краткій ПЕРЕЧЕНЬ сотрудниковъ беллетрист.
отд.: Леонидъ Андреевъ, **4 р. 90 к.**
М. Арцыбашевъ, Д. Айзманъ, И. Бунинъ, **безъ прилож.**
В. Вересаевъ, З. Гиппиусъ, С. Городецкій, Д.
Мережковский, О. Дымовъ, Бор. Зайцевъ, А.
Купринъ, О. Миртовъ, В. Муйжель, С. Сергѣевъ-
Ценскій, Федоръ Сологубъ, гр. А. Н. Тодстой,
Танъ, Е. Чириковъ, С. Юшкевичъ и друг.
Обществ.-полит., критич. и научн. отд.: проф.
Е. Аничковъ, Ю. Айхенвальхъ, В. Агафоновъ,
П. Берлинъ, С. Венгеревъ, Л. Клейнборгъ,
Антонъ Крайній, А. Луначарскій, Л. Мартовъ,
Н. Рубѣкинъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, К.
Чуковский, М. Энгельгардтъ, П. Юшкевичъ, и др. **съ 12 кн. прилож.**

НА 1913 годъ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

12 книгъ журнала, въ которыхъ будутъ напеча-
таны романы: А. Крандievской, И. Потапенко,
фантаст. ром. Н. Березина, новѣйшіе романы вы-
дающ. иностр. писат., повѣсти, рассказы, статьи по
вопрос. литерат., науки, искусства, общ.-полит. и пр.

12 прил. подл. собран. **ДЖЕКА ЛОНДОНА**
соч. попул. америк.
беллетр., въ единств. авторизов. пер. І. А. Маевска-
го, съ биогр. и портрет., стоющ. въ отд. продажѣ —
18 руб. **12** книгъ сост. свыше 3840 стр. текста.

ЦѢНА на 1 годъ — 7 р. 20 к., на полгода — 4 р.

(Разср.: 3 р. — при подп., 2 р. 20 к. — 1 марта и 2 р. — 1 июля).
Безъ прилож. на годъ — 4 р. 90 к., на полгода — 2 р. 70 к.

(Разср.: 3 р. при подпискѣ и 1 р. 90 к. — 1 июля).
СОВМѢСТНАЯ ПОДПИСКА: на „Новый Журн. для
Всѣхъ“ и „Новую Жизнь“ (съ прилож.) на 1 г. — 9 р. (Разср. 4 р. — при
подп., 3 р. — 1 марта и 2 р. — 1 июля). На „Новый Журн. для Всѣхъ“ и
„Новую Жизнь“ (безъ прил.): на 1 г. 8 р. 60 к. (Разср.: 3 р. при
подп., 2 р. — 1 марта и 1 р. 60 к. — 1 июля).

Подробн. просп. — бесплатно. Проби. № 4 за двѣ 7-ми к. марки. Всѣ
обязательства за 1912 г. выполнены. Подписка принимается во всѣхъ
книжн. магазинахъ и почтов. отдѣл. Имперіи.

Адресъ для переводовъ: С.-Петербургъ, Владимiрскій, 19. К-ра журнала
„Новая Жизнь“.

Ред.-изд. И. М. Розенфельдъ.